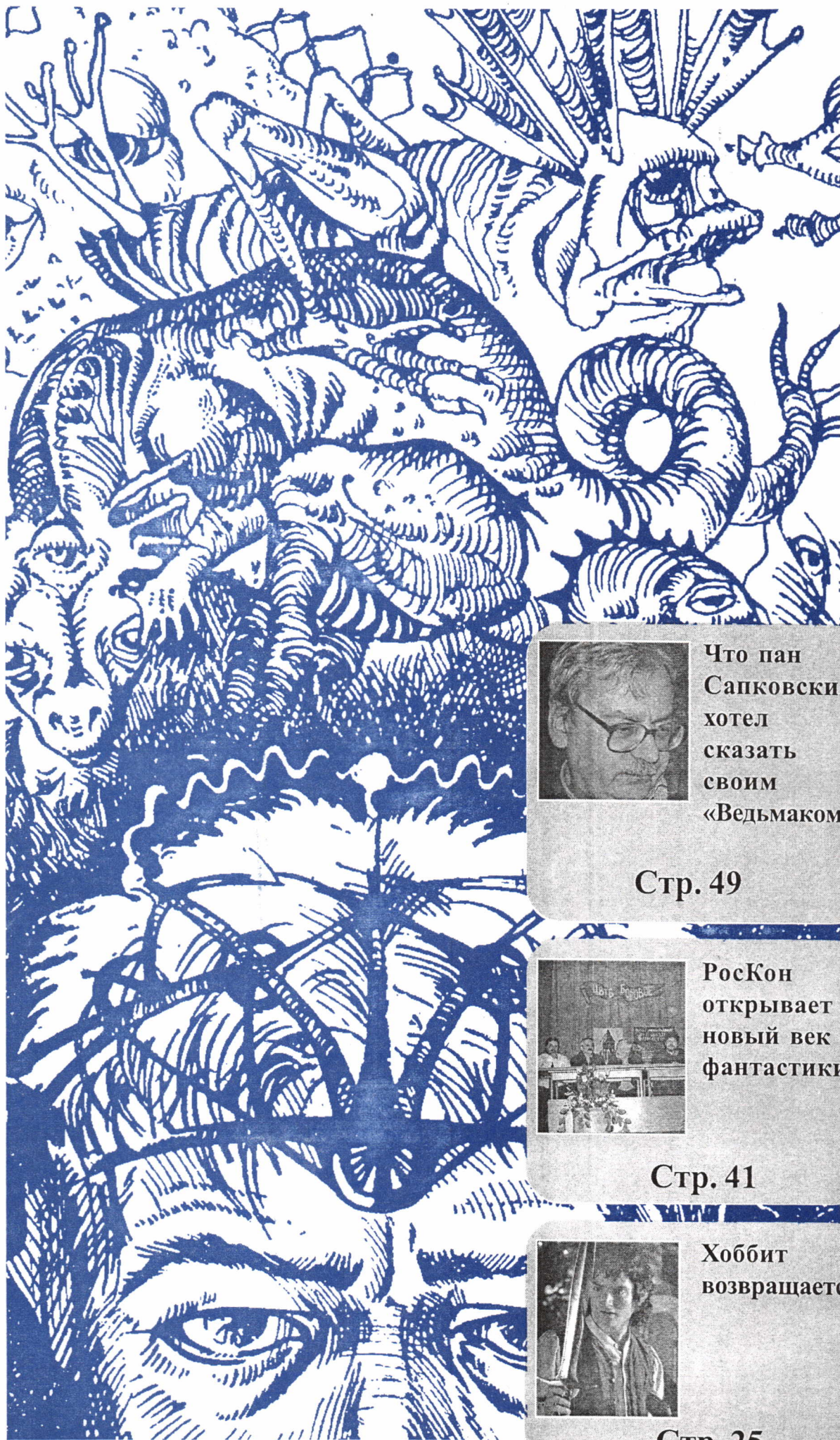

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ №1 2001

Что пан
Сапковский
хотел
сказать
своим
«Ведьмаком»?

Стр. 49

РосКон
открывает
новый век
фантастики

Стр. 41

Хоббит
возвращается

Стр. 25

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ • №1(9) • 2001

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Н. Володина. Яблоко для тролля. Повесть 2
- Е. Максимов. Южанин. Рассказ 26
- И. Ясиновская. Сумасшедшая контора. Повесть 33

БЛУЖДАЮЩАЯ МАСКА

- Н. Маркалова. Праздник для толкинистов 25

ТАМ-СЯМ ИЗДАТ

- Рецензии на книжные новинки 52

ПОЧТА

- Юлий Буркин. Удивительная рецензия 40
- Уточнения читателей 60

НФ-ПЕРСОНА

- Анджей Сапковский: «Войдите в реальность книги» 49

КУРЬЕР

- Б. Завгородний. «Вседефан-2001» 32
- Д. Скирюк. РосКон 2001 как зеркало русской фантастики 41

Издатель и редактор:

Вячеслав Запольских
lavkafan@mail.ru.

Ответственный секретарь:

Александр Лукашин,
<http://sf-enc.narod.ru>.

Художники:

Дмитрий Зарубин
Константин Кунщиков,
Владимир Колышкин.

Фото:

Дмитрий Скирюк
Юрий Зубакин.

Адрес для переписки:

614039, Пермь,
Комсомольский проспект,
63-9.

E-Mail: lavkaf@mailru.com

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция не берет на себя обязательств по рецензированию всех присланных книг.

Журнал зарегистрирован 25 ноября 1997 г. в Уральском региональном Управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации. Свидетельство № Е-2377.

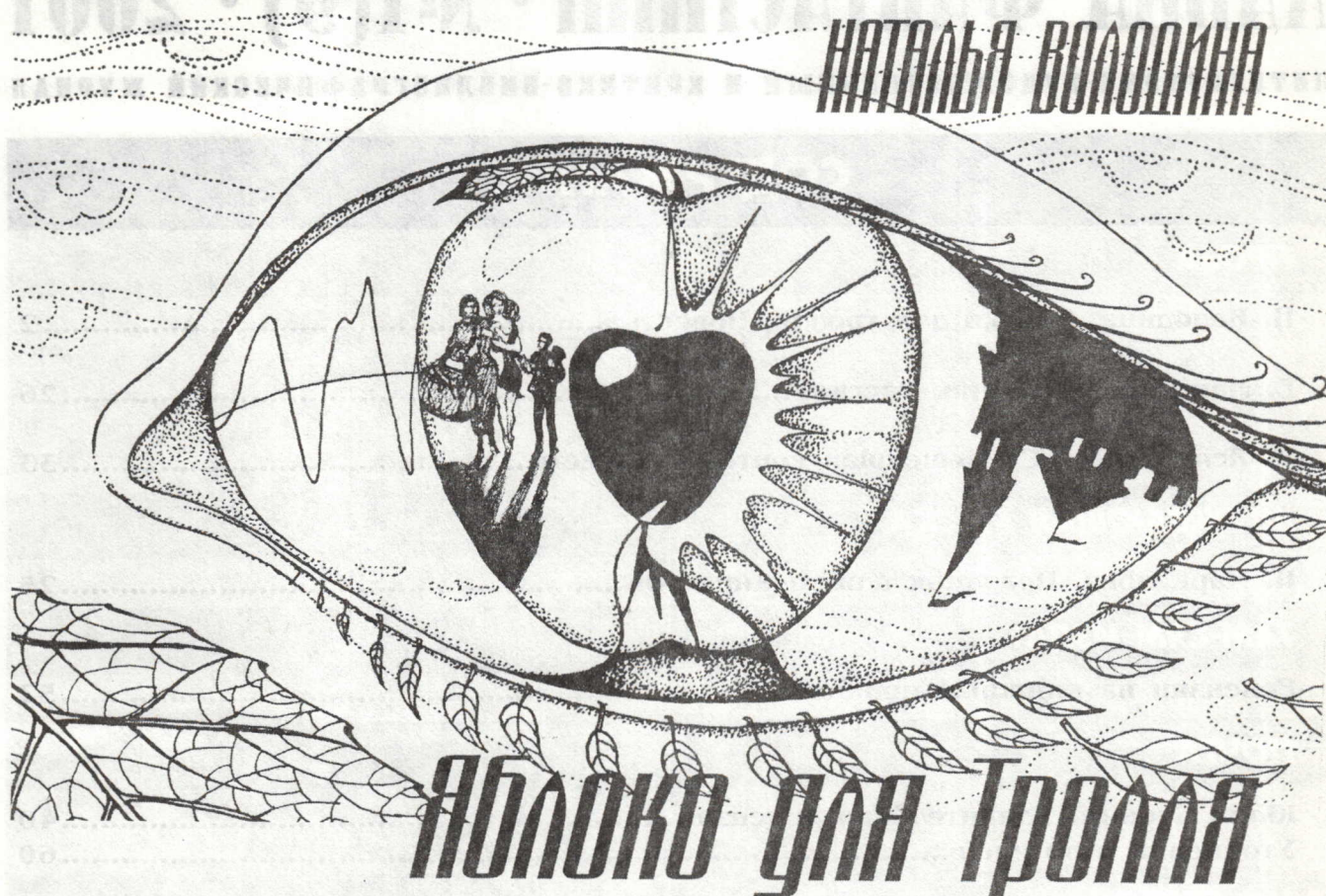
Номер выпущен на средства редакции газеты «Новый Компаньон».

Цена свободная.

В оформлении обложки использована иллюстрация А. Лебедева к книге В. Савченко «За перевалом» (1984).

© «Лавка фантастики», 2001.

НАТАЛЬЯ ВОЛОДИНА

Яблоко для Тролля

1

- Смотри, чайка попалась. Очень жирная.
- Интересно, эта чайка тетя или дядя?
- Чайка – это мясо. Тут важен возраст, а не пол.
- Почему?
- Старые – все жилистые. Вчерашняя старуха в зубах завязла, до сих пор с клыков свисает, будто я водоросли жрал, как люпень.
- Открой пасть-то. Тоже герой – зубы в два ряда, а чистить не умеешь. Люпень ты и есть.
- За люпеня ответишь!
- Ладно тебе! Лучше подумай, как домой ее понесем? Видишь, клюв – с папин клык.
- С мамин.
- Я и маминым в нос не хочу. И лапы еще! Говерь с крыльями, а не птица. И когти.
- У меня тоже, – Люс вытянул пушистые лапки и сделал когти веером.
- Ты и доставай.

Подкрались к ловушке поближе. Птица, присев на зад, долбила клювом камень, придавивший хвост. Хвост был длинный. Камень тяжелый и крепкий. Было ясно, что если не вмешаются Боги, ситуация и за сотню оборотов не изменится. Львята расслабились и легли на песок. Люс – пузом, Брита – брюхом. Чайка стучала по камню куда-то назад себя и смотрела искоса, низко голову наклоня. Неприятно так смотрела. Желчно. Молча. Неудобно, знаете ли,

изъясняясь в такой позе. Впрочем, первой заговорила именно она.

– А помочь?

Ей пришлось прервать увлекательное занятие и задрать голову: вмиг львята повисли в воздухе парой надутых шаров. Шерсть распушилась, словно каждый волосок неожиданно опротивел соседу и решил расти автономно. Картинка получилась красивая, но коротенькая. Пузо и брюхо шлепнулись на прежние места. Еще какое-то время падал песок. Сверху.

- Люс.
- Ага.
- Чайки не разговаривают.
- Не-а.
- И мы не грызли корешки.
- Не-а.

– Божечки! – проворчала птица. – Набросали всякого мусора на хвост. Мало того, что унижительно, так ведь еще и неудобно. Думаете, сидеть на заднице для меня обычное дело?

- Заткнись! – икнул Люс.
- С чего бы? – фыркнула чайка.
- Мясо молчит.
- Мясо молчит, а я говорю. Какой вывод отсюда следует?
- Ты не мясо, – мямкнула Брита.
- Сожрем – и замолчишь, – пообещал Люс.
- Девочка получилась умная, а мальчик деятель-

ный. Перспективное потомство, — определила птица.

— Отвалите камешек?

— Уже побежали. За папой. Он с тобой болтать не будет!

— А что он со мной будет?

— Жрать.

— Какой упертый мальчик. Все жрать да жрать. Маньяк, а не ребенок!.. Не надо нам папы. На сделку пойдете?

— Не пойдем.

— Почему это, интересно?

— Ты — жирная, — припечатал Люс, облизываясь.

— погоди, Люс, кто знает, что может говорящая чайка? — вмешалась Брита.

— Вот именно! — подхватила птица. — Вдруг я умею нечто особенное?

— Скакать на одной лапе? — удивился Люс.

— Рассказывать сказки, — догадалась Брита.

— Ска-азки... Мне бы лучше...

— Пожрать, — закончила чайка. — Я буду приносить тебе рыбу.

— Каждый день. Много. Долго...

— Стоп! Одна рыбина и одна сказка ежедневно. Отвалите камешек.

— Люс, помоги, — Брита прижалась мягким плечом к валуну. — Ты ведь не обманешь нас, птица? Дай слово.

— Все та же вера, — усмехнулась та. — Какое слово предпочитаете? На выбор: честное октябрющее, зуб дам, клянусь пфеннингом моей бабушки... Одна история и одна рыбина в день. Ну, раз-два! Уфф... Давненько я так долго не сидела. Рыбы у меня сегодня, как видите, нет, зато сказка будет длинная. И с продолжением.

Львята поудобнее устроили на песке пузо и брюхо и услышали:

— Жил-был Тролль...

2

Тут я не выдержала, изловила возлюбленное чадо, подняла за чудесные розовые ушки и шлепнула его попой ни в чем не повинное вагонное сидение. Если б я вовремя позаботилась о появлении на свет второго чада, то хлопнула б их сейчас друг об друга. А так — сиденье пострадало. Оно за двое суток натерпелось страху и за себя, и за вагон, и за систему железнодорожного сообщения в совокупности. Я, конечно, знала, что рискую не одна, да захотелось похвастаться перед друзьями главным достижением жизни. Прибитое к сиденью, достижение выглядело вполне адекватно: голубые глазки, длинные локоны, замызганная одежка (вагон стал существенно чище).

— Мама! — воззвал Геничка. — Пока мы едем, моя сильность на сколько повысилась?

— На столько же, на сколько упала крепкость вагона.

— А это много?

— Можем и не доехать.

— Ура! — возрадовался Геничка и попытался вскочить. Видимо, наращивание сильности требовало непрерывности процесса.

— Сидеть! — заорала я жутким голосом, от которого повылазили из орбит последние оконные стекла и глаза пассажиров. — Сидеть, или...

— Что? — поинтересовался ребенок, взирая на меня с радостным любопытством. Пришлось выдохнуть.

— Песенку спою, — вяло закончила я, тоскливо вспоминая последний наш с Геничкой и К° совместный хоровой опыт, произведенный минут сорок назад. Пели все. На лицах попутчиков отражалось многое, в зависимости от конкретного темпераментовладельца или носителя половой конституции. Помню ужас, отращивание, депрессию, покорность, мировую скорбь. Счастья не припоминаю.

— Может тебе, внучек, сказочку рассказать? Про курочку Рябу, — прозвучал жалобный голосок откуда-то из-за шторы.

— Про Рябу не надо. Там не бьются.

Я поняла, что людей нужно спасать.

— Расскажу тебе про Тролля. Там бьются.

— Часто?

— Иногда.

— Пусть почаще, да, мамочка? И плохие должны все время оживать, чтобы снова было с кем биться.

— Договорились. Итак, жил-был Тролль...

3

Жил-был Тролль. Когда-то, много веков назад был он волшебником, умел делать всякие штуки: двигать горы и ушами, превращать головешки в золото, а уродин — в красавиц, рисовать мамонтов на скалах и петь на три голоса. Но как-то раз он на неделю охрип, искупавшись в ледяном ручье, заклинания никак не выговаривались, и Тролль ничего чудесного не вытворял. А к концу недели понял, что мир без его волшебства не изменился. Золота хватало, уродины изобрели косметику, а уши шевелились и без приказаний. «Что ж, — подумал он, — пусть так». И стал просто жить. Попадал, конечно, в разные передраги, но силу свою великую не применял, выкручивался как обычный человек. Со временем он и выглядеть стал, как человек. Небольшого для мужчины росточка, щупленький, жилистый, перья на голове выродились в волосы, правда, по-прежнему топорщились во все стороны и усилиям ножниц и гребня не поддавались. Остались с тех давних, волшебных пор с ним только вечная его жизнь, ярко-фиолетовые глаза, да любовь к сочинению дурацких песенок. Песенки вырастали в душе как бабочки в коконе и, повзрослев, улетали и порхали совершенно самостоятельно. Иногда Тролль считал их своими детьми. Других ему дано не было.

В прежние времена обитал наш герой большей частью в лесах. Любил то, что растет само: и травку, и козьявку, и тварь покрупнее. Нежничал с жабами, болтал с белками, мерился силой с медведями. Появились приятели и среди людей.

— Мамочка! — встрял Геничка. — Если он сейчас же не забьется, я пойду играть с дедушкой в соседнее купе.

За стенкой всхлипнуло, запахло корвалолом, зазвенело зубами о стекло, тяжело рухнуло на лавку.

— Забьется, не забьется, — заворчала я, панически

соображая: с кем бы ему забиться? – С кем бы ему забиться, если мы до людей только вот добрались? С ежиком, что ли? Был у него один кабан знакомый, всегда пер напрямки, как баран. Никогда тропы не уступит. Встанешь на пути – непременно сомнет, да еще потопчет, клыками потычет. Так ведь с его дороги и отойти можно загодя, не хочешь – не дерись. А остальные звери Тролля уважали, любили даже. Нет, с ними проблем не было, если обычаи знать. Проблемы только с людьми бывают. – «С тобой, например», – подумала я мрачно.

– Значит, говори о людях, – потребовал сын.

Между прочим, если вы считали Геничку производным от Геннадия, то хи-хи вам и ха-ха. Это уменьшительная форма от Гений. Ладно-ладно, не надо меня подозревать в мании величия или комплексе матери Христа. Так назвала своего первенца во втором дивизионе обожающая бабана, приподняв впервые кружевной уголок над сопящим носом младенца. Ее мудрое отношение к жизни сразу куда-то испарилось. В глазах зажегся свет, на челе – звезда, за спиной отросли крылья, а в сердце пламенный мотор. Отрос. То была женщина как женщина, в меру занятая собой и другими, а тут ее как прорвало. Второе дыхание открылось. Этакая лебедь-марафонец. Значит, подымает уголок над сморщенным сопящим личиком – и все. Запала. «Гений!» – шепчет. «Спасибо, мамуля», – думаю, меня благодарит за сей подарочек. А она глаза безумные подымает, и чувствую: чего-то в них нет. Пустовато. «При чем тут ты? – говорит. – Гений – он!» И снова под уголок – нырь. Тогда уж подсчитала я, чего в них не хватает, в глазах. Многовато вышло: меня, отца, соседок-подружек, телевизоров, дачного участка, сибирского кота-любимца, дня, ночи и всей этой дурацкой вселенной. А был Он один: Гений, Бог, Царь, Повелитель и прочий Геничка.

Сейчас этот покоритель бабушек сидел напротив, и левая нога в растоптанной сандалие – о ужас! – уже стояла на трусливо дрожащем вагонном полу.

– Все-все! Про людей.

4

Погода год от года портилась. Зимы зверели, прочее мокло и кисло. Порой вода не шлепала под ногами, а хрустела и резала пальцы. И падал сверху странный белый песок, на вид – нежный, как пух птенца, а на ощупь – колючий и холодный. Снег. Однажды осенью вместе со снегом пришли с севера люди. Маленькое племя во главе со старой самкой. Совсем мало мужчин, все худые, замерзшие, совершенно лысые места. Шерсть росла у них почему-то только на туловище. Потом Тролля узнал, что эта шерсть им не родная, а просто одежда, сшитая из шкур животных, а без нее люди совершенно безволосые, если не считать растительности на голове, и такие же беззащитные перед холодом, как и он. Тролля долго трудился, но сделал-таки себе нечто из шкур, не особенно стильное, но теплое и крепкое. Он давно уже мерз, а к югу уходить не решался – не любил перемен.

Племя, к изумлению лесного народа, не вымерзло за зиму, слегка проредило звериное население и по-

рядком подпортило настроение заячьим семействам. Люди нарыли землянок и жгли костры. Тролля с удивлением узнал, что еще кто-то, кроме него, пользуется огнем. Частенько подкрадывался он к стоянке и потихоньку наблюдал за человеками, особыми стайными, рациональными. Ему казалось, что за их обычными занятиями просвечивает некий другой смысл, чем за деловитой хлопотней зверей, даже таких старых и уважаемых, как птица Крак, приятель нашего героя. словно кроме самой жизни могла существовать иная, новая цель. К тому же, люди умели петь и смеяться. Тролля они нравились.

Весной согрелась земля, проснулись пчелы, засияли жадные до солнышка одуванчики, и появился бешеный волк. Он шастал по лесу и убивал все, что отражалось в его мертвых глазах. Пьяное от совокупления зверье почти не сопротивлялось, но когда волк задрал пару человеческих самок, люди вырыли ловушку и загнали туда больную тварь. Волк сидел в яме, убить его побрезговали. Тролля прикрыл ловушку ветками от солнца и иногда подкармливал выродка падалью. Сейчас он, присев на корточках, как раз бросал зверю дохлых мышей, раскачивая их за хвосты. Жрал тот вполне осмысленно, это он умел.

– Развлекаешься? – Крак – огромный, седой от старости ворон неловко плюхнулся на самую толстую ветку ближнего деревца. Оно крякнуло, но выдержало.

– Не одобряешь?

– Все одно – сдохнет. – И, помолчав, добавил, – Убили их, твоих приятелей.

– О ком ты? – спросил Тролля, не желая знать ответа.

– О людях, о ком еще.

– Как?

– С севера пришли другие. Самцы с дубинами и острыми кольями. У некоторых кольев острия блестят и режут лучше камня. Раз – и насквозь. А еще у них есть сверкающие короткие ножи. Похожи на каменные. Очень удобно головы отрезать.

– Они что, бешеные?

– Отнюдь. Веселые. Празднуют победу, поют и смеются.

– Врешь.

– Посмотри сам.

Помолчали. Потом Тролля поднялся и тихонько пошел к становищу. Мудрая птица Крак слетела наземь с радостно разогнувшегося дерева и со словами «ох, грехи!» проглотила последнюю дохлую мышь. Оскорбленный волк драл когтями земляные стены и жрал свой помет.

5

Не так уж их было и много. Чужаки жарили мясо, плясали, вопили и скакали, изображая особо удачные моменты охоты на людей. Чье мясо они, собственно, и жарили. Кругом валялись изломанная утварь, одежда, инструменты – добро, с любовью хранимое прежними владельцами и не имеющее ценности для пришельцев. Тем нужно было только мясо. Трупы убитых заботливо разделявали, самые качественные кус-

ки укладывали на носилки. Было ясно, что с собой чужаки могут унести едва ли десятую часть добычи. Чересчур сытые падали мордами прямо в то, что ели, и запросто могли быть живьем расчленены своими сородичами. Никогда раньше Тролль не видел сразу столько красного. Никогда раньше Тролль не видел такого разнообразия выражений на лицах трупов. Он бы, пожалуй, поблевал.

Видимо, он подошел слишком близко. Убийцы-сторожевые заметили наблюдателя и азартно засвистели. Тут же все: и сытые, и очень сытые, и обожравшиеся повскакивали и с воем бросились к нему, желая продолжить потеху. «Ладно, — подумал Тролль, — я вас не приглашал». И нырнул в лес.

6

Когда Тролль в очередной раз оглянулся, преследователей осталось всего пятеро. С незнакомым ранее мстительным удовольствием вспомнил он, куда девались остальные. Зыбучий песочек — один, сломанное бурей дерево, которое в нужный момент стукнули по определенному месту — два, приятель медведь не оплошал — три, водоворотик на переправе — четыре... Ну и далее по убывающей. Мелкие лесные неприятности. Даже придурак-кабан не подвел, до сих пор, поди, топчет того кривоногого, наступившего отдыхающему в кустиках зверю прямо на морду. Что в запасе? Вихлявое бревно-мосток через речушку. Не столько речка глубока, сколько падать высоко. На камни опять же. Болотище в низине, там и зимой провалиться можно, а с виду — чинно-пристойно, полянка — полянкой. И, конечно, особенный сюрприз. Тролль опять оглянулся и с криком: «Бодрей, бодрей! Не унывать! Не отставать!» — прыгнул на подленькое бревно.

После болота сзади топал только один, но и Тролль порядком подустал. Преследователь был ражий мужичище-вожак с ломаными зубами. Может, он с рысью целовался, неизвестно, но губы у него отсутствовали, и оскал казался совершенно зверским. Из рта текла пена, по телу сочилась кровь от мелких порезов, рука беспорядочно болталась, копые утонуло в болоте. Однако ноги работали равномерно и мощно.

Тролль вдруг встал и развернулся. Детина дотопал до него, взмахнул здоровой рукой. Взглянул Тролль в мертвые глаза и резко отпрыгнул назад.

Самец шагнул.

— К тебе брат, — горько усмехнулся Тролль, отвечая торжественно взывшему волку.

7

Тролль сидел, обхватив руками колени, на краю становища, на одном из немногих свободных от подсыхающей липкой бурой корки и внутренностей клочков травы. Кровь людей была ему неприятна. «Забавно, — мелькнула вялая мысль, — к звериной крови у меня нет отвращения». Лес оцепенело молчал, деревья прижали листья к веткам, живые твари попрятались по норкам и гнездам. Или разбежались?

— Поболтаем? — Крак шмякнулся ему на плечо.

— Уйди. Я устал.

— Ты не устал, ты задумался.

— Неужели? Может, знаешь о чем? Я — нет.

— О том, о сем... Ты уходишь к людям. — Не дождавись никакой реакции, Крак добавил: — И больше не будешь к ним привязываться.

Тролль тряхнул плечом так, что тяжелая птица, кувыряясь, отлетела к деревьям. Взял одну из странных палок с блестящим концом, и отправился нанести прощальный визит.

— Будешь в наших краях — заходи! — каркнул Крак вдогонку из кустов.

8

Обожравшийся волк в своей яме даже головы не поднял.

— Теперь тебя некому будет кормить. Что ж, напоследок ты неплохо пообедал.

Серебристая струя мягко вошла выродку точно между глаз.

9

— Мамашенька, что же это! Какие вы ужасы дитю рассказываете! — неожиданно прервала зашторенная бабулька благородную тишину. Я не оговорила? Ух ты! Действительно, в вагоне царила тишина. Паровозные гудки, грохот колес о шпалы, скрежет дряхлого состава, естественно, не имели никакого значения. Генчика прилип к лавке, мордочка сияла вдохновением.

— Не нравится — могу не продолжать, — буркнула я. — Можно подумать, с нашей стороны сказки приятнее.

— Нет-нет, прошу вас! Весьма оригинальная притча, — взмолился из соседнего купе интеллигентный голосок стареющего любителя корвалола. «Ага, конечно! — саркастически подумала я. — Притча-то банальная, да ваше сердце второго пришествия Генчики никак не выдержит».

— Мамочка! — встрепнулся сынуля. — Плохие скоро оживут? Чтобы опять биться.

— Сказать по правде, плохие не оживают. Но и не переводятся, так что без них не останемся.

— А Тролль не умирает? Ты сказала, он живет вечно. Это долго?

— Это всегда.

— И сейчас живет?

— Да. Обязательно. Где — не знаю, честно говоря. Может, в Пензе.

— Почему в Пензе? — удивилась поборница курочек-ряб для детских ушей. — Я ж оттудова. И дед мой, и тетка, и ...

— Значит, в Орле, — решительно прекратила я пререкания. — Дальше будете слушать или нет?

— Будем! — дружно отвечал вагон, и в каждом гласе звучала своя надежда. Персональная, как компьютер.

10

Положим, жил Тролль все же не в Орле, а в Верхней Салде. Работал в армянской фирме «Тарго» коммивояжером, продавал мужскую косметику: средство от перегара «Антитещ», одеколон «Буря кроет», дезодорант «Ара-мать», шампунь «Для перхоти», прочую мужчинскую ерундистику, сплошь из натуральных химикатов. Шел он по грязной вонючей улочке

времен дедушки Демидова кривиком (т.к. улочка изгибалась змеюкой) к бюстозаводу имени дедушки Ленина. Во время оно специализировалось предприятие на выпуске бюстов второго по ходу рассказа дедушки, а сейчас шлепало первого. Дело оказалось выгодным, зарплата выплачивалась, мощности наращивались. В общем, наличествовали на бюстозаводе потенциальные жертвы армянской товарной интервенции.

Выглядел Тролль нынче презентабельно, лицо фирмы как-никак: клетчатые брючки модного кроя, куртка с разрезами «роза ветров», стильные боты на двух каблуках под углом, все одноразовое, яркое – просто супер. Правда, вид несколько портила торчащая грива. Специалист по визажу, сотрудник «Тарго», долго загибал ее в разные стороны, намачивал, окрашивал, накручивал, прореживал, потом заплакал: «Слющай, тебя какой мама рожаль? Не армянский?» И лишь услышав категорическое «нет», слегка успокоился.

Сначала коммивояжер заглянул в слесарку к знакомому Феде. Тот неотступно следил за модой и тем, за что ее принимают, и одевался почти так же броско, как Тролль. По Феде равнялось большинство мужского контингента завода и часть женского определенной направленности.

– Слушай, Стасик, – сказал Федя Троллю, – заскочим на минутку в бухгалтерию, у моей Светки сегодня именины, они с бабами стол собрали, ждут. Неудобно опаздывать. А после поглядим, что ты принес. – И уже на ходу добавил, подхватив из-под станка цветы, – Они новенькую приняли. Девочка – умереть за рубль!

Сердце Тролля дзинькнуло.

Размахивая букетом, Федя влетел в бухгалтерию, таща за руку Стасика. С криком: «Где моя примадонна?!» влюбленный проволок коммивояжера по комнате, сметая им и собой все препятствия на пути к предмету воздыханий. Летели стулья и деловые бумаги. Очередной преградой оказалась новенькая. Неудержимый в порыве страсти слесарь довольно крепко стукнул ее Стасиком. Девушка чуть не упала.

– О, мадам! Простите! Любовь несет меня, я вижу лишь Светлану! – воскликнул Федя и представил их друг другу, приседая от воспитанности за обоих, – Аделина. Стас.

– Мы знакомы, – улыбнулась Аделина, положила теплые руки на плечи Троллю и поцеловала в губы. – Привет. Вот мы и встретились.

Конечно, это была она. Его Душа.

11

– Мамочка, что такое душа? – поинтересовался Геничка.

– Душа – это нечто. Нежное и эфирное.

– А что...

– Уже ничего, – прервала я сей поток любознательности. – Вернее, уже Москва. Приехали. Дождь был, но кончился. Пошли.

Засидевшиеся пассажиры выглядывали в окна, выискивая встречающих именно их, цепляли на себя

гроздь чемоданов, прощались друг с другом с такой радостью, будто теряли навеки заклятого врага, примеряли столичные выражения лиц. Подошел попроситься мужчина из соседнего купе. Он оказался скорее огромным, чем большим, и не таким уж старым.

– Девушка, вы ведь расскажете сказку до конца этому победителю? Запишите и издайте. Пожалуйста.

– Зачем? – опешила я.

– Интересно, что будет дальше. Счастливо, укротитель, – это уже Геничке. – Наравняй сильность здесь, – он постучал пальцем по макушке моему ангелочку. Не больно, но с удовольствием.

12

Мы были в конце пути с одного вокзала на другой, когда ее выбросили из красивого такого автомобиля на тротуар прямо нам под ноги. Машина сразу уехала. Выпихнули нарочно в лужу, сволочи. Девушка была совершенно голая, рыжая, грязная и невероятно пьяная. Она встала на четвереньки к нам лицом и зарычала от ненависти. Геничка зарычал тоже и принял боевую позу. «Води после этого детей по улицам», – заворчала и я, задвигая сыночка за спину, и, нагнувшись, заглянула в глаза находке. Смысл в них вроде имелся. «Вставать будете?» Дама молча поднялась. Она оказалась на полголовы выше меня (а я не дюймовочка), худой как стелька в профиль и неустойчивой. От холода ее трясло, зубы звучно лязгали. Лучше б я рубль нашла! Упаковала девушку сначала в свой плащ, потом в подрывившее такси.

– В милицию или в больницу? – спросил шофер.

– Пошел ты на ... со своими рекомендациями, – интеллигентно ответила дама хорошо поставленным голосом, аккомпанируя себе зубами. Мы узнали в подробностях и красках, где она желала бы увидеть то и другое общественные учреждения, а потом назвала адрес. Добрались быстро.

– До квартиры-то дойдете? – с надеждой поинтересовалась я, взглянув на часы: на поезд мы еще не опаздывали. Выбравшаяся из машины девушка в ответ гордо трянула рыжими кудрями и куда-то завалилась. Пришлось расплатиться, взять в охапку колючего Геничку, походный ридикюль метр на метр и тащить ее провожать.

У дверей в квартиру вышла заминка. Я звонила, звонила, а там не открывали и не открывали. «Нет никого, – вдруг исторгла из себя моя красотка, подпирывая мусоропровод. – Одна живу».

– Зачем же было сюда ехать? Что-то я не видела на вас ключа.

– Замок кодовый.

Тыфу, кошки в бок! Отлипнув от мусоропровода, она изволила потыкать ногтем в нужные места. Двери рая отворились перед нами и захлопнулись за.

Ничего себе квартирка, евродизайн в собачьей будке. У входа под ногами на пушистом коврике удобно устроился телефон. Ты-то мне и нужен! Я присела и подняла трубку.

– Мадам, назовите номер, по которому мне следует позвонить.

– Позвонить, – повторила мадам. – Зачем?

– Я набираю номер, объясняю ситуацию вашим близким, те приезжают, занимаются вами, а мы с сыном продолжаем путешествие на следующем поезде.

Ноль реакции. Девица к этому времени опустилась на пол. Геничка тоже. Они строили друг другу рожи. Всякие телефоны, поезда и прочая муть их абсолютно не волновали. Конечно, я знала несколько московских номеров. Можно было позвать на выбор: милицию, санитаров или пожарных. Последние хоть помыли бы ее.

– Девушка, вам нельзя в таком состоянии оставаться одной.

– Я не одна. Ты здесь.

Пат. Мы злобно посмотрели друг на друга.

– Меня зовут Лена, – первой сдалась я.

– Долли, – охотно представилась эта зараза.

13

В отсутствие пожарных заниматься стиркой Долли пришлось мне. Я сунула ее в ванну, основательно полила какой-то пенящейся жидкостью с иностранной этикеткой (надеюсь, не средством для дезинфекции унитаза) и прополоскала. Представ в чистом виде, существо оказалось неожиданно миловидным и юным. Погудев феном, облачившись в ярко-зеленый халат и чуть протрезвев, она принялась разыгрывать роль хозяйки дома, видимо, это дело у нее шло на автомате.

– Будем пить кофе.

Усадив нас с Геничкой на белую суперсофу в гостиной, Долли утонула в хозяйственных заботах. Канула в водоворот кухни.

– Мама, – мрачно сказал сын, – тетя мне не нравится.

– Мне тоже.

– Тогда почему мы тут сидим?

– Черт его знает.

Помолчали. Геничка спросил:

– Можно в окошко выглянуть?

– Если исполнишь одну просьбу. Останься с этой его стороны.

Крошка посмотрел в окошко, потом еще кое-что посмотрел. И еще. И еще. И... Пришлось примотать птенчика к себе корабельным канатом. За окошком между тем были: поздний вечер поздней весны, дождь, свобода и виды транспорта, везущие достойных того людей в места красивые и хорошие.

Долли явилась эффектно. На фоне кошмарной зеленой занавески, скрывающей худощавые прелести хозяйки, гордо плыл никелированный баркас на колесах, уставленный жестяными дребезжащими чашками и уродливым кофейником.

– Что это? – оторопела я, показывая на помесь раздавленной консервной банки и каталки для покойников.

– Спецзаказ. Мастерская дизайнеров Синих. Очень талантливо. – Не дождавшись нашего восторга, добавила, – И дорого.

Она подтащила к изделию памяти Синих роскошное кресло и элегантно присела мимо. Откуда-то снизу прозвучало:

– Извините, но кроме кофе ничего нет. Я на диете.

– А мы на откорме. – Я пошла выгребать из баула остатки дорожной снеди. Кушала Долли с аппетитом. Геничка тоже. Испив крепкого кофею, мое чадо тотчас уснуло.

– Отнеси его в будуар, – посоветовала хозяйка, махнув длинной рукой в направлении где, по ее мнению, данное помещение находилось. Сейчас там уверенно расположилась стена, увешанная картиной художников, вероятно, Красных. Тошнотворное зрелище. Я подняла свою пудовую пушиночку и отправилась на поиски будуара. Вернувшись, отметила, что интерьер претерпел некоторые изменения. Железно-покойное сооружение, в частности, украсилось массой бутылок, разных по форме и содержанию. Невероятно иностранных, судя по этикеткам.

– За встречу, – Долли лихо хлопнула бокал, по объему скорее смахивавший на пивную кружку. Жесткое выражение ее бледной физиономии мне не нравилось. Да что там, эта дама мне вообще не нравилась. Физиономия просто не являлась исключением. Широкий рот ее обладательницы исказила светская улыбка.

– Ты, должно быть, счастлива, что познакомилась со мной? Могу дать автограф.

Я пригляделась к ней повнимательнее. Кроме вышеупомянутого плотоядного рта лицо состояло из следующих компонентов: прямые упрямые брови, длинные, почти до ушей, и озерообразные серые глаза, надвое рассекающие узкое конопатое лицо. Слится им не позволял высоковатый и длинноватый нос, несколько портивший его владелицу. Как я уже рассказывала, красавица, претендующая на известность, улыбалась, что тоже не особенно украшало ее: верхняя губа при этом задиралась, обнажая широкие зубы, нависавшие над нижней губой карнизиком. Среди небольшой компании известных мне известных людей такой рыжей и наглой точно не было. Я брякнула наудачу:

– Ведущая программы «Передом на Запад!»

– Вот еще! – оскорбилась девица. – Я звезда эстрады. Группа «Бергамот по средам». Мы очень популярны. – Она небрежно закурила и лихим жестом закинула ногу на ногу. Пара бутылок шлепнулась на ковер. – Неужели не слышала? Хотя, в твоём возрасте слушают уже «Машину времени» и похоронные марши.

Она, оказывается, острит.

– Давай, напою наш хит, сразу вспомнишь, – и заняла:

Ах, я бедная, бедная Лиза.

У меня нет ни верха, ни низа.

У меня нет ни лева, ни права.

Я, наверно, не Лиза, а Клава.

Мелодию я раньше не слышала, и слава Богу. Стихи были, как ни странно, мои. Видимо, решив, что окончательно поразила мое воображение, Долли вдруг встала, шлепнулась рядом и стала больно целовать меня в губы. Не прерываясь, она прытко вылезла из халата и трусов, повалила меня на софу, сама пала сверху. К ее досаде, я на сии намеки никак не отреа-

гировала. Было скучно и хотелось спать. Мы наполовину свисали со снежного мебельного плато. Тикали часы. Она уже перестала грызть мои губы, лежала рядом. Ее опять стало потряхивать. Вдруг она ткнула лбом мне в плечо, сказала: «Пожалуйста», потом подняла голову. Глаза у нее были жалкие, как у издыхающей лошади. Поглядев в них секунд десять, я чертыхнулась, плюнула на ориентацию и полезла вниз: целовать, куда она просила. Интересно, качественно ли я ее вымыла? Эту даму.

Мадам кончила, лежала, не шевелясь, раскинув в стороны тощие ноги в синяках и закрыв локтем лицо.

– Достаточно?

Не дождавшись ответа, я пошла в ванную и хорошенько почистила зубы. Вернувшись, застала Долли в той же позе, но с открытыми глазами.

– Знаешь, что они со мной делали? – спросила она спокойно. Тело изогнулось в конвульсии, ее стало рвать. На белый атлас софы.

Потом мы бросили на ковер какие-то тряпки и легли спать. Девушка долго рыдала, обвив меня, как удав березу. Под утро, всхлипнув напоследок, засунула нос мне в ухо, выдавила: «Ненавижу тебя», и заснула.

Самоуверенное создание граждан Синих бликовало и ликовало в ранних солнечных лучах. День обещал стать пай-мальчиком. Во всяком случае, в погодной ипостаси.

14

Мы с Геничкой тайно собрались и, поковырявшись минут пять с дверным замком, трусливо сбежали, пока Долли еще спала. Мы дали друг другу слово впредь оставлять найденные предметы там, где они валяются: в луже, в чужом кармане или на дне Марианской впадины. Плащ завис в зубах врага, все равно безнадежно испорченный гостеприимной московской грязью. Уже в поезде до меня дошло, что в его кармане находилась записная книжка с телефонами и адресами – специально переложила поближе, чтоб в любой момент достать можно было. На отдельном, вложенном в блокнот жестком листочке красовались координаты господ Петровых, к коим мы и направлялись. Ладно, я их хоть помнила. Дурное предчувствие по-хозяйски цапнуло за пятку.

Утомленное кознями судьбы чадо вело себя на редкость благообразно и три часа дороги от Москвы до Лжедмитриевска не возникало. Один раз его даже поставили в пример.

Манюня и Леня Петровы нас, конечно, немного потеряли. Жили Петровы в центре Лжедмитриевска в огромной, сталинской постройки квартире, за которую, собственно, и были избраны гостеприемниками.

– Леночка! – истерически щебетала круглая Манюня, особа слегка восторженная, – какой сын, какой мальчик! Неужели ты его сама родила? Такой огромный, красивый мальчик, весь в мамочку! Смотрите, какие у нас ушки. Мамочкины ушки! А язык! Такой длинный, красный язык, очень гибкий язычок. Умница, прелесть, хочешь гороха? – ну и в таком духе минут 15, вертя и крутя Геничку, совершенно

изумленного силой напора манюниной энергии, выпавшей даже его боезапас. – Светка! Беги сюда, здесь та-акой кавалер!

На зов явились: Светка восьми лет, кошка, собака и джинсовая матушка Манюни, тотчас поставленные Геничкой в ровные колонны, определенные на службу и пристроенные к делу. Очкастый Леня, в позе интеллигента скромно мывший пол, был допущен, наконец, поприветствовать. Он всегда казался немножко славным, подарок, а не муж, а Манюня отшлифовала его душевные грани до сияющего блеска солдатской пряжки.

Петровы слегка богемствовали и чтили себя интеллектуальной элитой. Леня пел под контрабас, Манюня расписывала ложки из нержавеющей стали. Квартира походила скорее на стенд достижений кружка «Умелые руки», чем на жилище. Периодически свисали с потолка голубые канаты, символизовавшие струи дождя, стены были затянуты самоткаными коврами в исполнении матушки Манюни, а углы – самотканой паутиной в исполнении пауков. То там, то тут, то из-под полки, то над унитазом смотрели неотступно глаза великого гения Альберт Ивановича Эйнштейна, кумира Лени. Центром домашней вселенной Петровых, духовным очагом сиял на бархатном пьедестале посреди гостиной ярко начищенный черный контрабас. Все это должно было будить воображение и стимулировать творческие позывы.

– Наши когда соберутся? – поинтересовалась я, проходя сразу на кухню помогать.

– Часика через два начнут подтягиваться. Ой, кто будет, не поверишь! Приехали Бобровы из Минска, Жанна с дочкой, Андрей со второй женой разошелся, на первой женился – они, Марик со своей дурочкой, Васюся, Иришка с Мишкой прилетели, Гога и все Болимбасовы. Короче, полкурса будет. Детей к аниной маме отведем, они присмотрит. Давай держи нож, вот это надо мелко-мелко-мелко, синеньким присыпать сверху, укропчик где-то здесь...

– Не учи кошку рожать, – важно протянула я, и мы ринулись в битву.

15

Точно через два тире четыре часа май либер Геничка энд другие чилдрен вплотную занимались анечкиной мамой, а мы отмечали праздник нашего курса. Сие событие по традиции ежегодно совпадало с днем рождения пятерых братьев-близнецов Болимбасовых, работавших сейчас в Германии и приехавших на встречу на пяти новеньких шестисотых мерседесах цвета зеленая тоска. В связи с появлением сына и отращиванием его до удобоперевозимой (да-а?) кондиции, я несколько юбилеев упустила и на этот раз намеревалась утешиться по полной программе.

Когда черный контрабас покинул пьедестал, последний оказался обыкновенным раздвижным столом. Его обширные пампасы населяли теперь салаты наливье, шпроты каракумские, огурцы под кетчупом. Были еще: синие из манюниных эстетических соображений куриные тушки, лежащие в эротических позах лапками вверх; сыр торчал из помидоров; с

потолка свисали порезанные серпантином копченые колбасы. Свежайшая, дикорастущая, еще в горшках трава петрушки и кинзы оазисами окружала источники влаги, томящиеся в бутылках. Сию кулинарную блажь довершал невесть откуда взявшийся в это время года и смотревший бирюком арбузище в шляпе и с курительной трубкой.

Народец, имевший удовольствие одновременной со мной учиться на архитектурно-сантехническом факультете Лжедмитриевского политеха, резвился, вкупая, и вкушал, резвясь. Гостелюбивый Леня музицировал, не жалея контрабаса. Мягкие, низкие, тревожные звуки стекали на пол, обволакивали ноги, делая атмосферу духовной и пищеварительной. Мы успели прослушать историю лысого Марика о ненасытном начальнике, трогательный рассказ семейства Бобровых о больном верблюде, встреченном на сафари в амазонской пустыне, полную иронию притчу Аркадиева о безнадежной и безупречной в моральном отношении любви тещи к болотному багульнику, случившейся на даче в деревне Большая Порка, а также половину сплетен Жанны о тех, кто не приехал. Самое время было начинать подготовленную Петровыми культурную программу, когда в дверь позвонили. Манюня удалилась открывать.

Вид исполнившей обязанности швейцара хозяйки мне не понравился. Особенно рыскающий в раздумьях взгляд. Остановив выбор на мне, она подошла.

— Слушай, — сказала Манюня, — там пришла... — она долго, что для нее, мягко говоря, не свойственно, искала слово. Не нашла. — Пришла короче. Спрашивает, кажется, тебя. Говорит, нужна Лена. Боброва и марикова Элен по описанию не подходят.

— Брюнетка? — почти без надежды.

— Рыжая, — ответила безжалостная Манюня.

Кошки в бок! Может, сплю?

16

Конечно, в высоком темноватом коридоре не заслуживающего таких потрясений семейства Петровых стояла она, давешняя шалава. Вся в белом и эффектно, выглядела она на редкость материально. И даже цивилизованно.

— Я привезла деньги за такси. На, — она помахала купюрой.

— Спасибо. До свидания. Следующий поезд в семь сорок. Как раз успеаешь.

— Я на машине, — она хлопнула по карману, там что-то звякнуло. Должно быть, ключи. — И не торопись. Почему ты уехала? Тебя никто не отпускал.

Тут это жуткое создание полезло целоваться. Я вздохнула, стряхнула ее и дала по морде.

— Ты что? — опешила Долли.

— Ничего. Я позволяю использовать себя только по пятницам. А сегодня суббота.

Долли вдруг широко улыбнулась.

— Как ты мне нужна, — доверчиво сказала она, и знакомо ткнулась лбом в плечо. Для этого ей пришлось изрядно согнуться. Когда человек стоит в таком положении, ударить его по морде невозможно — рука не подымется. К тому ж, любопытно было бы

запустить ее в наш зверинец. Да и что я — зверь, дите в ночь выгонять? Почти уговорив себя, спросила все же для очистки совести:

— Никакого секса?

Долли оторвалась от плеча и фыркнула:

— Подавиться мне кексом! Меня здесь накурмят? Вино в машине. Там еще автомат для твоего сына.

— Надеюсь, тарыхтит не очень громко?

— Совсем не тарыхтит. Водяной.

Сходили за вином и водяным автоматом. Потом отправились знакомиться и кормиться. В проеме распахнутых настежь дверей, ведущих в обычно гостиную, а ныне банкетный зал семьи Петровых, Долли встала. Было отчего. Комната смахивала на лежбище котиков после нереста, мебель Манюня с Леной имели низкую, к тому ж на всех ее не хватило. Гости свободно перемещались по утыканному свечками полу, в основном на пузе, задирали кверху руки и шарили по столу, ища поесть, и вели себя бесконечно любвеобильно по отношению друг к другу. Бритые братья Болимбасовы лупили по пяти гитарам, в пять здоровых глоток исполняя гимн факультета:

Все выше, выше и выше

Стремится фекалий запас,

Чтоб гадить на землю и крыши,

Но бдит голубой унитаз!

Тут наш лихой курс дружно вскочил и заскандировал: «Сделаем небо! Чистым! Подыдем сантехнику до заоблачных высот! Ха!» На слове «ха!» полагалось топнуть и выбросить вверх кукиш, видимо, грозящим свалиться оттуда на мирное население кашкам.

— Что это? — слегка обалдела Долли.

— Вечеринка выпускников архитектурно-сантехнического факультета. Самолетно-унитазное отделение, — с готовностью подскочил временно разведенный Васюся.

— Долли, — снисходительно уронила Долли и принялась звездить.

Первым делом она просветила публику на предмет безграничной популярности как собственной, так и группы «Бергамот по средам» в целом. Потом вдавалась в детали. Она расположилась в единственном кресле и дирижировала восторгом публики, повествуя о своем редком таланте, тыкая временами в очередной ростбиф по-северокорейски или серебристую колбасную спираль, висящую повыше. Она пробовала и оценивала вина, давала советы дамам по поводу макияжа и диет и по всем остальным поводам тоже. Она знала лично Гошу Всмяткова и Папу Пермского, конюха Мадонны и собачку Паваротти. Ее величайшая группа «Бергамот по средам», долженствующая музыкально пережить не только наше время, но и остальные времена, под песни которой будет, вероятно, разыгрываться Армагеддон, собирала, естественно, стадионы и набитые поклонниками клубы и красные уголки небольших заводов. Они почти записали первый альбом «Не финти», в очередь за коим уже выстроились колонны тонких ценителей изящных искусств. Звезда стреляла по публике фразами: «Смотрю, а это гитара Зинчука», «По самый микро-

фон в цветах», «Сам пришел поздравить, представляете?» Убитая публика плакала, целовала ее в носки и подносила очередной кусок пирога с селедкой. Потом попросили спеть. Долли не отказалась. Она заиграла на всех пяти гитарах братьев Болимбасовых; нашла детскую дудочку Светки Петровой и выдала ее Васюсе, красный от гордости и натуги Васюся дул с таким видом, будто держал в руках волшебную флейту эльфов. Музыкальный Леня рвал струны чернотелого друга. Братья брэнчали на временно свободных от Долли гитарах и стучали по столу расписными ложками Манюни. Собачка Петровых тоненько выла в кухне. Сколоченный на скорую руку из отходов стройматериала ансамбль заиграл с азартом и довольно стройно.

Вдохновленная сопровождением, Долли запела. У меня открылся рот. Голос ее поднялся над нами и зазвучал откуда-то сверху сильно и нежно. И почему-то перестали казаться глупыми и жалкими канатные водопады Петровых, трепетные души свечей пришлось к месту, а торчащие на бритых головах уши братьев смотрелись таинственно и строго. Банальные физиономии однокурсников неожиданно обернулись лицами людей умных, печальных, бесконечно одиноких в развеселой пьяной толпе. И неважно было, что слова в песне чепуховые, а мелодия на копейку. Не важно вообще ничего. У Долли и правда оказался талант.

17

Мы прослушали, я думаю, весь репертуар наименее популярнейшего «Бергамота». Под занавес был подан величайший шлягер всех времен и народов «Бедная Лиза».

– Ой, что-то знакомое! Ленка, это же твоя песня! Только мелодия вроде другая, – встряла эрудированная Манюня. – А стихи точно твои.

– Твои? – развеселилась Долли. – Мы думали, народные. Фольклор, – ввернула она научное слово.

– Весь фольклор экспроприрован народом у своих лучших представителей. Сплошной плагиат, – ответила я.

– Значит, ты стихи пишешь?

– Пишет-пишет! – зашумели в зале. – Еще песни сочиняет и сказки.

– Писала, – поправила я, – по молодости. И по дуристости. Теперь взрослая и умная.

– Пой! – приказала Долли, вручая мне гитару.

– Фиг, – отрезала я, демонстративно хватая со стола кусок чего-то крупного и поспешно пихая в рот.

– Почему?

– М-ням, – издала я.

– Да мы вам споем, споем! Мы песни ленкины наизусть помним, еще лучше нее, – обрадовались угождать сокурсники. Братья опять похватили гитары, Леня припал к контрабасу и пьяный хор взвыл:

Эта уличная мразь

Разбрелась, куда попало.

Скука плотно улеглась

И висела, и стояла.

Где-то слабенькая грудь

Выводила о хорошем.

Из дворов глазела муть,

И невкусно пахло прошлым.

Мяли землю каблуки,

Та визжала неприлично.

Шли одни недураки

Деловые, как обычно.

Я, один на всех дурак,

В наглых птиц кидался хлебом.

А на крыши влез синяк

И прикидывался небом.

Теперь уж Долли пришлось насладиться доброй половиной моего культурного наследия. Бело-рыжая зараза молча улыбалась, ехидно поглядывая из троподобного кресла. Я продолжала есть.

– Вот ты какая, – констатировала она по окончании псевдомузыкального экскурса в мое прошлое.

– Неправда. Я – ведущий конструктор нашего КБ, серьезная и высокооплачиваемая деловая дама.

– Что же ты конструируешь?

– То же, что и остальные здесь – унитазы для самолетов. Мой профиль – гидропланы.

– А мы сейчас разрабатываем секретную канализацию для бомбардировщика Б-20 Зандерболт, – похвастались немецкие братья. – Но это военная тайна.

– Надо же, – вежливо удивилась звезда. – Как-то мне в голову не приходило, что в бомбардировщиках нужна канализация.

– А как же! Захотел пилот пописать, что ему – дырку в полу дрелью вертеть? Баночка-то на вираже перевернуться может. А через дырку моча попадет на территорию врага и экологически загрязнит ее, неприятностей с зелеными не оберешься. Не-ет, без канализации никак, – разъяснили засекреченные братья.

Дама фыркнула:

– А бомбы, они территорию врага не загрязняют? А ты чем сейчас занимаешься? – обратилась она ко мне.

– Унитазирую самолет нового русского. У его тещи дача в Новых Лядах, там прудик, приземляться очень удобно. А летать не очень – у клиента кишечник слабый. Чтоб дискомфорта в воздухе не испытывать, он желает иметь возможность сходить прямо под себя. Делаю совмещенное унитазокресло. А специалисты из сопутствующего цеха шьют соответствующие штаны.

– Интересная работа, – ответила воспитанная Долли. – Нужная людям. Хорошо платят?

– Не обижают.

– Почему тогда у вас в доме диван, стол, игрушки да голые стены? – перебила любопытная Жанна, изведшая визитами половину факультета. – Одна приличная картина, и та висит в сортире. Представляете? Прихожу туда, в общем, руки помыть, гляжу – над унитазом море. Читаю: батюшки, Айвазовский! «Вид бухты Мариуполя с горы Константинополя. 1856 год». Выхожу, спрашиваю у Сергея Николаевича, – это ленкин папа: подлинник? Да, говорит. Что ж тогда, возмущаюсь, он у вас в туалете, его в гостиную надо, на центральную голую стену. А он: «Здесь влажность соответствующая и нет попадания прямых солнечных лучей».

– Потому и стены голые, все в папину коллекцию вкладываем, – вздохнула я.

– Где коллекция-то? Один Айвазовский.
– Он коллекция и есть. Папа давно картины собирает, начал с Махалкина, местного гения. Подкопил денег – Махалкина продал, этюд Куинджи приобрел. И так далее. Теперь до Айвазовского дошел. Сейчас у него Рембрандт на примете, да средств пока не хватает.

Манюня, слегка встревоженная перерывом в культурной программе, решила подхватить тему живописи:

– Кстати! Наш Васюся неплохо рисует. Особенно ему тараканы удаются. Может, твой папа купит пару его картин?

– Вряд ли. Квартирка хрущевская, хранить негде. Поэтому у нас бывает только одна картина одновременно. А поменять Айвазовского на Васюсю папа не согласится.

Васюся, похваленный в присутствии заезжей звезды, нежно краснел и потел.

– Знаете, у нас весь выпуск такой подобрался талантливый: Андрюша шьет кукол, Жанна лобзиком по стеклу выпиливает, Анечка свистит иволгой, Бобровы лепят из пластилина, все, все ужасно одаренные! – трещала Манюня.

– Каким же талантом Господь одарил вас? – поинтересовалась Долли.

– Моя Манюня танцует на столе, – гордо возвестил Петров-муж.

– Попросим! Попросим! Степ! – взликовала сковавшаяся по зрелищам толпа.

Толстая Манюня подвернула полы совмещенного с халатом вечернего платья и, крихтя, закинула на стол полную ножку в модельной туфле. Взыграла музыка, завизжала Жанна, заухали, засвистели и заскакали инженеры. Круглая Манюня, топчась свечей, лихо стучала каблучками по столу и трясла ажурной шалью. Белая Долли, путаясь в канатах, пьяной молью металась по гостиной. Веселье смяло, наконец, шаткую плотинку цивилизованности, бурно и мощно хлынуло в давно подготовленное Петровыми русло. Начался шабаш.

18

Отзвенели гитары, сгорели свечи и пара тканых ковров, закончился век синих эротических куриц и одетого в шляпу арбуза. Усталые унитазостроители склонялись ко сну. Им было постелено. Высокоморальные хозяева выделили комнату семейным парам и по комнате холостым особам обоих полов. Переодетая в богемный халатик Манюня Долли заплела толстые косички, втиснулась между мной и стенкой, обняла за шею и поцеловала в ухо. «Ты обещала!» – зашипела я. «Просто спасибо», – шепнула она и притихла. В ухо мне текли ее слезы. Через изъеденное дизайном окно в комнату наливался очередной рассвет.

19

– Урра-а-а! Автоматчики заходят с флангов, конница бьет по центру, дядя Вася сидит в засаде! В засаде, я сказал, а не на стуле! Бросишься на гадов только по приказу! Урра! В атаку! Тра-та-та-та-та!

И тому подобное. Я привыкла просыпаться под бой орудий и звуки военных маршей. Пойти, что ли, спас-

ти парочку коллег? По-пластунски, ногами вперед вылезла из-под общего одеяла, что-то накинула и выглянула в гостиную. Анечкина мама с утра пораньше поспешила избавиться от Генички и привела его сюда. Тут он встретился с доллиным автоматом, что и решило судьбу коллег: полуголые инженеры играли в войну. Васюся прятался под стулом, братья скакали друг на друге, мня себя конницей, почетная роль гадов досталась Лене и Аркадьеву. Геничка, как всегда, выбрал самое трудное. На этот раз он был автоматчиками. Не знаю, как сынуля представлял себе фланги, но находился он везде и отовсюду поливал водой из автомата ошарашенных столь бурным пробуждением инженеров. Доставалось и своим, и гадам. Последние, впрочем, сидели в крепости из матрасов, отстреливались подушками и чувствовали себя довольно сухо и комфортно. Геничке очень нравился подарок Долли.

– Слушай мою команду! – рявкнула я. – Войну прекратить! Штаны надеть! Постель прибрать! Даю две минуты. Генералу Геничке срочно явиться к фельдмаршалу маме и сдать оружие.

Геничка разочарованно подергал губками и явился. Освобожденные инженеры, как зомби, тыкались друг в друга и искали штаны.

– Зачем дядей мучил? Ты кушал? – я с некоторой опаской похлопала его по пузу – вдруг застучат косточки аниной мамы? Живот молчал.

Мы позавтракали, попрощались с разъезжающимися по родным КБ одноклассниками, навели порядок, помыли морду Альберт Ивановичу, которому некто пририсовал ослиные уши и богатые зеленые усы, достали кошку из кастрюли с борщом (конечно, она оказалась там совершенно случайно).

К обеду изволила явиться и звезда. Она королевским кивком поприветствовала собравшуюся трапезовать челядь, села на освобожденный от Лени стул рядом со мной и как-то уже привычно ткнулась лбом куда-то мне в шею. Лоб оказался горячим.

– Долька, у тебя жар.

– Как ты сказала?

– Жар, говорю, вся горишь.

– Да нет, как ты меня назвала? – она подняла голову и улыбнулась.

– Долька. На Долли ты сегодня никак не тянешь. Ты хоть умылась?

– Не-а. И не буду. Зови Долькой. – И Манюне, – Нужны малина и аспирин. И теплые носки. А лучше – валенки. Будем меня лечить.

Выпезакаванное тотчас доставили. Правда, валенки оказались с калошами.

Запланированная на после обеда экскурсия по городским достопримечательностям сама себя отменила. Больную Долли заботливо устроили на кресле в гостиной вместе с запчастями: малиной, теплым молоком, медом, пачкой аспирина и рыбацкими валенками матушки Манюни. Сытый и боеспособный Геничка стоял перед большим зеркалом, изучая мускул. Сыночек сгибал и разгибал в локте руку, надувая несуществующий бицепс и орал в такт: «Голубой вагон бежит-качается! Эх! Скорый поезд набирает ход! Эх!»

— Смотри, мама, я так пою, что даже потею! — похвалился он. На лице его возникло знакомое задумчивое выражение, а взгляд уперся в японскую вазочку, с трудом доставшуюся Лене по наследству от дедушки-дипломата.

— Все! — поспешно выдохнула я. — Садимся и слушаем сказку про Тролля.

— Да? — заметил Геничка, плотоядно поглядывая на японский шедевр. Идея разобраться с ним казалась сынуле гораздо привлекательнее. Решив, впрочем, что вазочка никуда не сбежит, а мама может передумать, он вяло поинтересовался, — Ты закончила на том, что Тролля встретил душу. Что такое душа?

— Нежное, эфирное создание. Эфирное значит воздушное. Ну, тонкое такое, возвышенное, — пояснила я.

— Ага, понял, — Геничка посмотрел на худую и длинную Дольку.

Ах, так? Ладно, будь по-вашему. Я по-турецки уселась на пол и начала рассказ.

20

Отпраздновав Светкины именины, Федя и Стасик вернулись в слесарку. Продвинутый Федя со знанием дела запустил руки в троллев дипломат и комментировал предлагаемое самым восторженным образом. Воздух вскоре наполнился наидичайшими ароматами и междометиями: «Ах!», «Ух!», «Ой-ой-ой!», «Э-ге-гей!» и «У-ю-юй!». Кое-что купили. Федя выбрал дезодорант для носков «Брызги недр»: «Побалую себя с полочки», и потащился провожать Стасика на проходную.

— Слушай, ох и баба у тебя! — не выдержал-таки слесарь, когда уже попрощались.

— Какая баба?

— Да Аделина из бухгалтерии, видел я, как она тебя целовала.

— А, эта. Это не баба. Это Душа.

— Я и говорю, душа, а не баба! Ну, ты мужик.

Тролля только улыбнулся. Он решил сегодня никуда больше не ходить, благо улов был немалый. Подогретые фединым энтузиазмом работники бюстозавода порядком обогатили фирму «Тарго» в лице ее представителя. Тролля отправился домой готовить торжественный ужин к приходу Аделины, рабочий день которой заканчивался в шесть, и вспоминать ее первое появление. Где-то под ложечкой привычно царапались песенки.

21

Тролля тем летом рыбачил. Мягкое нежное утро только-только распустилось. Зверье еще не успело закончить хлопоты, связанные с пробуждением. Вокруг чирикали, цвикали, попискивали, чуть слышно шлепали мохнатыми лапками по сырой траве, восторженно квакали и вовсю ели друг друга. Тролля давно забыл язык зверей, а может, те разучились разговаривать, но их утренняя суета будила в нем покой, была близка и понятна. Он стоял на носу лодки, беззвучно опуская длинный шест в податливую светлую воду, легко разводя ее носом суденышка, и гадал: много ли рыбы попало за ночь в сеть, свитую пару дней назад? Вчера вечером он как раз решил опро-

бовать ее и установил в хорошем, уловистом месте. Было самое лето, заготавливать рыбу на зиму время еще не пришло, но сеть уж очень хотелось проверить.

В привычном гомоне лесного народца услышал Тролля нервную нотку. Принюхался. Да, совершенно явно чувствовался в девственном воздухе запах, от которого Тролля бежал много лет назад: запах человека и его крови. Нельзя сказать, чтоб Тролля не терпел людей, он довольно часто жил среди них по их правилам, но их привычка убивать и мучить друг друга без необходимости тяготила его, лишала душевного равновесия. Тогда он уходил в дикие леса, благо их было еще без края, и жил, как тысячи лет назад, простой жизнью зверя. Но рано или поздно всегда возвращался к людям, будто что-то притягивало.

Ленивая речка никуда не торопилась, медленно и важно огибала естественные выступы: каменный ли мысок, кряжистый ли дуб, росший с незапамятных времен и не желавший покидать обжитого места из-за такой чепухи как спокойная водица. Уступчивый речкин характер поделил ее на множество рукавов и рукавчиков, и образовалась на ее неспешном пути масса мелких островков.

На одном из них Тролля увидел человеческое существо, голое, здорово исцарапанное, но живое. Существо спало, свернувшись калачиком, укрытое вьющимися волосами удивительного цвета — цвета листвы осеннего клена. Вдруг оно почуяло что-то и вскочило. Оказалось, это самка, но какая-то чудная, Тролля не встречал еще такой породы. Страшно худая, высокая, с непомерно длинными ногами, слишком маленькой для такой взрослой особи грудью, с кожей совершенно белой, даже синей от холода. В руках находка держала копые. Наизготовку.

— Хочешь есть? — спросил Тролля на местном наречии. Обычно это действовало.

— Ах, это ты, — сказала женщина непонятно, проплевала к лодке, смешно задирая разорванные колени, уселась на дно, положила рядом копые и скомандовала, — поплыли!

— Ты кто?

— Твоя Душа. Буду с тобой жить.

Женщина-Душа и взаправду поселилась в жилище у Тролля. Он сплел ей лежанку из ивовых прутьев, набросал сверху сухой травы, дал шкуру волка, чтобы укрыться, кое-какую одежку. Первое время женщина помалкивала, только спала да ела до рвоты. Живот уже не прилипал к позвоночнику, но тело было по-прежнему худым и белым. Царапины ее Тролля замазал красным илом и они быстро зажили. Как-то Душа спросила:

— Почему ты все делаешь сам?

— Кто же за меня сделает? Ты вон помочь не торопишься.

— Заставь помощников.

— Нет у меня помощников, видишь же — живу один.

— Не ври. У Хозяина леса всегда есть помощники: духи воды, духи ветра, духи деревьев и зверей. А увидеть их я не могу, я же человек.

– Я тоже человек. Может, и есть у леса Хозяин, да я его никогда не видел.

– Почему тогда тебя звери не трогают? Утром хромой медведь приходил, ты ему лапу колдовским зельем мазал.

– Хозяина у леса нет, а законы есть. Кто их уважает, того зверь не обидит. А медведь – приятель мой, он медвежонком здесь жил, на твоём месте спал.

Душа разочарованно почесала рыжую гриву.

– Плохо, что ты не колдун. Мне с Большим Бубном расправиться надо. Тут без колдуна трудно. Ладно, – решила она, – пойдешь вечером со мной, там видно будет.

– А если не пойду?

– Пойдешь-пойдешь, баздыкну копьем – бегом побежишь.

Троль развеселился и согласился. Конечно, он не испугался, что его «баздыкнут» копьем, – вид женщины имела довольно жалкий, но она была забавная. К тому же, интересно узнать: что за Большой Бубен и чем он провинился перед этой самкой?

Вечером собрались в путь. Взяв на плечо любимое копье, Душа затопала впереди, показывая дорогу. Ее худые лопатки освещала Луна.

– Душа, кем ты была в своем племени?

– Охотницей.

– Женщины не охотятся.

– Меня женщиной не считают. Говорят, больно страшная.

– Ну, хорошо. Как ты зверя отслеживаешь? Если так топать, глухой тетерев в соседней роще с перепугу с ветки свалится.

– Не твое дело. И не смей звать меня Душой. Душа – жена Хозяина леса. Раз ты человек, значит я просто – А.

– А?

– А! Имя такое. Будешь хихикать, баздыкну.

Она подергала лопатками, запнулась, зацепилась копьем и кувыркнулась в какую-то яминку. Он ее вытащил. Так и шли. Две ночи, два дня и еще полночи.

22

– На месте.

Троль и А стояли на плоской вершине низкой горушки, у подножья которой спала по причине ночного времени суток деревня. Сюда доносился запах жилья. Горушку венчало сложенное из обтесанных камней святилище, похожее на небольшую пещерку. На пороге лежали подношения странным человеческим божествам: дурно пахнущая нога старого зайца, горсть орехов в плошке, мучнистые корешки амбариса. Скучно.

– Он там, – дрожащим пальцем А ткнула внутрь святилища.

– Кто «он»?

– Большой Бубен. Ты должен его принести. Если пойду я, с небес ударит огненная стрела прямо мне в голову, – А выразительно постучала себя по темечку.

– Ты мужчина, тебя не убьет. Может быть.

– Ладно, как выглядит этот Большой Бубен?

– Не знаю, Его никто не видел, кроме шамана. Зато

все слышали, как он говорит: «Бум!» Колдун ходит советовать с ним в новолуние.

Троль, веривший только в то, что видел собственными глазами, покрутил головой и пропал в пещерке. Он шарился в полной темноте, пока не запнулся за что-то. Это что-то гулко ухнуло.

– Он! – пискнула А снаружи. Вытащенный под яркий лунный свет Большой Бубен оказался огромным горшком для еды без дна. Верхнее отверстие было затянуто выделанной и разрисованной уродливыми фигурками кожей. Бубен лежал рядом с пещеркой, освещивал кожаной гладью, довольно гудел, потревоженный столь беспардонным образом. Храбрая охотница на полусогнутых ногах обошла его кругом, потыкала копьем, потрогала пальцем. Небесная стрела не спешила бить охотницу по темечку. А ходила вокруг племенной святыни быстрее и быстрее, бормоча тихонько, но страстно что-то злобное, трясла лохматой гривой, ухала, а потом вдруг вскочила на затянутое кожей пузо и присела. В нос ударил запах испражнений. Сделав дело, А спрыгнула с Бубна и некоторое время глядела вниз, пытаясь рассмотреть спящую под горой деревню.

– Пора идти. Догонят – убьют, – она развернулась и затопала обратно в лес, даже не взглянув в сторону поверженного врага, чье некогда надменное тело украшала ароматная кучка.

Они шли остаток ночи, утро и весь день, остановились передохнуть только к вечеру.

– Как тебя зовут? – спросила А, откинувшись спиной на теплый ствол старого клена и устало вытянув ноги.

– Вух. С чего вдруг тебя заинтересовало мое имя? До сих пор ты обходилась без него.

– Этой ночью я узнала, что ты смелый. Смелых следует звать по имени. Молодец, Вух, не испугался Большого Бубна.

– Может, расскажешь, чем он тебе насолил?

А сердито посопела и выдала следующую историю. Оказывается, люди ее племени вовсе не рыжие, а темноволосые и темнокожие. Они нашли ее в лесу младенцем, воспитали и вырастили. По местным меркам А считалась страшной уродиной, мужчины племени не хотели брать ее в жены, женщины чурались и не научили ведению хозяйства. Чтоб не дармоедничать, А стала ходить на охоту.

– Ты сказал, я плохая охотница. Но и другие у нас не лучше. Если зверья в какой-то год меньше обычного, племя голодает. Колдун идет к Большому Бубну испрашивать совета. Большой Бубен говорит, что нужно сделать, чтобы зверь ловился.

– Топать тише.

– Это ты колдуну скажи. Ну и вот, этим летом мы опять голодали, живность попряталась. И Большой Бубен приказал принести в жертву меня, потому что я рыжая и навлекаю на племя беду. Как только меня убьют, зверь вернется и сам в ловушки попрыгает. Ужасно жаль, конечно, голодных детишек, но себя мне жаль еще больше, и я удрала в лес, к Хозяину, хотела стать Душой. Помню, когда была девочкой, старухи

шептались, мол, живет в лесу Хозяин, вечное существо, великий колдун. Ему суждено быть одиноким, пока не встретит и не спасет от смерти свою Душу, женщину из людей, которая станет его женой. Я, когда тебя увидела, подумала, ты Хозяин и есть, обрадовалась. Ну да ладно, ты и так ничего, — лицо А внезапно расплылось в широкой улыбке, обнажив широкие, как у бобра, верхние зубы. — Посплю пока, покарауль, — распорядилась она, бухнулась на бочок, нежно обняла копые и засопела.

Ночью отправились дальше. Тролль предпринял кое-какие меры, чтобы сородичи беглянки не нашли их по следам. Хотя против столь бестолковых существ, не могущих летом в хороший год прокормиться в богатом живностью и ягодами лесу, и эти предосторожности были излишни. До жилища добрались без хлопот, не считая нескольких синяков на теле А, постоянно куда-то падавшей. Наступил поздний вечер. Накануне отдохнули хорошо, спать еще не хотелось, но, как следует наевшись, улеглись, каждый в своем углу. Верный очаг тепло тлел, мягко освещал столь разные лица: белое, узкое, загадочное, сероглазое — это А, треугольное, с ярко-фиолетовыми глазами, хитрое и вместе с тем печальное — это Тролль.

— Вух, почему мужчины не хотят меня?

— Ты не похожа на женщин, которых они знают.

— Ты знал других?

— Я много чего повидал.

— И таких, как я?

— Таких, пожалуй, нет.

— Скажи, я тебе нравлюсь?

— Конечно, — соврал Тролль

— Почему же ты не взял меня до сих пор? — В голосе ее что-то звенело. Слезы, что ли?

— Хочешь стать моей?

Она всхлипнула.

— Прыгай сюда, — позвал Вух, и А прыгнула. Прямо через очаг.

Перед рассветом Тролль отчего-то проснулся. В оконное отверстие заглядывали последние ночные звезды. И ярче их рядом с ним сияли в полутьме счастливые глаза А.

А прожила с ним до следующего лета. Однажды, возвратившись с рыбалки, он не застал дома ни ее, ни знаменитого копыя. Она ушла, как уходили все женщины, когда-либо делившие с ним кров. Может, их не устраивал простой быт Тролля, а может, то, что от него не рождались дети. Тролль не искал А. Вскоре он и сам перебрался отсюда на новое место. Но это уже другая история.

23

На коленях у Долли Геничка доедал малину (с медом он уже разобрался). На ковре вокруг меня собрались домашние: Светка с собакой, Манюня с Лейней, матушка с вязанием и сама по себе кошка. С кухни тянуло подгорающей квашеной капустой.

— Понравилась сказка?

— Нет, — ответил честный сын, облизывая расписную ложку. — Больше не хочу про Тролля. Расскажи теперь про Бэтмана.

— Легко.

— Что за Бэтман? — удивился несовременный Леня.

— Герой. — Я потянулась. — Ладно, слушайте. Только история будет короткая, язык устал, — я потрясла языком. Он вяло мотнулся слева направо, точно хвост больной коровы. — В одной деревне жил-был хороший Бэтман. Круче его в округе парня не случилось. Как-то раз он встретился с Найтменом, главарем хороших из соседнего села, и у них вышел бой из-за Ватмана, но об этом узнал Клинтон, местный участковый, он прилетел на крыльях ночи, дал обоим по саксофону, и все само собой уладилось. Правда, саксофоны целую неделю побаливали.

— Ну-у, — протянул Геничка, — это нечестная сказка. Больно коротенькая.

— Слазь! — Долька спихнула его на пол. — Ничего в сказках не понимаешь. Ленка, ты просто гений, тебе срочно в Москву надо переезжать, печататься во всех издательствах.

— Гений — я, — заявил с пола Геничка.

— Ладно, твоя мама не гений. У нее обычный талант. Что ты там с ним прозябаешь, в своем... как его?

— Малом Сургуче, так его... Не прозябаю, а живу на пользу обществу по специальности. Чтобы в Москву всех талантливых переселить, нужно сначала отсюда всех неталантливых выселить. А то места не хватит. Нас, таких, на десяток одиннадцать штук.

— Да, — авторитетно изрекла Манюня, — русский народ, знаете, какой одухотворенный? Про нашу семью уж молчу, вы любого прохожего возьмите — что-нибудь этакое творит. Да вот хоть сосед по площадке, Власий Давыдович, прекрасные стихи пишет. Он даже в заводской малотиражке печатается. Мама, помнишь, я его поэму цитировала про ударника Завьялова? Как там?

Перед нами рабочий Завьялов,

Еще тот трудолюб, э-ге-ге!

Всю-то жизнь у станка простоял он

На одной, понимаешь, ноге.

А вторая нога — на педали,

И, товарищи если не врут,

Ему дали четыре медали

И грамоту «За доблестный труд»...

— Дальше не помню. Но каков язык! «Ему дали четыре медали», — Манюня в восторге закатила глаза и перестала дышать. Потом со свистом засосала в легкие очередную порцию воздуха и закончила, — Самородок!

Крыть Дольке было нечем. Но она не сдавалась.

— Ладно, не хочешь печататься — напиши для нас хит. Мы с ним, знаешь, как на весь мир прогремим? И тебя прославим.

— Пусть на мир пустые молочные цистерны гремят по ухабам. Мне больше нравится унитаза ваять. Бесшумно, и оплата гарантирована, — я встала. — Посмотрю: что там с капустой? Пытают ее что ли? — запах из кухни тянулся премоерзостный.

Долли в рыбацких валенках протопала за мной в кухню, села на витой табурет и глядела непонятно. Кажется, печально.

– Спросить хочешь? – подтолкнула я, мешая капусту.

– Нет, заявление сделать. Мне кажется, я должна быть с тобой.

– Как это? – вдруг стало неудобно – девочка говорила серьезно. – В качестве кого? Ты ведь не брошенный птенец, чтобы положить в сумку и унести домой. Ты для этого слишком длинная.

– Перестань обзывать. Мне нужно быть с тобой – и все. Почему ты этого не чувствуешь? Не хочешь жить в Москве – не надо, перееду в ваш Малый Сургуч.

– Да, там давно тебя ждут. Есть вакантное место в хоре ветеранов, они в прошлом месяце солистку схоронили, соловушку девятидвухлетнюю. Очень тебе обрадуются. – Я подошла к Дольке, прижала к груди ее глупую лохматую голову и сказала мягко: – Вот балда! Что ты себе придумываешь? через неделю тебе будет стыдно вспоминать о том, что ты сейчас наговорила. А через месяц забудешь и меня, и тех сволочей из ленд-ровера.

– Мне нельзя с тобой? – голос ее звучал глухо, должно быть от того, что рот был заткнут моим животом.

– Нельзя. Завтра вместе домчим до Москвы на твоём авто, если его еще не угнали, попрощаемся и отправимся в разные стороны. Я вернусь к своим унитазам, ты – к своему «Бергамоту». Тьфу ты, чертова капуста опять горит...

24

*На желтой и сырой траве
Лежу я, точно лист зимой,
И бродят мысли в голове
О том, что ах! и Боже мой!
Что рядом дождичек идет
И мочит мокрую траву,
А я уже который год,
Быть может, вовсе не живу,
И жизнь моя лишь чей-то сон,
Лишь чей-то бред, лишь чья-то блажь...
Но вдруг очнется этот «Он»,
И вмиг рассеется мираж?*

Троль и Аделина пили чай со слоеным тортом. Вечерело. Темнело. Вспело. Было пальными кошками. Стучало в окно полуодетыми ветками клена. Пахло вареной сгущенкой. Аделина ела торт руками по старой привычке, застрявшей со времен средневековья. Между собой им было не обязательно играть в культурных, но Троль старательно соблюдал те многочисленные правила, которыми люди умудрились усложнить себе жизнь. Может, он подсознательно боялся отстать от них, а может, это был просто такой вид спорта.

– Перемазалась-то как, – Стасик пересел к Аделине, достал парчовый носовой платок и стал стирать с ее лица сгущенку. Та стояла насмерть.

– Ты языком, – посоветовала А.

Троль лизнул ее в милую мордочку.

– Щекотно, – хихикнула А и стала расстегивать на нем стильную рубашку стоимостью один доллар.

Они отдыхали, лежа на полу на толстой шкуре. На кровати им показалось скучно.

– Между прочим, этого медведя я сам убил, – похвастался Стасик. – В наших уральских лесах кто только не шатается! Напал, понимаешь, ни с того, ни с чего. Совсем зверье одурело. Язык забыло, на людей бросается.

– И что ты с ним сделал?

– Вспомнил былую сноровку: затолкал палку в пасть, вскочил верхом и свернул шею.

– Ври больше! – Аделина фыркнула. – Мех-то искусственный, я же чувую, – она засунула узкий нос глубоко в псевдо-шерсть и чихнула. – И давно не чищенный вдобавок. С утра займемся уборкой. Что только ты тут делал без меня!

– Жил. Ждал.

– Как жил? Расскажи.

– Нет. Не интересно. Давай я лучше сказку расскажу.

– Про нас?

– Не совсем. Про двух женщин. Одну зовут Лена, Елена Сергеевна.

– А другая пусть будет Долли, Доля.

– Идет. Стяни одеяло с кровати, дует. Значит, жила-была Елена Сергеевна.

– И Долли.

– Погоди, они еще не познакомились. Жила-была сама по себе Елена Сергеевна в провинциальном городе Малый Сургуч, что на широкой сибирской реке Сургуч Великий. Мужа у нее к 28 годам не случилось, а имелись: мама Тоня, папа Сергей Николаевич, боепособный сыночек Генчик, маленькая квартирка в старом доме на шумной улице, жених восточной национальности, да работа по специальности, настолько узкой, что учили ей лишь в одном Лжедмитриевском политехе. Елена Сергеевна проектировала...

– Унитазы для самолетов.

– Почему это? – обиделся Троль.

– Что ей, мужскую косметику продавать?

– Ладно, пусть унитазы. Дело она знала отлично, закатчики с пол-Сибири слетались. Особенно нравилось ей унитазировать гидросамолеты. Деньгами Лена не особенно интересовалась, отдавала большую часть папе-коллекционеру. Сергей Николаевич собирал картины, вернее, одну картину. Как автомобилист: купит машину, подкупит денежек, продаст и приобретет новую, более престижной модели. Сейчас у них в туалете висел Айвазовский.

– Провинился?

– Наоборот, удостоился. В туалете подходящие условия для хранения старых полотен. Этим папа продемонстрировал маринисту, как он его ценит. В туалете Айвазовский пребывал давненько, пора бы его уж и поменять, да Сергей Николаевич на сей раз на Рембрандта нацелился, а тот стоил о-го-го! Работал ленин папа дворником, помахивал метлой да помалкивал большую часть времени.

Мама Елены Сергеевны с некоторых пор из обыкновенной женщины превратилась в бабушку и засуществовала с единственной, но благородной целью: ус-

тремить человечество на путь служения внуку Геничке. Внук тоже был не прочь попользоваться человечеством, и вместе они составляли страшноватую парочку.

Лена все вышеописанное любила. Правда, слегка. Немножко родной Малый Сургуч, чуть-чуть – престижную работу, кое-как – жениха-коммерсанта, что-то перепадало на долю семейства, самая капелька доставалась себе и теплему морю. Последнее она любила, в основном, заочно.

– Скучновато получается, – А зевнула, почесала нос о плечо Стасика. – С ней что, никогда ничего не происходит?

– Может и происходит, да она не замечает. Слушай дальше. Однажды Лена поехала в гости через полстраны на совершенно дурацкую вечеринку в город своей альма матер – Лжедмитриевск. В Москве ей пришлось задержаться.

– Она встретила Долли?

– Конечно. Долли работала звездой эстрады. Юная, рыжая, чертовски талантливая, с кучей звездного мусора в голове.

– Как ему там не накопиться, мамочка ее в пять лет на сцену определила.

– Вот именно. Долли как раз было ужасно хреново. Лена ее прижалела чуть-чуть, на свой обычный манер. А та возьми да и привяжись.

– У них случилась любовь?

– Ничего у них не случилось. Разъехались в разные стороны и зажили по-старому.

– Неправда! Может, твоя Елена Сергеевна зажила, а Долли сорвалась. Пропускала репетиции, проваливала концерты, ее почти выгнали из группы, она пошла по рукам, запила и, в конце концов, заболела. Русский вирус.

– Черт! Она позвонит Лене?

– Не скажу.

Аделина поднялась, тряхнула кудрями, отбрасывая их назад, прошла на кухню. Вода зло загремела о дно чайника.

– Эй, А! Так нечестно! У Долли хоть телефон-то ленин есть?

– Есть, – ответила А через паузу, и грохнула чайником по плите.

26

Зима текущему году досталась снежная. Отвратительно снежная, как сказал бы папа Сергей Николаевич. Я гребла по утрам белую дрянь вместе с ним, а она валила, валила... Дрянь, то есть. Снег. Старый противник, давно изученный до последней гадкой крупинки, и стабильно непобедимый. Отец дворничал лет эдак двадцать, и каждую зиму, исключая годы учебы на специалиста, я вместо зарядки помогала ему, махала лопатой. Разогнав врага по сугробам, мы направились домой пить чай с мятой и традиционными субботними блинами матушки. Простите, забылась! – Баба-ни Тони. К блинам, кстати, прилагался демобилизованный из садика по случаю выходных Геничка. Так что застольная пастораль отменялась.

Мы с отцом устроили в углу утомленные лопаты

и разделись. Шипели наливаемые на сковородку блины, утробно урчал сыночек, выгрызая в лицах их готовых собратьев дырочки-глазки. Зазвонил телефон. «Рановато», – подумала я и подняла трубку.

– Городской морг слушает.

– Значит, по адресу. Ленка, у меня R-вирус. Тебе нужно провериться, ты могла заразиться.

– Нет у меня никакого вируса. Недавно кровь сдавала, проходила городская акция «Не возьмешь!» Прямо на улицах народ ловили, брали анализы и мораль читали. У меня все в порядке, – тут я заткнулась. Она тоже молчала. Я тупо соображала. – Погоди, если у нас сейчас восемь утра, то в вашей дурацкой Москве – пять. Ты что не спишь?

– Пять? Утра?

По башке, наконец, стукнуло: у Дольки R-вирус. Она умрет. Она очень скоро умрет. Сердце взбеленилось, взбесилось, лопнуло и тысячу кусочков сползло вниз по клетке ребер. Лишь эхо взрыва гудело гулко: «Бумм...», «Бумм...» Только эхо.

– Когда ты узнала?

– Сегодня. То есть вчера, если уже пять.

– Ты там одна? Ты вообще откуда звонишь-то?

– Из дома звоню, и никаких сопливых утешителей звать не собираюсь.

– А меня?

Она молчала.

– Слушай, Долька, у тебя красный карандаш и бумага есть?

– Зачем? – она слегка удивилась.

– Я так люблю красных слонов, представить не можешь. Нарисуй, пожалуйста, для меня пятьсот штук.

– Почему не триста?

– Триста мало, доехать не успею.

– Правда приедешь? – спросила она чуть слышно.

– Прилечу. В этой Сибири столько аэропортов понастроили, в какую деревню пальцем ни тыкни – самолеты под кустами прячутся. Что им простаивать?

– Я встречу. В какой аэропорт?

– Не скажу. Не дергайся, сиди дома, рисуй слонов. Адрес помню. Все, побежала. До встречи.

– Ленка!

– Да?

– Побыстрее, ладно?

– Ага.

«Ум-рет», «ум-рет» стучало сердце. Смазались и уплыли назад озадаченные лица родителей, Геничка с блином в зубах, лестничный пролет, вражина-снег под ногами, витиеватый таксист с «извольте пристегнуться, сударыня», пустой аэровокзал. Погода, слава Богу, оказалась летная. Я сидела в «Ту», а перед глазами маячила картина: бледная Долли смертью мчит по Москве в аэропорт, сбивая доверчивые афишные тумбы и расползающихся по норам ночных маньяков. Слоны ее надолго не удержат.

27

Я ошиблась. Никто не встречал меня у трапа с военным оркестром и корзинками роз. По дороге от Внуково до долькиного дома я маялась, пытаюсь за-

кончить фразу: «Если эта зараза во что-нибудь врезалась, то...» Что «то...» никак не придумывалось. По сравнению с R-вирусом четвертование, расстрел через повешение, публичная порка и прочие неприятности казались блошиными укусами.

У подъезда я отпустила взмыленного частника, пешком поднялась на 8-й этаж и застыла у нужной двери. Было страшно. Хотела позвонить, но вдруг просто толкнула дверь. Оказалось, не заперто. Вошла. Повсюду горел свет. Ярко сверкали люстры, тихо тлели туманные ночники. Великолепная иллюминация детально освещала такой великолепный бардак, какого не возникало в нашем доме даже после набег-а приятелей Генички. Впрочем, бардак был довольно организованный: ковры аккуратно свернуты и расставлены по углам, снятые со стен картины высокооплачиваемых мазил сложены в кучи, ботинки, туфли, пальто, шляпки высовывались из шкафов и шкафчиков, как пассажиры из окон троллейбуса в часы пик. Кругом валялись пустые тюбики из-под помады и шелуха от источенных карандашей. По-видимому, косметических. Все освобожденное таким решительным образом пространство устилали, усеивали, загромождали, украшали собой силуэты красных слонов. Слоны красными глазками глядели со стен, красными крепкими ножками упирались в паркет, они залезли на потолок и трясли красными ушами сверху, качали красными хоботами с полированных поверхностей шкафов. Один, маленький, но очень красный, являл себя миру с валявшейся под ногами телефонной трубки. На круглом пузике каждого зверика стоял аккуратный номер.

– Ленка! – крикнула Долли из гостиной, – у тебя помада есть?

– Есть!

– Неси сюда!

Прошла в гостиную. Здесь тоже царили беспорядок и слоны. Долли в испачканном белом трико стояла на четвереньках и крупными мазками писала на полу очередной шедевр.

– Давай, – она, не глядя, протянула руку.

Я подала тюбик, мысленно объявила слонам благодарность с занесением в личное дело и отправкой поощрительного письма родителям в Африку, и стала ругаться, попутно избавляясь от верхней одежды:

– Такая-рассякая, ешки-матрешки, гудроном по тромбону! Чего ты, пакость рыжая, двери не запираешь посреди, можно сказать, ночи? Может, это не я вовсе пришла, а Феня Крюгер с мясорезкой, может, у меня погода нелетная, и я грызу с досады чемодан в Сургутевском аэропорту?

– Я же знаю, что это ты. Смотри, какой симпатичный вышел. – Она присела на коленки, привычным движением руки отвела назад волосы. – На, немножко еще осталось. – Долька подала обмылок помады, пальцы наши встретились, она отдернула руку и глянула мне в глаза. – Заразиться не боишься?

– У тебя ведь не чесотка. А насиловать меня ты, надеюсь, не собираешься. Помнишь уговор? Никакого секса, – умно пошутила я.

– Договоры соблюдаю. Как тебе тут, нравится?

– Ужасно. Спасибо. Кажется, я опоздала на 132 слона, – на пузе последнего зверя алела цифра 632. – Извини?

Я примостилась рядом на свернутый ковер, протянула ее голову, поцеловала в лоб. Долька обняла меня, сказала: «Все, больше не могу» и заплакала. Я гладила ее пушистые волосы, худые вздрагивающие плечи и ненавидела весь мир. Красные слоны на стенах ничем не могли нам помочь. Горло сжало, щеки обожгли слезы. Извини, Долька. Я тоже не могу.

Мы довольно долго ревели, вцепившись друг в друга, потом просто сидели, обнявшись, как памятник сиамским близнецам. Долька тяжело навалилась на меня, спина от напряжения заныла.

– Долька, блины любишь? Правда, в них Геничка глазки проел.

– Попозже, ладно? Ты устала? Хочешь, пойдем на кровать?

Пошли на кровать в будуар. Долли сложилась на меня, закопалась лицом в разрез блузки. Кажется, у нее опять была температура.

– Ты должна поспать, – посетила меня гениальная мысль.

– Как? Пыталась уже.

– Закрываешь глаза – и спишь.

Мудрый совет почему-то помог. Долька послушно закрыла глаза, пощекотав мою шею ресницами, и заснула. От ее волос пахло чем-то родным. Чувствовала я себя кошкой, пропущенной через мясорубку. Было тошно, и страшно хотелось убить кого-нибудь. Себя, например. В дверь позвонили. Очень кстати! Потенциальный труп. Осторожно выбралась из-под Долли и пошла открывать.

Деваха какая-то. Крашеная блондинка, волосы сардельками в стороны торчат. Ростом с меня, если с каблучков снять. Одета в соболью шубку до пояса и кожаные штаны. Глазищи зеленые, косые. На-аглые-е. Значит, из «Бергамота». Примета верная. Очередной талант. Посмотрела сквозь меня. На слонов. Кажется, пробрало.

– Что это?

– Красные слоны, – ответила я с готовностью.

Она изволила меня заметить.

– А ты кто?

– Вожак стаи.

Девица задумалась. Лицо ее на миг приобрело человеческое выражение.

– Точно, ты – Лена. Долли рассказывала. Она где?

– Спит.

– Пьяная опять. Прибью засранку, – и дернулась было в комнату. Не вышло.

Я положила руки на ее соболиные плечи, резко нажала вниз, и ее пухлый зад хлопнулся о телефонный столик. Богатый опыт общения с Геничкой не прошел даром.

– Сядь и заткнись. У Долли русский вирус.

Заткнулась она надолго. Сидела на столике, частично подмяв под себя телефон, трубка которого так и валялась на полу, и хлопала наклеенными зелеными ресницами.

– Уже можно говорить. Только негромко, – поощрила я.

– Мны?..

Большого добиться не удалось. Лучше бы ее выставить, но девица могла пригодиться. К тому же, убить кого-нибудь все еще очень хотелось. Эту было не жалко. Сходила на кухню, принесла ей водички из-под крана. Подала стаканчик. Она отшатнулась. Я понюхала, пожала плечами, отпила и подала ей снова.

– Спасибо, не нужно.

Заговорила-таки.

– Успокойся, – сказала я довольно злобно, – болеет Долли, а не ты. Ты с ней спала?

– Нет!

– Вот и не трясись. Как тебя зовут?

– Кэт.

– И все?

– Самсонова.

– Умница. Осталось вспомнить фамилию и телефон продюсера. Ты ведь из «Бергамота»?

– Самсонов Илья Тимофеевич.

– Отец?

– Муж.

Какой полезный экземпляр! А я ее чуть было не выставила.

– Что он сейчас делает?

– Суп ест... Гороховый.

– Далеко?

– В соседнем доме.

– Неси его сюда вместе с миской. Поговорить нужно.

– О чем?

– Авторские хочу получить. За «Бедную Лизу». Не придет – в суд подам.

Она оторвала зад от телефона, положила на рычаг трубку, ее передернуло – вспомнила, зная, про заразу, прытко выскочила в раскрытую дверь, неся на весу подвергшиеся опасности растопыренные пальцы и исчезла в направлении мест дезинфекции и, надо надеяться, гнездовья любителя супа.

Довольно скоро опять позвонили. Открыла: два голубочка (второй низенький и лысоватый).

– Кто тут меня... – довольно-таки спесиво начал он, зашагивая в квартиру, но заткнулся. Слоны действовали безотказно.

– Она сошла с ума? – осторожно извлек из себя муж-продюсер.

– Нет. Она справится. А мы ей поможем.

– Кто это «мы»?

– Я и вы с великолепным «Бергамотом», – услужливо разъяснила я.

– Да? Нам это надо?

– Надо, – ответ мой прозвучал очень твердо. Хотелось надеяться.

Продюсер Самсонов глядел иронически. Он смахивал на юркого хитрого воробейчика, готового в любой момент склонуть крошку прямо из-под носа более важной птицы. Меня он, конечно, не убоялся. Но и менять планы из-за такой мелочи, как болезнь солистки, было, похоже, не в его стиле. Он пожал плечами.

– Ладушки. Вы нам пишите пару-тройку песен

для нового альбома и все тексты. А я оставляю Долли в команде. Кстати, она нам «Уличную мразь» напела, идет на концертах с большим успехом. Поздравляю, Лена, у вас несомненный талант. Вас ведь Лена зовут?

– Елена Сергеевна, – огрызнулась я. – Похоже на шантаж.

– Джентльменский договор! Вы – нам, я – вам. Меня не касаются ваши с Долли отношения, но мы от нее порядком натерпелись. Должна же существовать на свете справедливость? Ваши новые песни послужат приятной компенсацией. Мне, знаете ли, семью кормить надо.

Семья в лице Кэт морщила носик за мужниной спиной и голодной не выглядела.

– Ладушки, – согласилась я снисходительно, про себя перекрестившись ногой от облегчения – выгнать Дольку из ансамбля значило бы убить ее, не дожидаясь официальной кончины организма. И нагло добавила: – Обычно я работаю на процент с дохода. Мои двадцать, десять скидываем за Долли, десять процентов мне в валюте.

Господин продюсер открыл было пасть, но неожиданно встряла доселе молчавшая Кэт:

– Мы согласны.

Челюсть продюсера, причавкнув, захлопнулась. Дело решилось.

– Ленка, с кем ты тут? А, отец-командир пожаловали. Ты сказала?

– Да.

– Мне полагается выходное пособие, или еще вам должна останусь? – спокойно обратилась она к г-ну Самсонову.

– Никто тебя не увольняет, – сообщил тот.

– Я ложусь на обследование в понедельник.

– Понимаю. Мы подождем.

– С чего бы такая доброта?

– Мы тебя любим, – вместо мужа ответила Кэт.

Почти нежно.

– Иначе давно выгнали бы за твои художества, – добавил продюсер для убедительности.

– Конечно, то, что ты здорово поешь, в расчет не принимается, – проворчала я. – Иди надень на ноги, простынешь.

Долька пошла искать тапки, Самсонов удалился доедать суп. Катюха задержалась.

– Слушай, – спросила она, помявшись, – я могу чем-то помочь?

– Можешь, совершенно ничем не рискуя, сходить в магазин за продуктами. В доме только блины, и те с дырками.

Осчастливленная поручением Кэт поскакала за кефиром и булками. Хорошо все-таки, что я ее не убила.

28

Сгинул вечер субботы. Как колесо по собаке прокатилось воскресенье, озаглавленное истеричными воплями долиной мамы и поджатыми губами интеллигентоподобного четвертого долиного отчима. Через каждые полчаса приезжала кардиологическая

неотложка. Долька смотрела в окно, молчала, пальцем выводила на стекле слона. Стекло скрипело. Мамочка металась по гостиной, взвизгивала, зывала к Господу, стонала про позор и про «за что ей такое», клеймила нас научным словом «лесбиянки», многократно хваталась за сердце и падала на грудь сильному мужчине, прихваченному с собой исключительно с этой целью. Больше он ни на что не годился. Потом я их-таки выставила, несмотря на сочувствие ее материнскому горю. Прибегала Катюха, принесла бананы и огурец.

В понедельник Долька пошла сдаваться в больницу. Я провожала. Больница попалась навороченная, в приборах и дизайне. Мы стояли в сияющем чистотой коридоре (Долли – уже в халате), держались за руки. Было невыносимо стыдно оставлять ее здесь одну, но жаждущие унитазов клиенты, наверное, уже топтали моего начальника.

– Обещали через две недели выписать, – сообщила она.

– Я приеду.

– Иди, опоздаешь на самолет, – сказала она, не отпуская моей руки.

– Пошла, – ответила я и пошла, потом обернулась. Долька в слишком коротком для нее халате светила среди белых стен рыжим одуванчиком в сугробе. Я это запомнила.

29

Почти через две недели, в пятницу, во Внуково меня встретила Кэт. На сей раз волосы ее блестели никелем, круглый зад обтягивало ужасное серебристое мини (крашеная кожа павиана), перламутровые сапоги тянулись к нему из всех сапожных сил и почти касались. Шубка была знакомая, по пояс. Катюха нетерпеливо переминалась у турникета.

– Бежим скорее! – схватила она мою руку, как только дотянулась. – Долли в палате сидит, никуда, говорит, не пойду, пока Ленка не приедет. Места платные, следующая пациентка в коридоре квитанцией трясет, негритянка, грозит международным скандалом. А Долли к врачу надо идти на собеседование: результаты обследования должны сказать, и все такое. Она, видно, трусит, – на бегу тараторила «бергамотка» по пути к машине. – Все равно она молодец, я бы сразу умерла, если б такое о себе узнала, – последнюю фразу она проговорила, перейдя на шаг, потом совсем остановилась и рухнула мне на плечо – рыдать.

– Будешь реветь при Долли – убью, – ласково успокоила ее я, похлопав по пушистой спинке. – Пошли, она ждет.

Кэт взрыднула еще разок и с новыми силами поволокла меня на стоянку. Мы вскочили в оранжевый «BMW» и припустили к больнице. Нервная музыкантша браво рулила одной рукой, выдерживала из пачки сигарету за сигаретой и давила на газ. Пару раз мы кого-то переехали, не обошли вниманием и нас. Сигареты не выдержали темпа и закончились. Мадам крепилась, грызла «Орбит», потом тормознула у мини-рыночка. Я сидела в машине и наблюдала, как она несет свои шикарно обутые

ноги к ближайшему киоску, не обращая внимания на трепет местного мужского контингента и завистливое восхищение женского. Она склонилась к окошку, оттопырив минимизированный зад, ткнула длинным ногтем в стекло, показывая нужный сорт, и тут на нее какнул голубь. Прицельно. На голову. Он мимо по делам пролетал, торопился. Но какнул точно. Кэт ощутила нежное прикосновение к волосам, машинально провела рукой, понюхала влажные волосы. Посмотрела вверх. Летать она, видно, не умела, а достать обидчика иным способом было невозможно. Отмщенные красотки более местного масштаба ехидно хихикали. Мадам купила-таки пачку, гордо развернулась и понесла добычу и обиду в машину. Села за руль, зашипела яростно и принялась тереть оскорбленную шевелюру носовым платком, поглядывая в зеркальце.

– Еще есть? – она нагнула голову мне под нос.

– Порядок. Серебристое на серебристом не заметно. Мы едем?

Кэт вдруг уронила обкаканую голову мне на колени, затряслась и забормотала:

– Нет, не могу, не могу, не пойду с тобой, не выдержу, ты иди одна, а? Я тебя доведу, покажу, куда, они ей что-нибудь страшное скажут, а я так люблю эту дурочку, пусть это не при мне случится, а? Подожду в машине, покурю, потом вместе к Долли поедем, а?

Меня тоже стало потряхивать. Чтобы не пропасть, взяла валяющуюся под ногами бутылку с остатками газированного «Нарзана», открутила пробку, отхлебнула. Холодный! Остатки вылила Катюхе на голову. Та взвизгнула, вскочила, треснулась макушкой о крышу, пала на сиденье, выпучила косые глазщицы.

– Ты чего?!

– Смываю помет. Давай без истерик? Ты нужна Долли, и ты пойдешь. И будешь вести себя как следует. Закуривай и жми на газ.

Кэт коротко вздохнула, запалила сигарету и рванула. Вместе со мной и автомобилем.

Когда приехали в клинику, выяснилось, что Дольку выставили-таки из палаты, и она сидит у лечащего врача в окружении заботливой мамочки и отчима. Не тратя времени на посещение гардероба, мы влетели в кабинет в верхней одежде. Им владел – кабинетом, а не гардеробом – симпатичный такой доктор, Айболит, а не доктор. Седоватый, в очках, невозмутимый и добрый. Как кольцо с бриллиантом. Он сидел за столом. Родственники обладали двумя венскими стульями. Долька, являющаяся центром композиции, скорчилась на диванчике, склонив голову к коленям и демонстративно заткнув уши – протестовала. Мы поздоровались с публикой, я в шубе протопала к Долли, присела, заглянула в лицо. Ее глаза для верности были зажмурены. Чмокнула ее в нос, погладила по косичкам.

– Ты? – спросила она, не открывая глаз. Пальцы, правда, из ушей достала.

– Красный слон.

– Опаздываешь, – укорила Долька, открывая-таки громадные глазщицы, красные и измученные, с достоинством разогнулась, снисходительно развернулась в

сторону доктора и вежливо объявила, – Я готова вас выслушать.

Доктор слегка усмехнулся и предложил:

– Дамы могут раздеться и присесть.

Дамы избавились от верхней одежды (надеюсь, мы правильно поняли смысл предложения) и втиснулись по обе стороны от больной. Места на диванчике чуть-чуть не хватало на троих. То, что надо. Кэт наклонилась к уху Долли и зашептала виновато и громко:

– Извини, что опоздали, по дороге сигареты кончились, выскочила купить, а подлец-голубь на голову нагадил. Пока оттерлась да отмылась, – она в доказательство поболтала мокрой головой.

Долька ткнула мне в шею и прыснула. Умница-Катка делала глупую морду, хлопала блестящими ресницами. Доктор сообразил, что пора начинать доклад.

Вначале была изложена самая современная концепция русского вируса, от истории его появления и распространения, до существующих методов лечения. Оказывается, сия подлая разновидность, в отличие от европейской и африканской сосестер, развивается с рядом особенностей и в более сжатые сроки, но тоже в две стадии. Было констатировано, что, судя по результатам обследования, Долли находилась в начале второй. Имелось: повышение температуры до тридцати восьми градусов, обильное ночное потоотделение, стойкое увеличение лимфатических узлов, расстройство деятельности кишечника, похудание. Доктор забросал нас цифрами анализов, тыкал пальцем в графики, диаграммы. Короче, вкалывал на полную катушку. Мы впали в легкий транс и ритмично кивали головами, одобряя проделанную работу.

– Что меня ждет? – нетактично прервала извержение медицинской премудрости Долька, когда светило сделало в рассказе паузу для закачки в легкие порции воздуха.

Набравшееся воздуха светило окинуло взглядом аудиторию, оценивая степень нашей готовности получить в морду. Видимо решив, что публика достаточно загипнотизирована, оно изрекло:

– Знаете, современная медицинская школа считает, что больной должен все знать о себе, чтобы бороться за жизнь вместе с врачами. Поэтому мы говорим пациентам правду. У зараженных R-вирусом развиваются вторичные инфекции и опухоли, такие, как саркома Ренчи, появление которых связано с дефицитом клеточного иммунитета. У разных больных отмечают преобладание тех или иных симптомов: у одних поражаются легкие, у других – нервная система, третьих мучает водянистый частый стул и прочее. Не могу пока сказать, что достанется конкретно вам. Я буду вести вас, вы будете аккуратно соблюдать мои требования и ...

– Да поможет мне Господь, – закончила Долли.

– Вынужден предупредить, что вы несете уголовную ответственность за распространение R-вируса. Вам необходимо изменить отношение к себе, не допустить заражения людей по вашей вине. Теперь вы для них – источник опасности. Помните – кровь, влагилиц-

ные выделения, рвотные массы, которые тоже могут содержать кровь – яд. Следите, чтобы сексуальный партнер пользовался презервативом. Гигиенические пакеты, перевязочный материал обязательно складывайте в герметичный контейнер. Раз в неделю будет приезжать утилизатор из специальной службы и менять контейнер. Если кровь попадет на белье или одежду, необходимо прокипятить вещи в течение двадцати минут. Вот брошюрка, тут подробно описаны меры безопасности.

– Все? – спросила Долли, принимая книжицу.

– Вам нельзя беременеть.

– Еще чего!

– Просто предупредил. Не представляете, сколько людей пыталось увековечить себя подобным образом.

– Вряд ли найдется псих, желающий сделать мне ребенка.

Она обернулась ко мне.

– Ты уже написала песни для нашего альбома? Кэт шепнула по секрету о вашем договоре с Ильей Тимофеичем.

– Придумала парочку. Сегодня покажу.

– Мне ведь следует спросить у него, – она мотнула подбородком в сторону Айболита, – сколько я проживу? Я хочу записать альбом, я должна рассчитывать силы и время. Спросить? – она ждала решения.

– Валий. Понимаешь, реальная ситуация от этого не изменится: не станет ни хуже, ни лучше. Ты просто будешь знать.

– На сколько я могу рассчитывать, доктор? – спросила она, глядя по-прежнему на меня.

– Точно не скажу. Думаю, шесть-восемь месяцев могу гарантировать. Большую часть этого времени вы проведете в стационаре. Активную деятельность планируйте на первые три.

Мама Долли наконец-то забилась в истерику. Муж и эскулап галантно вились вокруг нее, булькая водой из графина и распространяя резкий запах корвалола. А на мою долю выпали: белое лицо Долли, полуоткрытый рот с синими губами, черные, почти без радужки глаза, во тьме которых плескался безграничный, всевластный ужас. Я сжала в руках ее ледяные пальцы, выгребла из пяток упавшие туда остатки мужества и наглости и рассмеялась.

– Фу ты! – надеюсь, прозвучало с облегчением.

– Слава Богу, думала, эти скряги пожмотятся, дадут месяца два, а они ничего, молодцы. Восемь месяцев – прорва времени, можно Землю на камешки разобрать, не то что альбом состряпать. Мне бы кто пообещал, что я столько проживу, я б тому золотой унитаз бесплатно сваяла, а то хожу по улицам и только озираюсь – непременно кирпич норовит по макушке ткнуть, или машина переехать, – несла я всякую чушь, лишь бы закидать бездонную черную пропасть в глаза Долли. Из-за ее спины выглядывала ошарашенная моей наглостью бледная Катюха. – Пойдем скорей, надо это дело отпраздновать по полной программе.

– Ты правда так думаешь? – Долькин голос звучал недоверчиво.

– Честное унитазостроительное! – убежденно со-

лгала я. – Сейчас заедем к тебе, переоденемся и рванем кутить, или как это теперь называется? Где у вас отдыхают такие придурки, как мы? Совсем Москву не знаю.

– Найдём местечко. Но сильно напрягаться не стоит, завтра с утра репетиция, вечером работаем в «Хромом льве», – несколько охладила мой псевдо-пыл дисциплинированная жена продюсера.

Мы взяли, да и ушли, бросив мамочку – рыдать, отжима – хлопотать, доктора – наблюдать за ними. Уже в коридоре я вспомнила, что забыла перчатки на диванчике, оставила Долли под присмотром Кэт, вернулась, прикрыла дверь. Мизансцена не изменилась. Спектакль продолжался.

– Попрошу внимания! – рявкнула я командирским голосом. Мамочка, икнув, заткнулась от неожиданности, отчим присел. – Можете в отсутствие Долли выть, грызть вены, выбрасываться с горя из шкафа – ничего не имею против. Но если какая-нибудь крашенная сука лет примерно сорока взрыднет при ней в ее адрес – выпотрошу к чертям на мелкие кусочки.

– Что вы себе позволяете! – исторг вдруг из себя культурный защитник отдельно взятой замуж дамы.

Ишь ты, разговаривает!

– Спасает рассудок вашей дочери, – ответил за меня доктор. – Вы же не хотите, чтоб она последние полгода жизни провела в психиатрической лечебнице?

– Не хотим.

– Тогда послушайте умный совет – заткнитесь.

Я подмигнула Айболиту и выскочила за дверь. Пора было начинать кутить. Часики тикали, Долькино время убегало.

30

Кутеж запомнился весьма смутно. Видимо, мы надрались-таки, несмотря на здравые рассуждения Кэт, и пошалили. Почему-то мерещится ресторанный столик, на нем – лохматая Долли на четвереньках воет поволчьи и голосит частушки. В памяти застряло что-то очень народное, про березу, вроде:

Стоит во поле береза,

У нее четыре ветки,

А на них висят конфетки

От педикулеза.

Муж-продюсер не выдержал, приехал, поскидал гуляк в машину и сvez по назначению. Утром мы с Долькой, кряхтя и дыша перегаром, отправились на репетицию. Великий и ужасный «Бергамот по средам» базировался в некоем окраинном ДК, не то пищевиков-надомников, не то учителей-наемников, не то газовиков-паломников, не суть важно. Он арендовал чалхлую комнатенку на втором этаже и страшно гордился собственным помещением. Я была представлена обделенной ранее моим вниманием части коллектива. Со мной познакомились: Ваню Ведулов, восточного вида хиппи, он же ритм- и соло-гитара; Павел Загоняев, синеглазый херувим с лицом серафима (или наоборот?), владеющий басом; Эдуард Бройлер, ударник, субъект трудноописуемый в силу

чрезвычайной подвижности. Не успеешь зафиксировать нос, глядь – на этом месте уже мочка уха или, хуже того, нога. Бойкий экземпляр. Катюха лупила по клавишам, сидя на бэке, Илья Тимофеевич звукорежиссерил. Эта наивная компания собиралась заработать денег на моих песнях! Я им заранее посочувствовала, и мы пустились в творческий разгул. Ознакомленная накануне с будущими хитами, Катюха встала за клавишник (интересно, когда она сядет на бэк?), Долька взяла текст и начала вытрясающим душу голосом балладу:

Мне снится сон:

я где-то сверху, подо мною – город.

Надгробья крыши,

зовущие провалы площадей...

Я красный слон,

не стар я, но, однако ж, и не молод.

Не спи, малыш,

сегодня ночь как будто бы людей...

Меня скрутило, подхватило вихрем и рвануло. Долькин голос тянул вверх, вверх против воли, вопреки страху. Дело было, пожалуй, не столько в конкретной песне, сколько в сочетании трех сил: мелодии, стихов и голоса. Они, не имея поодиночке особого смысла, сливаясь, образовывали качественно новое явление. Это ломало сознание и тут же спасало его, собирая из кусочков нечто другое, прозрачное, свежее и чистое.

– Ма-ама дорогая... – тихонько протянула Кэт, когда Долли допела. – Что же мы такое получили, а? Тут надо очень аккуратно сделать, если испортим – нам Бог не простит. Давайте-ка так, – она стала отдавать распоряжения музыкантам, тоже еще не вполне перешагнувшим на эту сторону бытия.

Поработали. На мой взгляд, стало хуже, и слава Богу. Г-н продюсер помалкивал, наверное, подсчитывал: хватит ли доходов с альбома на длинную шубу Катюхе? Любил он ее, это было видно, Катюху-то.

Вечером «бергамотцы» выступали в «Хромом льве». Меня закинули за свободный столик недалеко от эстрады, сунули фиолетовый коктейль и посоветовали наслаждаться. Увидев одиноко сидящую даму приятной наружности со следами порока в виде опухшей после вчерашней попойки физиономии, и признав верную добычу, на каное подгребли местные аборигены. Небольшое двучленное племя – золотая, судя по коронкам, молодежь лет сорока-пятидесяти.

– Коньяк? Бренди? Потанцуем?

– Ассортимент бедноват.

– А Вы что предпочитаете?

– Кефир «Золотой вымень» и принца Чарльза.

– Чарльз, – скромно представился один.

– Майк Тайсон, – присел в реверансе второй.

– Мария Медичи, – пожала плечами я. – Садитесь, коли жизнь не дорога. Гарсон, яду!

Пареньки гнусно захихикали и втиснули зады в кресла, видимо, фирменного дизайна клуба: кресла напоминали льва, присевшего по некоей надобности.

– Давно ли на фронте, батенька? А, главное, есть ли жена, дети, московская прописка? – картаво по-

интересовалась я у устроившегося неосмотрительно близко принца Чарльза, крутя его пуговицу. Чарльз отчего-то заробел. Пуговица оторвалась. Я бросила ее в коктейль и обратилась к Майку, – А вот вы, товарищ негр, почему вы такой белый? Тоже волнуетесь? Или чтоб белогвардейцы на снегу не заметили? Тогда вам лучше бегать голышом. Кстати, у меня первый разряд по боксу. Здесь ринг есть где-нибудь? Перчатки у меня в сумочке. Пойдем, поспаррингуем? По апперкоту?

– Женщины не боксируют, – фыркнул Минька Тайсон. Думал, шучу.

– Ты отстал от жизни, малыш. Лет на пятьдесят. Я в двадцатке лучших спортсменов регионов Сибири и Дальнего Востока. Пойдем скорее, я уже часа три не тренировалась. Это вредит форме, гасит спортивную злость, она переходит в неспортивную. Могут пострадать невинные.

Мальчонки опять заржали. Я им нравилась, но зря они мне не поверили. Сейчас-то я, конечно, никому морду не била, но разряд имелся, честно заработанный еще в школе разряд. Принц Чарльз изволили отбыть за выпивкой, Минька нес что-то про культуру. На маленькой сцене клуба «Бергамот» устраивался петь. Не знаю как аппаратура – не разбираюсь – а костюмы на ребятах были что надо. Правда, неизвестно – кому. Дольку обтягивал блестящий белый комбинезон в черных и зеленых пятнах. Она смахивала на гепарда, больного ветрянкой. Кэт сшибала с ног очередным заоблачным мини и лохматущей кофтой стального цвета, плавно переходящей в прическу. А мальчишки! Божечки, никогда не видела таких нарядных мальчиков. В предсмертном сне клоуна-шизофреника не вынырнут из подсознания столь стильные сердцу образы. Слава имиджмейкеру, он свое дело знал: великолепный «Бергамот» не походил ни на один существующий вид безумной материи. О! Он отличался. Однозначно.

Катюха что-то объявила, кушающие гости слабо поныли, пошлепали дланями и телега концерта понеслась по ухабам с оглушительным грохотом. Долли, тряся кудрями, металась по крохотной сцене горящей белкой. Ее властный и упрямый голос шутя пролетал сквозь шум, создаваемый группой, возбуждал чахлые эмоции пьющей толпы, подымая их до уровня энергии. Были ему нипочем безумная россыпь клавишных, завывание соло, яростное гуканье баса, фанатичное «бум-бум-бац», «бум-бум-бац» ударных. Где-то снизу неожиданно в тему альтово тянула Катюха.

Самцы мои, завидя «бергамоток», сразу подсели.

– О-о-о! – протянул Минька-боксер.

– Гы! – восхитился великосветский Чарли.

Челюсти их отвалились и надежно устроились на груди. Они сползли к самому пузу, когда в перерыве между песнями ко мне прискакала мокрая Долька.

– Не скучаешь? – спросила она.

Плейбои бешено замотали плешивыми шевелюрами, убеждая Долли в полной неспособности

кого бы то ни было соскучиться в их остроумном обществе, и предложили свои неотразимые услуги, особенно по части послеконцертного развлечения очаровательных дам. Глаза Дольки заблестели, она присела к Чарльзу на колени, взяла за щеки его слегка обрюзгшую морду и сказала хрипло и страстно:

– Милый, ты так мне сразу понравился, представить себе не можешь! – милый завилал в штанах хвостом от радости, а звезда продолжала, – Ты меня просто спасаешь. В последнее время мужики какие-то голубые пошли, переспать не с кем. Просто измучилась.

– Не может быть, чтоб у такой классной девчонки парня не было! – истекая слюной, бормотал ошалевший Чарли.

– Да парни-то находятся, слова приятные говорят. А как до постели дойдет – в кусты.

– Значит, гомики, – авторитетно изрек завидующий счастьем приятеля Минька.

– Наверное. А может, не надо им рассказывать, да доктор велел. Иначе, говорит, уголовная ответственность. До пяти лет. Ну, я как скажу, так член сразу – бац! – и упал. Наверное, гомики попадались, – доверительно делилась звезда, все крепче прижимаясь к Чарли.

– Что же вы им такое говорите? – насторожился тот.

– R-вирус у меня, любимый, R-вирус. Встретимся после концерта? – последнюю фразу она прокричала с пола, куда ее сбросил испарившийся в облаке дыма искуситель. Пахло не то серой, не то чем попроще. Приятель его исчез тоже.

– Опять гомик попался, – подымаясь, констатировала Долька со вздохом.

– Ты зачем кавалеров распугала? Думаешь, на меня еще кто-нибудь клонет?

– Пусть попробует! – весело ответила она и убежала на сцену.

«Бергамот» снова взыграл, а я слушала и размышляла на тему неисповедимости господних путей. Вот назвали группу «Бергамотом», плохого не хотели – слово красивое, понравилось. А оказалось – это груша такая. Груша, как известно, слабит, и музыка у ансамбля ресторанная получается, способствующая пищеварению. Чтоб пища в кишечнике не задерживалась, насквозь пролетала, повышался доход заведения. А говорят еще: что тебе в имени? В нем самая суть и есть.

31

Ночью, когда мы возвратились после выступления домой, Дольку внезапно стало рвать. Фонтаном. Она даже до туалета добежать не успела, извозила шубу, пол и стены в коридоре. Я ткнулась было помочь ей раздеться и вытереться, но она вдруг заорала:

– Пошла вон отсюда, убирайся, не прикасайся ко мне, катись ночевать к Кэт! – и так далее. Потом запал кончился, она опустилась на пол в блевотину и закрыла глаза. Я разделась, сходила в спальню, достала из дорожной сумки резиновые перчатки, надела, вер-

нулась в коридор. Долли сидела, бессмысленно раскачиваясь. Сил у нее не было даже чтобы заплакать.

— Долька! — она не пошевелилась. — Открой глаза, фокус покажу.

Открыла. Я помахала у нее перед носом руками в перчатках:

— Так я тебе больше нравлюсь? — и стала ее раздевать. Она не сопротивлялась. Я ее помыла по возможности, положила спать. Почистила вонючей дрянью шубу, протерла пол и стену с хлоринолом. Совершенно никакая от усталости упала рядом с Долькой на кровать, в момент выключилась и увидела знакомый с детства сон.

Обязательно зима. Дом в деревне. Ночь. Оконным светом режет глаза. Двор. Крыльцо, ступени черные. Дверь не на замке. Но мне не туда. Напротив дома — сарай. Промороженный и темный. Снег. Луна. Надо идти.

Обхожу сарай. За ним — высокий забор. Над забором — небо. Раздирая пальцы, лезу наверх. Стою на ребре забора, пытаюсь удержать равновесие. Отчаянная судорога проходит через тело. Тяжесть. Напрягаюсь. Легкие рвутся в клочки. Господи, скорее бы!.. Лечу. Низко-низко, почти задевая землю. Извиваюсь червяком. Подымаюсь выше. Выше. Выше.

Внизу — город. Обычный ночной город: бездумные надгробья домов и холодные фонари. Уже близко, потерпи.

Крыша. Здесь ждут. Я тут живу. Кто еще? Два нечеловека вроде меня. Мы умеем летать.

Я проснулась. Сопела в ухо привалившаяся к плечу Долька. Мама дорогая, как говорит Катюха, неужели я все это выдержу?

32

Бомж Никитич разливал по стаканам водку. Хоть он и звался бомжем, но место жительства имел определенное: обширный гулкий подвал заброшенного по ветхости и невозможности сдать в аренду особняка графьев Задунай-Передволжских. Ни графья, ни их потомки после смены режима на руины не воспретендовали, зная, сгорели в топке революции. Такие шикарные апартаменты одному Никитичу были великоваты, и он время от времени пускал жильцов за мзду — бутылочку утешительного. Сейчас у него в постояльцах состояла усердно ширяющаяся компания наркоманов. Молодежь резвилась по своим телам и к старшим не совалась. Никитич поднял стакан:

— За что пьем?

— Как обычно, за дона Педро, — пожал плечами Троль. Ухнули. Заели принесенной Стасиком лососиной.

— Вот ты, конечно, Троль, вечное существо, — продолжал старик прерванную беседу, — а многого в современной жизни не знаешь. Думаешь, к примеру, что такое «баян»?

— Кнопочный музыкальный инструмент.

— Не-ет. По-теперешнему, шприц это наркоманский. Я вот от жизни не отстаю, хоть и старик. За молодежью поспеваю.

— Сколько ж тебе лет?

— В июле пятьдесят будет, аккурат через месяц.

Совсем старик. Вижу худо, кости от сырости ломит. Надо бы в Сочи переехать, климат сменить. Там зимы теплые. Да, говорят, турагенства все подвалы и тепло-трассы в гостиницы переделали. Теперь туда за валюту пускают. А на улице ночевать и в Сочах, поди, несладко.

— Может, у тебя дети есть? К ним бы заселился.

— Есть, поди, и дети, как не быть. Повспоминать — найти можно. Да я один привык. Живу свободно, как блоха на Жучке. Скачу, куда хочу. Что встаешь, торопишься куда?

— Аделина ждет, поздно уже.

— Сожительницей обзавелся? А я думал, мы с тобой одной породы, оба блохи. Давай-ка по последней, за дона Педро. Будет время — заходи. Рыбка у тебя больно вкусная.

Выпили. Попрощались. Троль подымался наверх, в уличную жизнь, по скользкой лестнице, а сзади тянулись тусклые голоса наркоманов, решивших порадовать квартироладельца искусством вокала:

Крысы — они крысы и есть.

Ну, чего с них возьмешь?

Кого-то хотят они съесть,

А кого — не поймешь.

Вот они дружно идут

Из дома в дом.

Вот они дружно поют

О том,

что:

«Крысы — мы крысы и есть.

Ну, чего с нас возьмешь?

Кого-то хотим мы съесть,

А кого — не поймешь».

Песня шелестела, многократно отражаясь от изгибов свода и разнонаправленных плоскостей стен, создавая эффект шуршания крыльев сорвавшейся на ночную охоту стаи нетопырей.

Над городом висели низкие летние звезды, и Аделина, наверное, в пятнадцатый раз подогревала издерганный чайник.

У дверей в квартиру Тролля маялся в ожидании драный котище устрашающей масти.

— Привет, Квас. Не пускают?

— Мау, — пожаловался тот.

Стасик открыл двери. Аделина сидела на коврикe в прихожей и читала «Молот ведьм».

— Шлялись, — констатировала она.

— Мау, — честно ответил Квас.

— Ошибки в тексте ищешь? — попытался увильнуть Троль.

— Память освежаю. Оказывается, у нас в хозяйстве многих предметов недостает.

— Каких? — услужливо подыграл Стасик.

— Дыбы, например. Завтра в мебельном посмотрим. Или в спорттоварах? Такая хорошая растяжка! А в случае чего и по прямому назначению пригодится. Информацию вытрясать.

— Мау! — струсил кот.

Троль вдруг расхохотался:

— Нет, не могу больше! Помнишь физиономию герцога Дюренвалля?

— Когда мы на дыбе висели, а он с куропаткой в подвал скатился? — Аделина приснула. — Ладно, с дыбой подождем. Идем на кухню, перед чайником извинишься: полночи пыхтит без передышки. Завтра купишь ему новый свисток с пятью мелодиями и толстую ватную женщину.

— А тебе? Только не дыбу!

— А мне расскажешь, что было дальше с Леной и Долли.

— Прямо сейчас?

— Разве ты опять куда-то торопишься? Будешь пить чай и рассказывать. Квас, в последний раз предупреждаю: уйдешь на неделю без разрешения — сама твою кильку съем, не помилую.

На кухне Квас получил временно помилованную А кильку, Стасик — здоровенную кружку с крепким индийским напитком и полный ассортимент домашних пирожков с чем только не.

— А, в какой стране мы впервые чаю напились? В Египте или Китае?

— Тролль, — сказала А строго, — Долли умрет?

— Да, — грустно ответил он. — Все, как обычно. Она всегда умирает. R-вирус, знаешь ли, неизлечим. Можно, я расскажу тебе другую сказку?

— Не можно. Я жду.

А стучала ногтем по тельцу пустой чашки. Та зло звенела. Сытый кот спал мордой в миску, из пасти торчал рыбий хвост. Тролль поерзал на удобном стуле, набрал воздуха, и утлый кораблик сказки козликом заскакал по пупырчатой глади беспокойного океана жизни.

— Долли, конечно, позвонила Лене. Та приехала на пару дней. Потом уехала: ее ждали унитазы. Потом опять приехала...

— Да, потом уехала и так далее. Очень содержательно и поучительно.

— Что я могу поделать, если все так и было? Мысль о том, что Долли доживает последние месяцы, кнутом гнала Лену по дороге Сургуч-Москва-Сургуч, наполняя бешенством, жестко скручивала ритм жизни, ведь никто, в первую очередь она сама, не освобождал ее от обычных обязанностей, как реальных, так и разной мишуры. Она чертила в самолете, сочиняла тексты в конструкторском бюро, пела Геничке колыбельные по междугороднему телефону, бесконечно налаживала отношения с женихом, начальством, родственниками, почти не спала. Но тяжелее всего ей приходилось в Москве, с Долли.

— А твоей Лене не пришло в голову уволиться и полгода пожить в Москве? Взяли бы ее потом обратно, великую специалистку.

— Нет, — честно ответил Тролль, подумав, — не пришло. Ты помнишь, она все делала наполовину. А может быть, она не выдерживала рядом с Долли слишком долго, кто знает?

— Уж, конечно, не ты. Ну-ка давай поподробнее про эти шесть месяцев.

— Поподробнее вряд ли получится. События мелькали, как пролетающие мимо вагоны опаздывающего курьерского поезда. Только свист в ушах да слезы в

глазах от ветра и пыли. В памяти Елены Сергеевны осели лишь отдельные картинки, бессвязные, а порой и бессмысленные. Например, сидит она дома на кухне, срочно доделывает чертеж, а в гостиной Геничка беседует с ее женихом, коммерсантом Махмудом, новым русским и восточным принцем в одном лице...

33

— Видишь — шрам? Клеим его на щеку. Вот эту гноящуюся рану — на руку. Нарыв — на язык.

Махмуд объясняет сынулькику, что делать с наклейками от жвачки «Напугай»; ее целая коробка. Вечер субботы, я творю чертеж унитаза, родители умолили с ночевой к тетке Дарье, дорогой гость достался Геничке на сладкое после ужина.

— А паука куда?

— Это не паук, это скорпион, ядовитый гад. Его надо на ладонь. Подходишь к приятелю, говоришь: «Эй, братан, хочешь конфетку?», и протягиваешь кулак. Дурачок соглашается: «Давай», ты пальцы разжимаешь, а там зверь. Мальчик боится и писает в штаны. Когда станешь мужчиной, мы с мамой отдадим тебя в Гарвард.

— Зачем? — не улавливает связи Геничка.

— С таким дипломом будешь в Малом Сургуче самый крутой, тебя враги и без скорпиона станут бояться.

— А ты — крутой?

— Крутой.

— Враги в штаны писают?

— Как поливальная машина! Но с дипломом было бы проще.

Я плюю на чертеж и являю себя публике. Геничка, для пущей крутизны одетый в концептуальный изумрудный пиджак Махмуда, сидит на паласе и лепит на тело одну мерзость за другой. Махмуд устроился рядом, он глядит на меня нежно тремя глазами. Третий — во лбу, наклеенный и кровавый.

— Они неделю не смываются! — в восторге возмещает будущий дипломированный пугатель врагов, демонстрируя голые ноги, усеянные разнообразными кожными повреждениями — от банальных бородавок до трофических язв. — Хочу в Гарвард! — добавляет он с воодушевлением.

— Утром. Сейчас ты хочешь спать.

— Да? — не верит Геничка.

— Выполнять!! — ласково убеждаю я.

Когда ангелочек, наконец, укладывается, пыль оседает часа полтора. Мы с принцем удаляемся в другую комнату и полночи чрезвычайно заняты. Потом у меня появляется необходимость посетить ванную. Путь туда лежит через гостиную, где сегодня спит Геничка. Привычно делаю пару мягких шагов по паласу и замираю: во мраке гостиной парит над полом некое мерцание. Пугаюсь, стучу зубами, бухаю сердцем, крадусь поближе. Замечаю знакомые детали: открытые раны, витиеватые рвы шрамов, полыхающие вулканчики язв — в центре погруженной во тьму мирной домашней вселенной, на спинке стула собакой Баскервилей фосфоресцирует густо залепленный светящимися наклейками шикарный ново-

русский пиджак. Мой мудрый сын не поверил в страшность Махмуда и решил помочь крутому дяде пугать врагов без диплома.

34

*Спи, мой мальчик, засыпай:
Солнце наземь село.
Спит за печкою трамвай.
Свечка догорела.
Волосатая сосна*

*Ветру строит глазки.
Нудно плачет фея сна —
Выгнали из сказки.
Полусонная метель
За окном в природу
Елкой наряжает ель
К Новенькому году.*

(Окончание в следующем номере.)

Блуждающая маска

Праздник для толкинистов

Три года подготовки, 438 дней съемок, 20 тысяч человек массовки, съемочная группа из 300 человек... Съемки эпической трилогии Питера Джексона по «Властелину колец» Д. Р. Р. Толкина завершилась 22 декабря прошлого года.

Фанаты толкиновской эпопеи ждут этот фильм вот уже четыре года. Кто предсказывает ему огромный успех, а кто — ужасный провал. Одно известно точно: равнодушным этот фильм не оставит никого. Сейчас ленту ожидает пост-производственный период, который будет длиться полтора года. Первую часть планируется выпустить на экраны через год. Вокруг картины царит атмосфера таинственности, все

актеры подписали контракт о неразглашении информации о фильме.

Когда Кристофера Ли спросили об этом, он сказал: «Во время Второй Мировой войны я работал в разведке, и если я открывал рот, умирали люди. Когда меня просят молчать, я молчу. Как могила. А я подписал контракт о неразглашении информации касательно этого фильма, такой же контракт я подписывал, когда снимался в «Звездных войнах». Я могу сказать одно — фильм будет такой же легендой, какой в свое время стали «Звездные войны». Это шедевр. И потом, обе ленты роднит то, что сюжет их помещен в неизвестную эпоху, там нет никаких дат. Но картины очень разные, одна рассказывает космическую историю, а во второй события происходят на Земле, но это какая-то другая Земля. Режиссер снял всю историю, и потом разделит ее на три фильма. Это все, что мне позволено сказать».

Кроме Кристофера Ли в фильме заняты и другие

известные актеры. Да что там говорить, актерский состав, поначалу бывший достаточно скромным, к началу съемок стал совершенно «звездным»: Элайджа Вуд («Столкновение с бездной», «Норт», «Хороший сын», «Приключения Гекльберри Финна»), Лив Тайлер («Армагеддон», «Ускользающая красота»), Шон Бин («Приключения королевского стрелка Шарпа», «Игры патриотов»), Шон Астин, Иен Холм, Иен МакКеллен, Кейт Бланшетт и другие.

Несмотря на тщательные расчеты, бюджет трилогии в конечном итоге вырос на 110 миллионов долларов. Но продюсер фильма, Барри М. Осборн, вовсе не сердится на Питера Джексона: «260 миллионов — это нормальный, здоровый бюджет для трех фильмов».

Трилогия снималась в Новой Зеландии, на родине режиссера. Но ожидается много спецэффектов, некоторые персонажи будут созданы исключительно на компьютере.

Интересно, что актеры осваивали старый английский акцент и шотландское наречие, а язык эльфов будет исключительно вымышленным, его перевод пойдет субтитрами. Речь же Гэндальфа будет похожа на речь самого Толкина, сохранившуюся на аудиопосетелях.

Н. МАРКАЛОВА

(по материалам британского журнала «Эмпайр»).

— Яблоку, говоришь, негде упасть? Ну, яблок, конечно, мы на гостей сыпать не будем, а вот гвоздики — можно. «Денег нет, денег нет...» Экий ты скучный тип, Клод. Два месяца в моих секретарях бегаешь, а все никак не сменишь песенки. Перед гостями опозоришь, сквалыга. Ладно, давай сюда бумаги, плащ и розу. Силы небесные, он опять выпучил зенки! Пора бы запомнить, *in cathedrae*¹ я не знаю, куда девать руки, мне спокойнее, когда они заняты. Не с всером же мне выходить. Да нет, чайные я терпеть не могу, краснею. Так... зеркало... Ничего, недурно... Я бы даже сказал: шарман. Шарман, дурак, значит — «очаровательно». Присядем на дорожку. Ну, с Богом! Пошли!

Господа, аншанте!

Здравствуйте, господин Морви! Как ваше дело, как супруга? Мой ей поклон, и удачных вам продаж. Возможно, я приценюсь к вашим тканям. У вас отменные образцы дама?²...

Зенобий, старая прорва! Дай поцелую!.. Тысяча извинений, мадонна! Я обознался со спины. Разрешите представиться: кавалер Ив Брабо, бургомистр вольного города Кобруца. Ну что вы, мадонна! Это заблуждение, не все бургомистры похожи именно на бургомистров. Лично я знал одного, так его путали с могильщиком.

Мое почтение, милорд! К несчастью, для полного поклона здесь слишкомлюдно. А сынок-то ваш как подросток, возмужал... Ах ты, ангелочек! Ну, не прячься за папу. Ты какие любишь — мятные или карамель? Сколько ему, милорд? Двадцать два? Летит, летит времечко...

Марк, я же просил тебя не опаздывать. Духовенство любит точность. Что ты такой смурной? Нет, я здоров. Ты полюбуйся, каких господ я наприглашал — ей богу, как на грядке. Кстати, хочешь пари? Не отказывайся, дружище! Ставлю бочку шестилетнего муската, что они будут слу-

шать мою речь, разинув рты. Не грусти, Марк, будь по-твоему, обойдемся без пари... Извини, но я не могу долго разговаривать.

Клод, я вездесущ, но до определенных пределов. Рассадил гостей сам хоть как-нибудь, и пора начинать. Ты запер дверь? Молодец, давай сюда ключи. Как зачем?! Ты постоянно все теряешь. А я говорю — теряешь! Все, я полетел.

Умоляю, уберите ноги из прохода.

Пardon, но мой секретарь — форменная свинья! Я миллион раз просил его отнести сапоги в починку, но он не внял, и пожалте — готов конфуз. Свернулся каблук. Не сердитесь, почтенный, я просто объясняю, что свалился вам на колени без задней мысли

Уф-ф...

От имени городской общины Кобруца, совета купеческих гильдий и ратманов, я имею честь приветствовать всех вас в далеко не роскошном, но милом сердцу зале Новой ратуши.

Его преосвященство, епископ Горьких земель, Наррен-ланда и Каламины Амброз Валлеруа соизволил явиться на сегодняшнее торжество в сопровождении двоих генералов ордена Святого Доминика. Чувства переполняют меня, сьеры! Отныне скромный Корбуц, подобно смиренной девственнице в белых одеждах, примет волю Господа, осенявшего наши родные пенаты с превеликой щедростью. Ибо мироточивые мощи святого Стефана, его чудотворный зуб и бедренная кость будут храниться в кафедральном соборе Всех Святых. Большого счастья мог ли желать ты, грешный Кобруц?!

Все мы присутствовали утром на торжественной мессе, и, клянусь, счастливые слезы не раз затмевали мои, не привыкшие к рыданию очи. Почтеннейший отец Амброз, ревню-

стный служитель Господа и ордена, привез мощи в наш город, невзирая на трудности, стихийные бедствия и дожди, до сего дня омрачавшие майские небеса. Но сегодня небо над Кобруцем чисто.

Вижу! Вижу ангельские головки, с умильной радостью глядящие на нас от престола Божия! Как отзываются на их ласку очищенные мессою сердца гостей!

Жаль, что моя супруга Николь и дочь Виттория не могут присоединиться к собранию...

Начиная с Рождества, мы ждали, что мощи святого отрока и возлюбленного Господом отец Амброз посетят Кобруц, и вот ожидание увенчалось восторгом души. Как хороший католик и кавалер я преклоняю колено пред золотым реликварием³ святого Стефана и взором отца Амброза. Ваше преосвященство, мой взгляд прикован к вам, и я не могу приказывать своим глазам – отвести их!

Подобно кормчему корабля спасения, вы сидите против затанцевавших дыхание гостей, а среди них – именитейшие и богатейшие отцы города, вместе с прекрасными цветами рыцарства; люди, достойные принять вас с надлежащими почестями. Ведь лицезреть вас воочию все равно, что отстоять десяток месс! О, вы скромны так, что сердце мое разрывается! Благословите меня, отец Амброз! Укрепите мой дух. О, благодарю вас!

Простое мановение руки, а душа моя воспарила в эмпирей. Амен!

Но что я вижу, черт возьми! Простите, сьеры, но там, на хорах, два, четыре, нет, больше лиц искажены печатью гнусной скуки! Стыдитесь!

Итак, я начинаю.

...Минуло двадцать лет с того скорбного года, когда немилостивая смерть от руки негодяя, наущенного сатаной, оборвала лилейную юность блаженного отрока Стефана и воссоединила его душу с Творцом, подвигая нас к покаянию и служению. За этот срок вырастет юноша, строится храм, подрастает дерево...

Ваше преосвященство, уделите еще пару минут моему косноязычию. Трудно поверить, но в юные годы я имел счастье видеть воочию святого Стефана и даже воспламениться его богодухновенными призывами...

Клод, растолкуй этому остолопу, что зал закрыт. Пусть терпит!

Вы хмуритесь, драгоценный пастырь? Значит, я могу продолжать.

Итак, сьеры, двадцать лет назад моя бывалая морда была нежна, как персик. Я был обладателем пары абсолютно телесных глаз, лихой головы и вороха крылатых надежд. Жил я весьма далеко от Кобруца, название моего родного города ничего не скажет господам собравшимся. Мне светило воинственную царственную будущее – сначала прислуживать пажом у надутого князька, затем получить рыцарское знамя и меч и стать вассалом князька все тех же достоинств.

Эй, там! Сядьте, или я ни за что не отвечаю! Пропу типины, сьеры, мы не в птичнике!

Итак, мне исполнилось шестнадцать лет, когда дурни, охранявшие ворота, пустили в пределы стен дрянненькую повозку, в которой теспились два монаха и белокурый мальчик в дерюжке с пастушьей сумкой. Их никто не выделил из толпы приезжих – побирунков подобного разбора в городе хватало. Но кое-что им подали сердобольные, и они остановились за Обжорным рядом, где в постележке давали за гроши вшивый тюфяк и обедки.

Я бы не узнал о них так рано, если бы в сад отцовского дома, где я подвергался пытке зазубривания катехизиса, не заглянула тройка моих друзей. Среди них был и сын тестомеса Ив Брабо, имя которого я ношу на посту бургомистра.

...Так, ваше поведение несносно! Милорд, отзовите ва-

ших рубак от кафедры! Куда, хамье! Ну, извини, дорогой, против солдат я ничего не имел! Отче Амброз, извините за беспокойство. Сьеры, еще одно движение, и я заколю почтеннейшего епископа насмерть!.. Прекрасно! именно такой типины и внимания я и добивался...

Именно Брабо выманил меня к ограде и оглушил новостью, что в Обжорке уморительно беснуется заезжий дурачок. Наставник мой давно спал, утомившись моей скверной латынью, челяди видно не было. Грех было пропустить зрелище. Обнявшись, мы ввалились в постележку, гудевшую как Поев ковчег, и принялись глазеть. Плакала оборванка у таганка, мужчины переглядывались; на нас, хихикающих, прикинул старикашка – ведь на коленях старшего монаха корчился шустрый мальчуган в лохмотьях, поднявши к потолку зареванное личико. Ужасный вопль содрогал горло ему. Монах гладил его по волосам, понутно объясняя публике, что маленький Стефан имеет очередное видение – сам Христос в сером плаще пилигрима с бедным посохом наставляет детское сердце на путь. И на какой путь, сьеры!

Мы поразевали рты и охладели до костей: бедный сверчок вопил о Крестовом походе. О Гробе Господнем; о венцах башен Иерусалима, прободивших свирепые небеса; о саде, где плакал Бог. О сарацинских псах, вцепившихся в горло Святой земли; об огнедышащем идоле Магомете и христианских скелетах в ржавых латах, что дремлют, неосмотренные, в песках...

А молодой монах кивал, повторяя: «Истинная правда!»

Кто-то смеялся, кто-то сомневался, кто-то хлебал подонки из сушеного котла, а мы – трое охломонов – уже слышали хриплый рев рыцарского рога. Провалились в татарары, надутый князек! Если мне и сияет вдали золотой лев рыцарства, то только ради Иерусалима!

Пока я приосанивался, обещал взять Брабо в знаменосцы и принимал героическое выражение лица, наш мальчиш утих и, обливаясь потом, замер, как лягушка во льду.

Ангелы вынесли нас на воздух из клоповника. Одушевленные, мы поняли одно: скоро наш духовидец будет проповедовать на паперти собора с разрешения, естественно, властей; скоро в нашем городке во всю прогремят призывы к походу, которого еще не видели.

Ох, какая тогда была весна, сьеры! Ветра, дрожь, мчались над баннями и крышами, как свора гончих; всюду яркость, цветение, сок – самая пора для чуда.

Когда мы, нагулявшись и подравшись сгоряча с мастерами, расстались, наши макушки скребли небосклон, а под рубахами прыгали в нетерпении сердца, как холодные рыбины. Дома я был выдрал батюшкой за побег и заклеял прозвищем «босьяк» и «позор моих седин», потом получил затрещину от матери за разбитую губу и грязный камзол, да еще ночью меня поймали за вороватой примеркой отцовских шпор, что хранились в нашем доме, как реликвия. Грехов на мне было, как блох. Недельку меня держали взаперти, но я не упывал – я горел.

Я бредил по ночам садом, где плакал Бог. На мне висели двадцать сарацинов с кривыми мечами и кораном за пазухой. Я дрался как лев двуручным мечом и погибал с розовой улыбкой на устах, но погибал ненадолго, чтобы завтра слушать грохот барабанов и пенье труб на Голгофском холме.

Пока я грезил в четырех стенах, город метался в лихорадке от церкви к церкви, люди падали без сознания, сдвинутые толпой в соборе. С утра до поздней ночи взрывались в небесах громады колоколов, а ложилась тьма – россыпи факелов дробили образа площадей, запруженных молящимися. Солнце всходило, шипя, как яичница, и обливалось небывалым жаром толпы. И детский крик рвался от высокого портала собора Богоматери. Напор жаждающих был

так велик, что, казалось, черные резные стены двинутся и покатыся, как цыганская повозка.

Стефан звал на Иерусалим – и город рыдал. Стефан бился в корчах – и город вздыхал: «Mea culpa!»⁴ и бил себя кулаком в грудь. На Стефана исходил из мрака столб огня – и дети бежали по переулкам к площади, размахивая ветками цветущей вишни. В весеннем снегопаде лепестков стоял Стефан – и город улыбался.

А молодой монах ударял в барабан и повторял: «Истинная правда!»

«Взрослые ищут власти, стяжания и утех плоти. Войска, посланные святейшим понтификом, предпочитают служить венецианцам за жалкую мзду, а меж тем небеса содрогаются, и гневом кипят страны. Господь теряет свою землю, свою нерушимую вотчину, где он внимал Слову Отца своего, более тридцати лет провел в скитаниях, где Он был мучим, распят, воскрес и вознесся! Так пусть смиренные и невинные крошки, христолюбивые юнцы и юницы соберутся, пойдут и отвоюют Гроб Господен из мерзостных рук идола Магомета!» – так, или примерно так, сьеры, кричал Стефан в тот день, когда меня выпустили из дому на проповедь. На площадь я приехал под конвоем – справа покашливал в седле батюшка в двухслойной арагонской кольчуге, слева мать в белом платье правила золотистой лошадкой. Толпа захлестнула пас, в ней задыхались кони... И странная то была толпа: она хныкала и пискляво читала молитвы, она – милые дамы, зажмите уши – мочилась в штаны и шмыгала носом. В воздухе пахло леденцами и пленками.

Неутомимый Ив Брабо делал мне знаки с конька часовни Кающихся. Знаки, из которых я понял, что все готово для Крестового похода: он запасся в дорогу колбасой и украл у отца красные штаны. Оглядывая площадь, я приуныл: девчонки и мальчишки от семи до семнадцати годов слушали Стефана, кивали разномастными головами. Мои двуручные мечи и могучие кони рассеялись, как дым. В дорогу Стефан не разрешал брать ни денег, ни оружия, ни еды, ни добротной одежды. Крест на шесте да белоснежная туника – вот и вся амуниция Христовых солдат.

По пути домой батюшка прослезился и утирался рукавом, а мать фыркала, как кошка и ругалась шепотом.

Детей, и только детей звал Стефан, все больше их приходило на поле за городом в ряды его войска. Город был отдан под власть ребятишки, салки они чередовали с литаниями. Представьте, сьеры, что началось! В семьях вспыхивали драмы, скудные деревья в городе обломали на розги, не на одном пороге появлялись красные от слез девочки или угрюмые паренки и, тоная ногами, вопили: «Все равно пойду к Богу!»

Правда, не обошлось и без утешительных событий. Два рода, более сорока лет сживавшие друг друга со свету, слезно обнялись, объединенные заботами о взбесившихся чадах.

Батюшка, старый вояка, растроганный наивностью проповедника и бедностью его провожатых, послал в дом настоятеля собора несколько десятков золотых мирандоло. Но когда я, пылая ненавистью к сарацинам, сообщил, что иду в Святую землю сразу после ужина, он пододвинул мне под нос каленый кулачище, и на глупый вопрос «Чем пахнет?» я обреченно ответил «Могилой...» И после ужина отправился спать.

Папа-тестомес тем же вечером так отлупил Ива Брабо, что соседи, восхищенные его воплями, прочили ему чин запевалы в рейтарском полку.

А те, кому Фортуна улыбнулась, выпорхнули на улицы в белых туниках, щеголяя битыми коленками и черными крестами во всю грудь. Старухи плакали, глядя на них. Девочки вплетали в волосы спутников вьюнки и розы, а

стройное пение «Te Deum laudamus»⁵ парило над полем сбора, как в райских кушчах. Мы с Брабо, потирая дупленые зады, безмерно презирали счастливых, лежа на крыше моего особняка.

Но уже через две недели епископ нашего города прокаркал с амвона, что удерживать детей, рвущихся на правое дело – поступок, выражаясь околичным, неблагоприятный с точки зрения Церкви и Господа, а выражаясь грубо, припахивает ересью. А ересь, не надо вам, сьеры, напоминать, всегда благоухает горелым.

Что, Амброз? На костре мне и место? Душа моя, с ножом у горла я бы больше любил ближнего! Клод, вспырыни даму, ей, кажется, дурно...

После епископского намека разжались объятия отцов, задохнулась дедовская мудрость и увяло рвение матерей, прежде становившихся в распор на пороге с кличем: «Только через мой труп!». Наплись отважные семьи, которые предпочли погрузить скорбь, посадить упирающихся наследников на повозки и послать к черту епископа, Стефана и молодого монаха по кличке Истинная Правда.

...И советую тебе, церковная крыса, хорошенько помолиться за благополучие и мир в этих семьях...

Ив Брабо вскоре явился пред мои очи в ангельской рубашечке с маргариткой в патлах и поведал, что весь вечер показывал отцу язык, при чем отец смиренхонько собирал ему узелок, гладил по голове и даже был трезв. Я позеленел от зависти, обозвал его «дурнем толстозадным», и нас с трудом разнял мой дядька-наставник.

Теперь мои надежды на поход погибли: за сто блинов в голодный год я не встану под одну хоругвь с ренегатом, Ганелоном и Брутом в одном лице.

Но там, где рычит мужская гордость, решает очарование Евы. И я, подобный единорогу (ибо на лбу у меня вздулась шишка), припал к девичьим коленям... О, Николь... Ах, сьеры, если бы сейчас чей-то поганый язык сказал о ней худое, я бы дрался с мерзавцем одной рукой, не отнимая ножа от поповского кадыка. Надеюсь, вы не хотите подобных экзерсисов? Благодарю...

О, Николь... Мы сидели в ее садике, полном солнца и шепота, и ели ореховые пирожные, которые я на дух не переносил, но хвалил, потому что любила она. Она сидела на спине каменного льва против меня, вся в золоте, вся в трепете плюща... Облизнула крошки с мизинца и спросила: «А ты пойдешь ко Христу со мной?»

Через час я плюхнулся на колени перед батюшкиными сапогами и стал кланяться. И был благословлен. Как теперь понимаю, па отца уже косились окрестные дворяне, отпустившие своих детей, и, запрети он мне, город рисковал обзавестись новой парой враждующих родов взамен помирившихся.

«Al dispetto di Dio, potta di Dio⁶, негодай!», – сказала мать батюшке и заперлась в спальне.

И пошагали мы в ночь, освещенные факелами, под колокольный гул, псалмы и звонкий крик скрещенных золотых труб в руках маленьких трубачей. Мое родовое знамя с черным колесом и мечами волок сияющий Ив Брабо, ладонь Николь дремала в моей руке, я чувствовал себя в тунике, как дурак, и был счастлив до сердечной боли.

И страшная женщина схватила меня за плечи у ворот. То была моя мать. Мы торопились, подтягивая ряды, она бежала рядом черная, как сама полночь, и шепотом обжигала мне ухо: «Я знаю, ты никогда не вернешься домой. Помни крепко: когда голова говорит тебе одно, а душа другое – верь душе. Ты – моя кровь, ты – южанин. Так живи и умри южанином, сын. Возьми кинжал и спрячь. Южане всегда носят под платьем нож и сердце, и если у тебя выбьют клинок – коли сердцем».

...С кинжалом моей матери ты сейчас и беседуешь, Амброз. Уверен, что его речи сладки и приятны. А? Полно, не дрожи, я пока шучу.

Нас было не меньше тысячи, сьеры. Почти все никогда не покидали дома и не ведали, сколь страшно и далеко странствие. Наше воинство стало с течением времени из лебяжьего охранным от дорожного праха, потом – серым и коричневым как грязь. Нас вел блаженный, и каждый верил ему, верил до крови, и все мы были пропитаны этой верой, как ядом. А когда верит тысяча изможденных, сизых лицами людей, вера дорогого стоит, сьеры!

Я помню пронзительный голосок Стефана, когда он кликал, как юродивый; я помню его молитвы – жуткие детские считалки, от которых тосковала душа. Пекло солнце, а над Стефаном несли полотняный балдахин. В жидкой грязи тонули ноги, а Стефана везли на крытой арбе. Когда пал ослик, тянувший арбу, мы впрягались попарно и спорили, чья очередь тащить блаженного, кому быть ближе к Богу. Моя шея воспалилась от постромков.

День и ночь, день и ночь, день и ночь мы брели, и дорога вливалась в дорогу без конца. Мы срывались в короткий сон, как в пропасть, мы жрали дрянь, мы хрипели от жажды. Если шел дождь, мы раздевались догола, ибо мертвецы и обездоленные не знают стыда, и старались подольше сохранить тряпье влажным, выжимая вонючую влагу в рот друг другу. Ведь не везде были ручьи, не всюду нас допускали к колодцам.

Бывало, к нам присоединялись взрослые: кто из любопытства, кто по вере, кто, сукин кот, прельстившись голыми бедрами старших девушек. Но старый монах и молоденький, по кличке Истинная Правда, гнали непрошенных пидгиримов с остережением, храня юную чистоту человекоподобного стада.

Самому младшему крестоносцу было три года. Его взяла с собой десятилетняя сестра. Его звали Юкки, и он играл в пыли на привалах деревянной собакой. Он умер первым от усталости и голода. Мы зарыли его у переправы и украсили могилу цветами и камешками со всей серьезностью и значительным молчанием, как дети хоронят птенцов и утопленных котят. Деревянную собаку, выброшенную за ненадобностью, взяла себе Николь.

Мы тащились в судорогах, как больная кольчатая змея, и кивали над нами в небе кресты и хоругви.

Деревни словно вымирали, стоило нам приблизиться – крестьяне запирали двери, иногда оставляя за калиткой молоко и хлеб. Они боялись, что мы уведем их детей. Я не в силах их винить. Но я видел, как они забили палками двух девочек за то, что те выкопали дюжину незрелых репок с окраины общинного поля.

«Я никогда не доберусь до Иерусалима», – плакала Николь, уткнувшись мне под мышку. Мы лежали вповалку у костра. Ив Брабо хлопал комаров и сочинял песенки. Чем мрачней становился этот бесенок, тем веселей и солоней ему сочинялось. Утром мы поднимались и продолжали не идти, но вгрызаться в дорогу, дурея от запаха цветущих чащ и луговин, от голода, веры и зелени речных заводей, где безумно хотелось выкупаться, но не разрешали монахи. Еще бы! мы идем не для того, чтобы тешить плоть, визжать, нырять, брызгаться или хотя бы постирать вольные обноски. Мы ненавидели рассвет – к утру крестоносцы умирали чаще, чем в иное время суток и оставались у потухших кострищ – нас гнали вперед, мы уже не могли зарыть трупы.

«Не могу больше идти! – кричала Николь и шла, цепляясь за мой локоть. А когда она замолкала, и живыми оставались лишь ее глаза, ввалившиеся, тусклые, я нес ее на руках или вваливал на закорки.

*Мария, Мария, цветок белоснежный,
Расцветший для нас в небесах,
Спаси от вражды, исцели от болезни,
Храни на опасных путях.
Мария, Мария, цветок несравненный,
Царица безгрешных небес.
Моли о нас Сына, спаси нас от гнева,
Ведь Сын не откажет тебе...*

...Каково, сьеры! Я и в молодости не славился бельканто, но сейчас мой голос срывается от такой ненависти, какая вам и не снилась, а тогда я давал петуха от восторга перед грядущей победой и обретением Гроба Господня. Тебе знаком этот напев Амброз! Подумай, как плакала Богородица у ног распятого Сына, когда ты вел нас на смерть...

Наивную песню мычала неполная тысяча слабых глоток, она понукала нас идти вперед и вперед, как вожжи, продетые под ребра; она заставляла нас перекидывать через плечо руку падающего соседа; она заставляла нас стоять, икая с голодухи, и ждать, когда поедят младшие и больные.

Наверное, мы и вправду были святы или феноменально глупы: ни разу здоровый лоб, вроде меня или Брабо не отнял еды у ребенка, ни разу мы не бросили того, кто, обессилив, валился нам под ноги. Мы понимали, что никому не нужны, кроме Бога и друг друга. Впрочем, не нужны мы были и Богу.

На самом деле – ах, Амброз, твоя плешь сейчас вспотеет – на самом деле мы были ужасными язычниками. Мы воистину верили и в сон, и чох, и в вороний грай. Наша троица молилась деревянной собаке Юкки. Мы даже мазали ей морду остатками похлебки, втайне надеясь, что талисман не даст нам околеть в канаве или, скажем, заразиться вон от того мальчишки, что бесится в бреду, забрызганный лиловой сыпью.

Заболевших несли на плечах. Мы могли только совать им куски полутьмы и плакать, когда они умирали. Но тут я, сьеры, соврал. Плакать мы больше не умели.

Мое пыльное знамя с черным колесом клонилось долу под унылым углом, мы с Брабо тащили его попеременно на плече, как удочку. Наконец я сломал древко на посохи, а прапор спрятал за пазуху к кинжалу.

Черт знает, какая петрушка творилась в моей душе. Я верил Стефану, я любил Николь, как, наверное, умеют любить лунатики и дети. Но по ночам странное чувство корчилось в сердце, искало выхода из грудины. Чувство было едко, как щелок, и огромно, как гора. Я отдавал свои ладони спящей Николь, смягчая землю под ее головой, и правильно делал, иначе я разодрал бы собственные ребра. Чувство совмещало иступление и ледяной расчет, тонкий, как золотая цепочка. Я еще не знал его имени. А ведь то была ненависть. Сестра моей любви, моя надежная Фортуна. Я почти каждый день видел крошечные страдания моих сестер и братьев, я видел смерть бессмысленную и простую. И – тысяча чертей! – когда ночная беда вставала в нашем изножье и паялила, выбирая, жидкие, сочные, как грязь, глаза, я не боялся, и поворотливая ненависть гадюкой подползала с арбы Стефана и, неназванная, ждала.

Нам многие сочувствовали, подавали съестное и деньги, но деньги отбирал Истинная Правда, а еда исчезала, как снег на печи. И в то же время вокруг нас, как мухи подле трупа, вились подонки. Их сладенькие глаза, откуда сочилась сгнившая душа, стоят передо мною до сих пор. Теперь, когда я вешаю кого-нибудь из таких шакалов, я посвящаю петлю моим товарищам, тем, кто растекся грязью на обочинах, тем, кого до скелета обглодала дорога до Святой Земли. Когда подонков становилось слишком много, мы заключа-

ли девчонок и малышню в плотный круг, и наша высохшая плоть была их крепостными стенами.

«Пора сматывать удочки, рвать когти, драпать и так далее. Короче, труби отступление, братец», — шепнул я Иву Брабо, когда мы вышли из Момельяна, и близко зазеленели Альпы, а из облаков над кряжами нам улыбалась смерть. «В точку», — кивнул мой друг.

Николь спала в ту ночь, как камень. Мы незаметно подхватили ее за руки, за ноги, решили отволочь в сторонку и, затаясь, подождать, когда вшивая армия уйдет. А там уж как-нибудь прокормимся в городе, и амба — с нами Бог.

Сменив таким образом диспозицию, мы завалились в бурьян и вознамерились оборвать с остатков туник черные кресты. Когда затрещали нитки, Ив Брабо сказал: «Знаешь, южанин, говядина мы. Оно самое собачье...» Мы высунулись из кустов — тлели костры вдоль узкой дороги, и детский сонный бред поднимался с седловины к звездным склонам. В арбе Стефана горела свечка, из-под полога выбрался очень веселый и красноречивый Истинная Правда и, задржав рясой, пристроился у ствола. Мы немного послушали его немецкую песенку о мохнатой пещере милашки. «Ты прав, братец. Мы — оно самое собачье», — подтвердил я, и мы, вернувшись к костру, заснули.

Днем в пути Николь лукаво посматривала на нас и прискакала в кулак так, что трескались спекшиеся губы. Мы отворачивались. «Говядины!», — наконец рассмеялась она и обняла сначала Брабо, потом меня. Причем меня она поцеловала в губы.

В первом же горном городке я обаял кондитера и выпросил у него здоровенную ромовую бабу в глазури. Пока он жалел христову сиротку, Ив Брабо украл весь лоток с выпечкой. И половина нашей мусорной гвардии сожрала греховное лакомство по крошкам.

Мы прошли равнину и поперли через Альпы. Мы перли месяц, сьеры, почти нагишом.

...Эй, Амброз, Истинная Правда... Вспомни Абельке Брувер, красавицу Абельке с пьяными вишнями вместо губ и горлицей вместо сердца. Вспомни, как младшие дети просили хлеба, и ты, сучок, согласился дать, но взамен ты хотел ее исповедовать... Вспомни, как она вышла потом из арбы, как слепая, с караваем в руках, и бедра ее были измазаны кровью. Вспомни, как мы нашли Абельке утром на дереве, сиплюю, с высунутым языком и поясом от туники на шее. Вспомни, как она плакала мертвая!

Ты отказался молиться за упокой души самоубийцы, так повторяй за мной, свинья, через двадцать лет: «Да покоится в мире самоубийца Абельке Брувер, и свет вечный да светит ей!..» Умница, Амброз! А что шею я тебе порезал, так утешься, не сдохнешь. Что вы визжите, госпожа судейша? Я вижу, ваша дочь — ровесница Абельке, да хранит ее Господь...

Вспомни, поп, дурачка Мико Баттисту. Когда он видел впереди хоть призрак замковой крепости, хоть отблеск луча на зубце, то спрашивал: «Это и есть Иерусалим?» Мы устали отвечать «нет». Он не верил и твердил, что раз мы так часто видим стены, но не город, значит, Иерусалим очень велик, и мы просто кружим в поисках нужных ворот. Вспомни, как в конце нашего горного перехода мы ночевали в предместьях города Фенестрелле, уже в Италии. Он подошел к тебе, глядя на крыши и шпалеры виноградников, залитые луной, и задал свой обычный вопрос. Ты, давась, жрал мясо из супа, и конечно, взбрело в твою тухлую башку, что дурак поднимет шум и разбудит старшего монаха. Ты ударил его, толкнул на камень головой. Мико Баттиста умер в полдень, уверенный, что наконец-то отыскал нужные ворота Иерусалима.

...Выходит, я еще и подлец?! Неужели ты думаешь, Жан-

Пауль, коли ты оторвал железную задницу от скамьи и запустил мне в лицо перчаткой, я немедленно полез на поединок? Нет, сьеры, я плевал на его вызов, есть дела поважнее. Но еще один такой фортель, и, клянусь кровью, у вас будут свежие мощи святого Амброза. Забавна ваша мораль: если я приставил нож к горлу, а не сам хриплю под ним, то я — подлец, а он — агнец на заклинание? Впрочем, меньше всего я хочу быть моралистом. Да, представь, Жан-Пауль, я не рыцарь, не паладин. Я — человек.

Сколько нас полегло в горах, сочтет разве что Бог. Перевалы выбелили наше шмотье, кресты на груди райской пехоты посерели. Мы постигали медные дороги августовской Италии, как буквы в школе. То был трудный алфавит, сьеры.

Четыреста призраков, воскрешенных из мертвых, плелись между чужими людьми и жилищами. Мир вокруг говорил на языке, известном разве что мне, да паре-тройке иных южан. Мир вокруг разбивался стальным соловьиным щелком итальянской речи, той, что всегда носил я под языком, как терновый шип. И первые слова, которые я всерьез сложил на этой земле, были слова благодарности.

...Каменный родник Биеллы, кольчуга Навары, дымный мед Милана, пчелиная свирель Павии, колокола Тортоны... Здесь никто не понимал наших псалмов и песен, но многие опускались в пыль, когда Стефан, стоя к нам лицом и задом в закат, воздевал тоненькие ручки, и солнце цепенело над детским затылком. Вот тогда мы прощали все монахам, у нас был свой Иисус, у нас была надежда, и мы хрипели «Осанна в вышних». И продолжали путь.

Я помню всадника, раздетого, как апельсиновый сад. Он, заведя нас, опустил свою лошадь на передние колени и, отсалютовав нам мечом, коротко сказал Стефану, будто сдул пушинку с губы: «Assasino»⁷. Я ужаснулся переводу. Такая дерзость невозможна по нашу сторону Альп.

Под развеянным платом звездного неба мы ползли по горьким склонам, и козы стада шарахались от нас на две стороны. Я не ведал большего наслаждения, чем сцапать за ноги козу и высасывать из вымени почти горячую гущу молока и, захлебываясь, послать смерть куда подальше еще на сутки.

Да, только самые выносливые, чья жизнь накрепко вдунута Творцом в теснины плоти, увидели Гончарные башни Генуи. Что за город, сьеры! Мы влюбились в него насмерть. Нас ослепила виноградная зелень моря под вечер, когда не осталось ни сил, ни молитв. И вдобавок погонщик-холуй угостил Ива Брабо плетью. Визжа, мы рванулись к прибою, рассыпались по каменистому берегу, как горошины. Монахи надрывались из брошенной арбы, Стефан плакался Господу. Солнце на юге — хозяин, а не постоялец, потому оно беспощадно и правдиво — Николь словно впервые увидела свои расцарапанные тощие ноги и разбитые ногти. Тогда я узнал, что такое утешать безнадежно плачущую женщину. Врагу не пожелаю выманивать любимую душу из лабиринтов плача.

Тут-то мы вспомнили посулы Стефана, дескать, стоит нам приблизиться к морю, пучины расступятся, и мы посуху двинемся на сарацинские твердыни. Уцелевшие малыши садились на корточки и дули на прибой, как на кипяток. Но орали всполошенные чайки, на берегах варились рачки, соль оседала на наших ногах, а божественный катаклизм не торопился. Понемногу старшие девочки и парни сбились в нехорошую группку, Брабо уже без церемоний плюнул в Генуэзский залив. А Николь попросила, чтобы я перестал, ей странно на меня смотреть. Перестать я не мог, ибо сам не знал, что за перемены происходят с моим лицом. Кажется, я улыбался.

Тут прискакал Истинная Правда и сообщил, что чудо

отменяется по причине наших тяжких прегрешений, поэтому добрые покровители поведут нас в славную Геную, дабы продолжить крестоносное шествие с меньшим размахом, без грозных явлений природы.

И вкатились мы в клякстатые ворота Генуи, окаянного лигурийского ящера. Надо было видеть, сьеры, как захлопывались двери лавок и жались к стенам прохожие. Я уже без зазрения совести обсуждал стати проплывавших мимо дам, дабы успокоить Николь, которой эти лобастые донны в подметки не годились. Брабо ржал и требовал, чтобы я переводил красавицам его замечания.

Генуя заворачивалась, как чесоточный, в садах правителя зашмыгали доносчики. Упало каленое сердце Алессандро ди Лигури – он тогда сидел на шее Генуэзской республики, питался из страха перед отравой одними голубиными яйцами, и даже в постели с женой не снимал панциря. Узнав о нашем парад-алле, железный Алессандро впал в буйство, прибил домочадцев, ночь проторчал перед образом Мадонны, а утром его осенило. Малолетнюю саранчу, естественно, науськали враги республики, решившие дьявольской козней свихнуть набекрень мозги правителя и забросать славу Генуи младенцами. Этак сначала в ворота протопает орда юнцов, а за ними, глядишь, и закованные в латы наемники, а горожане их спокойно потеряют.

В порту дрожала ночь, бурлили и воняли в котлах для каторжников неописуемые отбросы, а из лиловой тьмы вывалился всадник и, пока его лошадь ярилась, крикнул, чтобы мы немедленно убирались, иначе мессер Алессандро обратится к полезному наследию рода.

Но тут действительно произошло чудо: Истинная Правда распластался под копытами и что-то объяснил нашему горбоносому ругателю. Тот зашелся хохотом, Истинная Правда поцеловал его стремя, и всадник сгинул, довольный.

Алессандро ди Лигури спокойно спал в ту ночь. Наверное, сейчас не так сладко дремлет в земле молодой тигран, лишенный чести, власти и родины.

Николь заходила по грудь в воду и стояла, почти неразличимая среди свай. Но море было неотделимо от звезд, и ни корабля, ни Иерусалима не увидела моя Николь... Мы стояли рядом и смотрели туда, где замерла в скорби отцветшая Гефсимань. Четыреста детей не спали и входили в море, дробя шагами круги созвездий, чтобы хоть на вершок, хоть на слезу, хоть на молитву быть ближе к Святой Земле. Брабо посадил на плечо серьезную малявку и показывал ей Ковш.

Смешно, сьеры... Никогда нельзя позволять детям осуществлять свои мечты. Кто в детстве не желал бежать за море, или скитаться по земле, чтобы дойти до края, приподнять хрустальную сферу, как занавес и подсмотреть замысел Божий? Кому не теснила душу весна той яростной, той великой тягой умереть или взлететь, отряхнув оболочку, родительскую любовь, и память, еще незаполненную, легкую, как птица? Крепче держите детей за руку, сьеры. Ведь именно память привлекает человека к земле. А этого груза у нас, как назло, не было. На молодой крови мы замешали Святую Землю. И нашлись умники, которые пили эту смесь и нахваливали...

Монахи сказали нам, что утром придет корабль и увезет нас к Богу.

Болтаясь между спящими в сонном полубреду, я нашел бочку с водой, но там ничего не было, кроме слизи на стенках. И возвращаясь к Николь и Брабо, я заметил Стефана – он благоговейно тащил кувшин вина к арбе. Монахи похвалили его, они пили, привалившись спиной к колесам. Плещули и Стефану. С ними сидел моряк. Они спорили, торговались на пальцах, Истинная Правда, коверкая итальян-

янский, орал в дубленую рожу гостя: «Без ножа режете, Альди! За таких парней и девок нечестивцы и золота не пожалеют. Вы же видели – товар отменный: ноги литые, глаза ясные, грудью рулевое весло перешибут. Вон сколько прошли и не охнули, готовы жрать ослиные стручки и спасибо говорить! А дворянчики?! Их отмыть, а там – манеры, языки, тысяча удовольствий, суфле... А цена – пшик! В прошлом году мы разочлись по-божески». Моряк скалился, тряс серебряными цацками на шее: «Мужской пол – два динария за душу, женский пойдет по одному. Их еще в море половина передохнет!» Стефан сосал вино, шурился. А потом закликал, засучил ногами, но не удержался – хихикнул. Моряк дивился его талантам.

Кстати, Амброз, где вы откопали это выдающееся дитя? Сколько пащенку было лет? Куда-куда я должен пойти? Фу, ваше преосвященство! Сидит тут, потеет, выражается при дамах, пример молодежи подает гниlostный... Так сколько – тринадцать, четырнадцать?

Клинок на моей груди похолодел. С меня сорвали все: веру, любовь, незримый доспех крестоносца. И сквозь громадную ссадину с хохотом хлынула ненависть. Я ею упибался, сьеры, я летел, я ненавидел с высшей чистотой, словно разом ударили по органному клавишам. Мне казалось, я кусаю их уродливым смехом, выгрызаю черные куски мяса и жилы. Я убежал прежде, чем они опомнились. Чуть позже Истинная Правда бродил, подолгу светя фонарем в спящие лица. Стоял он и надо мной, на щеку мне капнуло масло, но я спал и улыбался, что твой купидон.

Причал прогнулся под нашими ногами. Высоты Генуи ожогом запечатлелись в полуденном небе. Легко забыть лишения и боль, когда зелена круглая плоть волн и, точно ладонь Господня, протянуты сходи. Еще свернут был парус, от жары дымились снасти – мы все еще мечтали о Иерусалиме, а нас пересчитывали, как скотину. Я, конечно, обо всем рассказал Николь и Брабо, мы пытались втолковать правду остальным, но никто не желал слушать. Они лишь вскидывали головы и пели, стараясь увидеть Стефана через плечи друг друга.

И первые уже ступили на палубу и маячили меж крестных зубцов алой кормы. Меня затерли в задние ряды, я видел Стефана вдалеке. Желтоголовая мартышка, он правил хором, заглушая редкие крики девчонок, которых щупали торговцы.

Ряды замешкались – вера и страх схватились в нас насмерть. И тогда я поднял камень.

Свистнули бичи торговцев, и с воплем подалась назад толпа невольников. В этот миг мой камень раскроил лоб Стефана и остался торчать в кости.

О, сьеры, то был великолепный бой! Четыреста грязных ошалелых детей ударились в щиты, разорвали плети, сломали доски. Мы отнимали у охраны оружие и дрались, а кому не достало стали – рвали руками. Мы выли, видя, как падают в крови крестоносцы, и становились солдатами. Облезая клочьями, горел парус – я не знаю, кто швырнул на палубу огонь. Мы боролись за Святую Землю и, вспоров брюхо порта, выбились в город, оберегая раненых и слабых.

Как ты спасся, Амброз? Куда ты забился, когда Брабо сломал шею старшему монаху?

В маленьких кулаках мы подняли нашу свободу и опустили ее на этих собак, как секиру. И они отступили, они удрали, мы раздавили железную скорлупу солдат ди Лигури!

Слышите, вы! Один раз за миллион лет голые безоружные и несмышленные люди отвоевали свою Святую Землю! Мы прорубались к городским воротам, и нас оставили – страшных, в крови и пыли. Мы прокатились по пустым

улицам из города и дальше по склонам. Вспомнили про сохранившие знамена, достали и надели полотнища на кровавые колья. Мы уже не были ни толпой, ни армией. Мы стали народом.

Я не хотел — у меня вырвали знамя с колесом и понесли впереди. Такая честь была куплена обыкновенным булыжником.

Новый народ возвращался домой. Как удар молнии спекает песок в слиток стекла, так и мы держались друг за друга, одни на земле. Мы прекрасно понимали, что не будет возвращения на родину; перерезанные горла врагов навсегда закрыли нам дорогу к отчизне.

Но мы верили — у нас будет дом. Мы искали краев, каких не знало мироздание; мы больше не побирались — где подрабатывали, где промышляли ночным разбоем, правдой и неправдой добывали еду и одежду, угоняли коней и повозки, крали овец. Нас ненавидели люди, и любое дерево норовило стать виселицей, и всякий встречный — трибуналом.

Мы вошли в пределы Горьких Земель, сторонясь людей, опасные и взрослые. Миля за милей нас проглатывала чаща, мы мерили болота и горы. Однажды зимой мы остановились в смертельных и беззвучных местах, и там вырыли знамена в снег.

У нас уже имелись деньги и добыча, я вместе со старшими ездил в отдаленные города, покупал и выменивал инструменты, пускал деньги в рост руками доверенных людей. Среди нас были дети рыцарей и кузнецов, плотников, лекарей, швей. Сызмала в нас дремало ремесло, что-то мы вспоминали, что-то придумывали. Мы вырубали лес, рыли колодцы, пластали землю плугами, растили скот.

Скоро Николь стала моей женой и княгиней, хотя я предпочитаю, чтобы меня величали не князем, а главарем — я слишком хорошо помню, с чего мы начинали.

Десять лет мы строили город. У нас уже подрастают дети. Но в городе нет еще стариков, мы вырвались из счета ваших ветхих поколений. Я правлю веселым и ловким народом, Амброз! Мы умеем работать руками и торговать, ценить и создавать книги. Мы изучили дремучие сплетения политических игр по всей Европе и достаем оттуда выгоду, как пловец губку. Кому надо, те знают дорогу в наш город — изгнанники, люди с попанной честью приходят и живут. А припрет — набегами снимаем с эшафотов осужденных напрасно.

А когда ваши топоры и стены дотянутся до Города, мы бросим все и под знаменем Колеса двинемся дальше, хоть за море, хоть на луну, открывая новые земли для каждого, кто решится пойти с нами. Пусть незнакомые края встре-

тят нас теплыми фортами и домами. Мы знаем, что такое подыхать от голода и жажды, и вам этого не позволим.

А еще — мы никого не пропустим вперед себя.

Но, будучи оседлыми пока что, мы поклялись уничтожать подлость везде, где бы ни воцарился червь человеческой изнанки. Уничтожать любыми способами. Красавца-деспота Алессандро ди Лигури сбросила Генуя; негодяй в Ватикане, зачинщик детских крестовых походов и торговец рабами был казнен своими же коллегами-прелатами. Я заставил его признаться во всем. И это лишь малая часть совершенного. Я вряд ли выдержал бы княжеский гнет долга, но я благодарю мать за нож и лисий серп улыбки Южанина.

Я искал тебя, Амброз, ты был проворен: перебежал из монастыря в монастырь — у меня голова кружилась от твоих кульбитов. То канешь в жижу папской канцелярии, то подсидишь кого, и должностишку сменишь. Меня, как узнал, что ты ведешь с Кобруцем переговоры о куриных косточках Стефана, просто захолонуло. Пришлось купить чин бургомистра, это к сведению неподкупного совета ратманов. Не жмитесь, сьеры, я не буду оглашать имен. Я вцепился в Кобруц и ждал тебя с самого Рождества, дышать боялся — вдруг спугну!

Ты ошибаешься, Истинная Правда! Я не буду схвачен и не умру вместе с тобой. Окна невысоки, а возле аптеки меня ждет Ив Брабо с парой лошадей. Пока выломают дверь, пока сорвут погоню...

Трус? Возможно, но за мной Город.

Спокойно, сьеры! Падаль вы уберете потом!

Эй, там, у окна, берегись!

И Господь мою душу помилуй!

Начато 15 сентября в день Пресвятой Матери Скорбящей.

Завершено 19 сентября в день Св. Жанвье.

Москва, 1997 г.

¹ In cathedrae — лат., в буквальном переводе «с кафедры», то есть перед публикой.

² Вид старинной ткани.

³ Реликварий (рака) — специальный ларец, сделанный обычно из стекла и золота, предназначенный для хранения мощей святых.

⁴ Mea culpa — лат., «моя вина» — слова из католической покаянной молитвы.

⁵ Te Deum laudamus — лат. начало католической хоровой молитвы «Тебя Бога хвалим...»

⁶ «Ах, ты, в Бога душу, разрази тебя Бог!» (итал.).

⁷ Убийца (итал.)

Курьер

«ВСЕДЕФАН — 2001»

1-го июля 2001 в Волгограде прошла очередная мини-конвенция «Вседефан» (Всемирный День Фантастики), называемый иначе «Днем 31-го июня».

В одиннадцатый раз любители фантастики Волгограда собрались на другом берегу Волги. Среди присутствующих были как известные уже авторы: Евгений Лукин с супругой, Сергей Синякин, Сергей Зайцев, так и малоизвестные пока: автор и переводчик Лариса Ворошилова, Ольга Кавеева, Юрий Астров-Зацарицынский, Сергей Карпов, заканчивающий сейчас роман «из будущего», действие которого имеет начало и частично происходит в Волгограде, Ирина Ясиновская, Алексей Маштаков, переводчик с английского Михаил Касьяник, художник — оформитель Андрей Фомин и многие другие.

Среди новых авторов в компании впервые присутствовал Сергей Стоян, недавно познакомившийся с нами. Также на этом празднике побывала любительница фантастики из Москвы Светлана Мелихова.

Праздник открыл приветственной речью председатель КЛФ «Зазеркалье» Сергей Карпов. Потом недостатка в речах и тостах уже не было. В самом начале, едва была выпита первая рюмка чая, случился забавный инцидент. Несколько местных парней попытались у нас выяснить, кто их обидел. Несмотря на увещевания подполковника милиции Синякина, говорившего им: «Оставьте нас, а то я разъярюсь», золотая молодежь не утихомиривалась, и пришлось нам всем взять их за руки и за ноги и замочить в волжской водице. А в общем, можно смело говорить, что праздник удался на славу.

Борис ЗАВГОРОДНИЙ

Как мы факс кормили

— Ой... ой, мама... Ма-ма, — услышала я из приемной голос Ани и сразу же поняла, что никакой работы сегодня не будет. Если день начинается с ойканья, значит, что-то непременно случится. Для того мы и существуем, чтобы у нас все время что-нибудь случалось.

— Что там? — поинтересовалась я, не вставая из-за стола. Мне было лень куда-то идти и что-то делать.

— Сама посмотри! — обиженно вякнула Аня и замолкла. Некоторое время в приемной было тихо. Слышалось только шуршание бумаги и звук работающего факса. Потом раздалось всхлипы и невнятные жалобы. Мне пришлось вылезать из удобного мягкого кресла и тащиться в приемную. И надо сказать, пришла я туда не зря.

Анечка — это лицо нашей фирмы, когда мы работаем, а не разбираемся с очередным непонятным случаем. Когда же нет съемок, Аня выполняет работу секретарши, а при запарках — художника. В общем, когда я пришла, «лицо конторы» сидело за своим секретарским столиком и горестно всхлипывало, скармливая факсу очередной рулон бумаги. На полу валялись еще рулона четыре, все размотанные и напоминавшие индустриальные облака у стройных ног фото модели. Я прикинула в уме их стоимость, и у меня глаза на лоб полезли.

— Ты что делаешь?! — завопила я, делая безуспешные попытки отобрать очередной рулон.

— Если я ему рулон не скормлю, он опять кусаться будет! — взвизгнула Анечка и продемонстрировала след укуса на правом запястье.

— Это что... это откуда? — я пришла в ужас от предпо-

лагаемых убытков из-за переноса съемок ролика. — У тебя же завтра съемка! Кто тебя укусил?!

— Вот, он! — Аня всхлинула, указывая на факс. — Я пришла сегодня, только за стол села, а он меня как цапнет за руку! Я с испугу включила его, так он не успокоился, пока весь рулон не сжевал! Потом еще потребовал... Ой, мама, что ж это такое, а? Зачем я сюда работать пришла-а-а...

Я присмотрелась к факсу повнимательней. И что вы думаете? Эта наглая рожа, довольно урча и облизываясь розовым языком полуметровой длины, блаженно пропускала через свои потроха очередной рулон дорожкой факсовой бумаги. Причем, на выходе бумага ничем не отличалась от той, что была на входе. Это оставляло надежду, что ее можно будет использовать в дальнейшем. Если, конечно, удастся смотать обратно.

Делать было нечего, и я вызвала наших системщиков. К моему немалому удивлению Серега с Валеркой не торчали, как обычно, у ближайшего пивного ларька, а сидели на работе. Странное поведение...

Осмотрев факс, Серега вынес вердикт, что это «неизвестное науке явление, требующее специализированного подхода». В переводе на русский это означало: «Фиг его знает, в чем дело, но попробуем разобраться».

Для начала Валерка отключил факс от розетки. Это не произвело должного эффекта: факс продолжал методично дожевывать пятый рулон, заставляя мое сердце обливаться кровью, ибо Анечка уже готовила следующий. Серега попытался скормить факсу один из размотанных, но аппарат больно тянул системщика за палец и принялся за шестой рулон.

– Ну, собственно говоря, – сообщил Валерка, – нам не прививать. Попробуем нетрадиционную кормежку.

От пива, чипсов, кукурузных палочек и колбасы факс отказался. А вот кофе вышел с удовольствием, громко причмокивая и довольно урча.

Пока мы производили эти эксперименты, вокруг собрались остальные работники нашей сумасшедшей конторы. Посыпались советы. Лариска с Ольгой были отряжены в магазин за покупками, а новопривбывший юрист Мишка совместно с системщиками решил попробовать разговаривать факс под чашечку кофе. Мы уселись вокруг аппарата, в который Аня старательно вливала кофе прямо из кофеварки, и стали задавать вопросы:

– Ты чего это вдруг жрать решил?

– Как дальше работать будешь?

– Говорить можешь? Или только утробу набивать способен?

– Что ты любишь?

Факс молчал, неторопливо наслаждаясь кофе стоимостью двадцать долларов за пачку. Более дешевый закончился еще полчаса назад. А когда и этот стал заканчиваться, вернулись Лариска с Ольгой.

Сосиски с кетчупом факс сожрал молниеносно. Растворимой китайской лапшой побрезговал, а консервированных шампиньонов даже не дал нам понюхать. Потом факс выкупал бутылочку лимонада, схрумкал горсть овсяных хлопьев и застыл с раскрытым ртом. Лариска быстро сообразила, в чем дело, и откупорила бутылку какого-то марочного вина. Выхлебав этот напиток богов, факс явно захмелел и стал требовать продолжения банкета.

– Закусывай, балбес! – потребовал Мишка и всунул в раскрытую пасть факса пирожное.

Основательно закусив соленьями из магазина, факс рыгнул и снова потребовал выпивки. Выкупав вторую и последнюю бутылку вина, он запьянел настолько, что стал урчать довольно часто раздающуюся в нашей конторе песенку «В детском саду мы встречали Новый Год...» Должно быть, факс оказался теленатом, потому что, хоть он ничего не говорил, все понимали, чего он хотел. Хотел же он, естественно, спиртного.

У художников, естественно, нашлась запечатанная бутылка водки. Факс выпил ее «винтом» и распоился вконец. Он отплясывал на столике что-то жуткое, потом пытался пристать к Анечке, но та с визгом спряталась от него за спиной Сереги. Факс бешено мигал светодиодами, упрашивая нас подойти поближе. Подойти решился Валерка. Он взял «мерзавчик», который откопался у Сашки-фотографа, и двинулся вперед.

– Сейчас волью ему последнюю дозу, и он отключится, – объявил Валерка, отважно подступая к свесившему язык до пола аппарату.

Факс-алкоголик жадно вылакал последнюю порцию спиртного, икнул и опять попытался запеть. Причем, я могу поклясться, что часть слов песни «Шаланды полные кефали» прозвучали довольно явственно. Потом наступила тишина. Мы напряженно ждали продолжения. Перепившая оргтехника проковыляла к краю столика и вывалила язык, намереваясь, видимо, заснуть в такой вот неприличной позе.

– А если он сейчас бабу потребует? – испугался Серега, поглядывая на присутствующих женщин.

– У нас второй факс есть, – огрызнулся Валерка, ожидая продолжения. – Хоть узнаем, как факсы размножаются...

Факс перегнулся через край и посмотрел вниз. Выглядел он как перепивший мужик, собравшийся произвести «непроизвольный отказ от пищи». Мы затаили дыхание, и тут нашей оргтехнике изменила координация движений. Факс как-то неуверенно качнулся, икнул, мотнул языком и

вдруг рухнул вниз. Обиженно пискнул, хрюкнул и замолк. На передней панели медленно гасли светодиоды.

– Допился, болезный, – Мишка наклонился и поднял факс на руки. Это был обычный аппарат, без всякого намека на рот, зубы или язык. – Я ж тебе говорил: закусывать надо!

Серега с Валеркой отобрали факс у Мишки и унесли чинить: он оказался основательно задит напитками и заляпан едой. Лариска, Ольга и Аня сели сматывать бумагу, а я пошла делать вид, что работаю. Да и время кормления монитора подошло. Его, если вовремя не покормишь, он сразу в монохром скатывается. Попробуй на таком поработать!

Только вы об этом ребятам не говорите, а то еще не так поймут...

Забавная зверушка

Вот многие спрашивают, откуда у нас в приемной эта зверушка непонятная взялась? А эта история как раз – из самых обычных. Даже рассказывать неинтересно. Да и началась она самым обыкновенным образом.

Как-то раз, целую неделю у нас в конторе все работало нормально, а это уже само по себе странно. Как правило, если все работает нормально, то в скором времени жди беды. Ну, почти так оно и вышло. Наши заскучавшие системщики – Валерка с Серегой – собрали машину времени. С ней вообще много веселого произошло, но об этом я потом как-нибудь расскажу.

В общем, собрали они эту машину, и позволили нас полюбоваться на сей агрегат. Не впечатлял он, прямо скажем – жуткое нагромождение каких-то плат, проводов... Но мы поверили ребятам на слово и решили тут же машину испытать. Для начала задумали «слетать» в прошлое, примерно во времена Иоанна Грозного, узнать – была на месте нашего городишки стрелецкая застава, или нет?

Добровольцами вызвались мы с Серегой. Валерка остался за оператора.

Нас обоих поставили на хромированную пластину под каким-то душлагом, опутанным проводами. Валерка пощелкал переключателями на панели, в которой я с запоздалой тоской признала недавно закупленный микшер, что-то загудело, и настоящее скрылось за мутной пленой.

В общем, путешествие проходило спокойно, без нервов и спецэффектов. Серая мусть – и ничего больше. Даже обидно как-то стало. Мы с Серегой терпеливо дождались окончания процесса и тут же нахлебались соленой воды.

– Откуда здесь море?! – испуганно завопила я, старательно отплевываясь.

– Похоже, ошиблись мы на пару миллионов лет, – признал Серега, точно так же отфыркиваясь. – А может, и больше...

– Мама дорогая! Это ж палеозой какой-то! Тут же хищники! Надо выплывать отсюда!

Идея, конечно, была хорошей, но суши в обозримых пределах не наблюдалось, а куртка, ботинки и джинсы к длительному заплыву не располагали. И тут что-то толкнуло меня в бок. Завопив от ужаса, я рванулась к Сереге, и вцепилась в него, едва не потопив нас обоих.

Из воды показалась довольная морда какой-то большой рыбины, смахивающей на дельфина.

– Здравствуйте, – сказала рыбина по-русски и улыбнулась. – Путешественники во времени? – осведомилась она схищным тоном.

Мы опять чуть не пошли ко дну от изумления. Но рыба вытолкала нас наверх и продолжила болтать:

– Вы знаете, к нам довольно часто попадают такие, как вы. Должно быть, в России люди плохо знают сетку временных координат и часто ошибаются. Однако нам это даже

на руку. Мы многому научились, – рыбина расплылась в счастливой улыбке. – Например, один из первых русских святых по имени «дядя Вася» обучил нас великому делу самогонварения, и теперь мы умеем производить эту чудодейственную жидкость с великолепными дезинфицирующими свойствами. Другой научил нас русскому языку. До этого мы знали только пять слов, которые употреблял при своих объяснениях дядя Вася, а вот теперь довольно свободно разговариваем...

– Простите, а что, кроме русских, к вам никто не залезал? – нашла я в себе силы спросить.

– Были, самые разные люди у нас были, – рыбина засмеялась. – Только они как-то плохо шли на контакт... – тут она помолчала. – Кстати, не желаете ли осмотреть выставку достижений нашего сельского хозяйства? Или посетить музей имени Гавриила Смоленского? А может, вам будет интересна конференция на тему «Зачем нам Ихтинет?» Хотя, наверное, вас больше заинтересует научный семинар, посвященный проблеме передачи информации во времени... Или выставка работ современного, очень известного на данный момент, художника Антона Смирноффа, нарисовавшего великую картину «Зеленый треугольник»...

– Вы знаете, нам было бы интересно выбраться из воды, – сообщил Серега, так же, как и я, не любивший плавать в обуви.

– Ох, простите, но это затруднительно – море очень уж большое, а вы, как я вижу, к нам ненадолго: вас скоро вернут обратно... – тут рыбина помолчала, о чем-то размышляя. – Кстати, вы не окажете мне небольшую услугу?

– Да, конечно! – хором завопили мы, боясь обидеть вежливую рыбу.

– Мой племянник очень хочет попасть в будущее. Вы не могли бы его с собой прихватить? Если ему не понравится, вернете его обратно, хорошо?

Мы закивали, и рыбина, втихивато извинившись, ушла под воду, плеснув поросшим шерстью хвостом. Вернулась она довольно быстро, с такой же рыбиной, только размером поменьше. Если первая была почти в метр длиной, то ее племянник оказался вполтину меньше. Морда у него была довольная и бандитская.

– Вот, – рыба-тетушка приподнялась на хвосте и протянула мне зажатую в плавниках, подозрительно похожих на руки, какую-то брошюрку. – Это исследование некоего Гаврюшина о том, чем нас надо кормить, как за нами ухаживать и что мы из себя представляем. Написано с расчетом на людей, и в воде не портится, – рыбина усмехнулась. – О, кажется, вас уже забирают. Хватайте племянничка, и – до свидания!

Я вцепилась в племянника, в меня вцепился Серега, и возвращение домой началось. Было оно не более эффектным, чем путешествие в прошлое, если не считать, что с нас лилась вода, лилась и терялась где-то в безднах времен.

А потом из серой мглы показались стены родного офиса и довольная физиономия Валерки.

– Испытания прошли удачно! – заорал он, даже не разглядев, что у нас в руках.

– Кстати, меня зовут Этанол, – сообщил «племянник», когда мы полностью материализовались в нашем времени. – И домой я, пожалуй, возвращаться не хочу...

Вот с тех самых пор и живет у нас в аквариуме эта симпатичная рыбина, похожая на дельфина, только поросшая шерстью и не такая огромная. Зовут его Этанол. Когда становится тепло, мы иногда выпускаем его погулять в Волгу или в какой-нибудь пойменный ерик. Кормим его ванильным мороженым, бисквитами и всяческими морепродуктами. Особенно он копченую мойву уважает. Пива, правда,

пьет не много и быстро от него хмелеет. Да мы ему особо и не наливаем.

Кстати, не мешало бы воду в аквариуме сменить, а то всякий раз, как выхожу из кабинета, Этанол мне кулаком из-за стекла грозит.

Дикие пельмени

Когда кто-то уходит в отпуск или кто-то из него выходит, обязательно что-нибудь случается. Это уже как закон. А тут совпало так, что из отпуска выходила Настя, а Валерка как раз отправлялся на отдых. В один день. Тут уж не только мы, но и все конторы в нашем здании насторожились. Нас вообще соседи как-то не очень любят, а тут явно что-то случиться должно было.

Настя пришла вовремя и спокойно уселась за работу. Валерка пожелал всем счастливо оставаться и смылся. Контора насторожилась в ожидании чего угодно, но все было тихо. К обеду это просекли соседи, и к нам прибежал Данила, дабы узнать, что происходит. С удивлением узнав, что все спокойно, он прокрутился в офисе, поболтал с Мишкой и вернулся к себе. Мы уже с облегчением решили, что на сей раз аномальщина минует нашу контору, но, как впоследствии оказалось, мы поторопились.

Обедать в столовую я не хожу принципиально. Как правило, готовлю себе что-нибудь в микроволновке, которая стоит прямо у меня в кабинете, замаскированная под хитрый монтажный компьютер. Сегодня мне пришла в голову идея поджарить пельмени, завалявшиеся в холодильнике, который тоже, кстати говоря, маскировался под крутейший биг тауэр. Достав всю пачку, я побросала пельмени в микроволновку, задала режим и села обратно работать. Через положенное время печка отключилась, и я пошла кушать.

Вывалив пельмени в глубокую тарелку, я обильно полила их сметаной, посыпала какими-то специями, взяла вилку, нацелившись на самый симпатичный пельмень, и попыталась поймать его на зубья.

Пельмень увернулся.

Я попробовала уколоть его вторично, но и на сей раз злобный продукт питания ускользнул от меня. Удивившись, я решила схватить его пальцами. Куда там! Пельмень выскочил из тарелки и забегал вокруг нее, громко топоча маленькими ножками и обиженно сопя. Я хотела прихлопнуть его ладонью, ибо он грозил мне извозить весь стол сметаной, но тут из тарелки полезли остальные пельмени и тоже принялись носиться по кабинету...

Вернувшиеся с обеда коллеги застали меня гонящейся по всему кабинету за пельменями. Я пыталась их прихлопнуть громадной подливкой с какой-то бухгалтерией.

– Дверь закройте! – заорала я на Настю с Аней, ставших на пороге. Один из пельменей попытался было выскочить вон, но наша фотомодель вовремя отшвырнула его назад стройной ножкой.

Дальше мы стали гоняться за продуктами питания вторым, а там и остальные подтянулись. Пельмени носились по дорожному ковровому покрытию, громко топая и сопя, как мамонты. Со стороны, наверное, это напоминало броуновское движение, сопровождаемое руганью и громким треском сталкивающихся лбов.

Разумеется, к концу рабочего дня мы их всех переловили. Для того, похоже, наша контора и создана, чтобы преодолевать подобные трудности.

Пельмени обиженно сидели в пластиковом пакете и пинали его изнутри. Их надушенный вид привел в восторг Сашку-фотографа, и он отщелкал аж две пленки, стараясь заснять выражение, если так можно сказать, «морды лица» каждого пельменя. Да вы и сами, наверное, их видели – на

наших новых постерах. Правда, очаровашки? Только ловить их было трудно...

А пельменей мы отпустили. Просто положили пакет в парке на траве, и оставили. Оглянувшись, я еще успела заметить разбегающиеся вприпрыжку продукты моего несостоявшегося питания. Больше мы их не видели. Да и хорошо, что они обратно дорогу к нам в офис не нашли, а то — выводы их потом... Мы с тараканами уже устали бороться, а тут еще и пельмени на ножках... Трудно было бы объяснить санитарной станции, ЧТО это такое. Да и как бы там среагировали на звонок с просьбой потравить расплодившихся диких пельменей?

Истеричный коньяк

К этой истории я имею довольно косвенное отношение и присутствовала только при самой завязке событий, но продолжение мне рассказали достаточно подробно. Началось все с того, что мы мыли коньяком руки. В том смысле, что я, Лариска и Мишка сидели в «Баварии» и пили пиво. С рыбой. Потом пиво и рыба сменились коньяком, но запах на руках остался. Я не выношу рыбного запаха, и потому мне захотелось как-то от него избавиться. Единственное, что смог предложить Михаил, это плеснуть мне на руки коньяку. Что и было сделано. До сих пор помню огромные страдальческие глаза официантки, немедленно нашедшей мыло и предложившей мне помыть руки нормальным способом.

В общем, это и есть завязка, предопределившая дальнейший ход событий.

После того, как коньяк был благополучно уничтожен, я спокойно отправилась домой, а Лариска с Мишкой решили заглянуть в офис и что-то оттуда забрать. Тогда дежурили Сашка с Андреем — нормальные, уже давно привыкшие ко всему происходящему в нашей конторе охранники. Они-то мне обо всем остальном и рассказали.

Лариска с Михаилом заявили где-то ближе к часу ночи. Как правило, никого в такое время в наш офис не пустят, будь ты хоть сам Один верхом на Слейннире. Однако нашу парочку им пришлось впустить, иначе те своими ключами выломали бы замок.

— Только бегом! — рявкнул Сашка, открывая им дверь. — Не хватало еще, чтобы нас из-за вас уволили!

— Не бойсь, — заверил охранников Мишка и проследовал вместе с Лариской в свой кабинет.

Сперва ночные посетители мирно копались где-то в глубине офиса. Потом со стороны Мишкиного кабинета вдруг раздался дикий Ларискин визг, сопровождаемый матом юриста и грохотом рухнувшего на пол монитора. Сашка с Андреем кинулись на звук и, вломившись в кабинет, застали там следующую картину.

В помещении ошутимо пахло коньяком, а над столом, прямо в воздухе плавало что-то такое непонятное, коричневого цвета. Оно тихонько скулило и всхлипывало.

— Допились?! — непонятно кого имея в виду, заорал Сашка, пятась к двери, которая немедленно захлопнулась и закрылась. Ключ, естественно, остался с той стороны.

— Если бы-ы... — печально протянуло что-то коричневое над столом, и запах коньяка усилился. — Вот, как раз не допили...

Тут оно всхлинуло и разрыдалось.

— Чего-чего? — Мишка первым пришел в себя, и до него стало понемногу доходить, ЧТО именно болталось над столом. — Вас как звать, любезный?

— Белый Аист я, — сквозь всхлипы проговорило коричневое нечто. — Вы м-меня... меня, бедняжечку-у-у, не допили-и-и! Я теперь, вместо перерождения, вам по почам явля-а-аться буду-у-у!

— Еще чего не хватало, — Лариска почесала затылок и попыталась сообразить, как выкрутиться из сложившейся ситуации. — А как от вас, драгоценный вы наш, избавиться?

— Выпить, как же еще?! — взвизгнул призрак коньяка. — Выпить! Да только нет меня, чтобы выпить! Сами теперь думайте!

И он по новой принялся рыдать, затопляя кабинет волнами коньячного запаха. Вскоре пришлось открыть форточку, иначе дышать было бы совершенно нечем.

Охранники, Мишка и Лариска расселись, кто куда, и принялись соображать. Продвигалось это дело довольно туго, потому что очень уж сильно мешали всхлипы призрака «Белого Аиста».

— Ну, вот зачем именно мной надо было мыть руки, а? — жаловался тот в пространство, совершенно не обращая внимания, что его не слушают. — Я же был такой вкусный, даже не бодяжный! А вы мной — руки!.. А-а-а! Ну почему меня все всегда обижают?!

Примерно через полчаса всем четверым, запертым в кабинете, захотелось сделать одну и ту же вещь — придумать призрак. Только схватить его вряд ли у кого-нибудь получилось бы — пустое место, что с него взять? Только вот рыдает больно громко, хоть и пустое.

— Слушай, — вдруг осенило Мишку, — а ты в другом «Белом Цапле» разтвориться сможешь? Мы б тебя вместе с ним и выпили...

— Хм... — призрак ненадолго задумался. — Наверное, смогу... — неуверенно сообщил он. — Только смотрите, чтоб это был «Белый Ца...» Тыфу ты, «Белый Аист»!

Мишка кивнул и направился к сейфу, где у него хранились документы, открыл его, спихнул в сторону какие-то бланки и добыл початую бутылку коньяка. На их счастье, это был именно «Белый Аист»! Призрак радостно взвизгнул и, пока Мишка разливал коньяк по стопкам, маячил у него за плечом.

Когда четыре стопки были налиты, призрак вздохнул, помахал всем лапкой и...

Исчез.

— Ну что, пить будем? — поинтересовался Михаил.

— А куда деваться? — Лариска первой подняла свою стопку. — Иначе этот гад опять являться будет, рыдать и мешать.

— Тогда — вздрогнули...

— Нас уволят!!! — хором завопили Сашка с Андреем, но Мишка их заверил, что возьмет всю ответственность на себя, и никому ничего не будет. В общем, выпили они эти стопки. Потом и остальное допили, потому что до утра сидеть пришлось, а кабинет снаружи заперт был. Там мы их утром и застали всех троих, рядом с битым монитором и пустой бутылкой из-под «Белого Цапля». И с тех пор коньяком руки больше не моем, ну его: вдруг опять какой-нибудь истеричный попадетсЯ? Допивай его потом...

День рождения — странный праздник...

День рождения нашей конторы, это, понятно, первое апреля. Когда же еще мы такие могли образоваться? И отмечаем мы его соответственно — с размахом, а шутки и все остальное, положенное в такой день, происходит как-то само собой. Однажды мы отмечали свой день рождения прямо в офисе. У нас, вообще-то, нет такой привычки, потому как мало ли, что произойдет, а потом опять соседи на законченные потолки и выбитые двери ругаться будут. Но в этот раз уж так получилось. Соседи выставили усиленную охрану, а сами смылись пораньше, чтобы не нарваться на какого-нибудь динозавра, зашедшего нас поздравить.

Праздновать мы начали с обеда, когда Михей принес первую бутылку коньяка. Распив ее всем офисом, мы при-

нялись готовить столы. Пока наши системщики делали вид, что работают, мы, то есть женская часть конторы, готовили, все расставляли и пинали мужчин, чтобы они, чем под ногами путаться, лучше бы пива Этанолу налили в аквариум. Ну, кто-то и налил... вместо воды. Этанол почему-то был рад.

Где-то к шести вечера, когда соседи испуганно разбежались по домам, мы включили музыку, расселись за столы и взялись отмечать уже серьезно. Трезвые охранники Юрка с Николаем сидели на своем рабочем месте мрачные, пили колу и пялились в мониторы, наблюдая за улицей и коридором. Мы время от времени по очереди их навещали, чтобы ребятам было не так скучно. И вот когда их посетил наш системщик Серега, случилось первое происшествие.

Понятно, что день рождения нашей конторы не может пройти спокойно, без эксцессов и аномальных явлений. Это было бы даже подозрительно, ненормально, можно сказать. И естественно, происшествия начались.

Серега примчался в компьютерный зал, и, указывая куда-то в сторону двери, заорал, перекрывая шум и музыку:

– Там!!! – крикнул он. – Пришло что-то!

– Динозавр? – восхитилась Анечка, лицо нашей фирмы.

– С зубами? – обрадовалась художница Олечка.

– С бутылкой? – мрачно поинтересовалась я, вставая из-за стола. – Ну, пошли посмотреть...

И мы пошли. Впереди шагала я, за мной – Серега, а следом тащились все остальные. Самое удивительно, что несмотря на все происходящее в нашей конторе, у работников еще не атрофировалось такое чувство, как любопытство.

Николай и Юрка торчали около мониторов и о чем-то спорили, указывая на изображение пальцами. Я взглянула туда же из-за их спин и обомлела. Там маячило что-то маленькое, неказистое, с антенками на громадной голове. В руках – букет цветов и бутылка шампанского. Такого я еще не видела.

– Открывай, – разрешила я Юрке, и тот, опасливо поглядывая на меня через плечо, поплелся к двери. Открыл, отскочил в сторону и круглыми глазами уставился на гостя. Тот вежливо поклонился, поправил ранее не замеченный мной галстук и вошел в офис. Оглянувшись, расплылся в широкой улыбке и, протягивая Анечке букет, возвестил тоненьким и противным голоском:

– От благодарных жителей Альтаира! – и опять поклонился. Потом, всучив Михею бутылку шампанского, пошел к Анечке обниматься. Фото модель была в ступоре и сопротивления не оказала. А мы просто квадратными глазами следили за происходящим.

– А... А мы что-то делали для альтаирцев? – выдавила я из себя через некоторое время.

– Ну, конечно же! Великолещный оригинал-макет для рекламного щита нашей орбитальной станции-санатория! – гость расшаркался и опять расплылся в еще более широкой улыбке. – Кстати, меня зовут Аэроафигшрыцхлебагордавательносенкс. Можно просто – Аэро.

– Что ж, проходите, присоединяйтесь... – пролепетала я, кивая в сторону компьютерного зала. Аэроафигшрыцхлебагордавательносенкс благодарно кивнул, взял Анечку под ручку и степенно прошествовал в зал. Следом за ним ушли и остальные. Я села на стул и мрачно поглядела на монитор. Я уже догадывалась, что этот гость был первым, но далеко, очень далеко – не последним.

И точно! Не прошло и пяти минут, как в коридоре появилась новая личность. Это существо больше всего напоминало некую помесь гепарда с бегемотом. Пятнистое, пузатое, оно тяжело топало, ибо в придачу к собственному,

весьма немалому весу тащило ящик финской водки, цветы, трехлитровую банку красной икры и еще кой-какие продукты. Остановившись перед дверью, существо длинным рылом нажало кнопку вызова и, тяжело вздохнув, принялось терпеливо ждать. Юрка, получив от меня разрешающий кивок, пошел открывать. Существо втиснулось в офис и оглянулось.

– От благодарных жителей Мурзандии! – сообщил гость, протягивая мне хоботом букет цветов. – Ваш скринсэйвер уже много лет не сходит с экранов наших компьютеров и считается самым популярным! Кстати, меня зовут Кухледрахеи!

Я улыбнулась, кивнула и предложила проходить в зал.

Не успел Кухледрахеи скрыться за поворотом, как в дверь опять позвонили. Юрка открыл. Вошел нагруженный разнообразными яствами и напитками (а так же, разумеется, цветами) гном в мифрильной кольчуге. Правда, без топора.

– От благодарных жителей Гремландии! – сообщил он. – За прекрасный дизайн тронного зала!

В зале гном был встречен воплями радости. А гости все прибывали и прибывали. Явились кобольд, корред, еще какая-то неизвестная мне нечисть на другие буквы алфавита. Заглянул на огонек какой-то эльф, но надолго не задержался. Потом прибыла делегация с Тау Кита. Явились все домовые из здания нашей конторы, причем не одни, а с женами и детьми. Приехала даже тетушка Этанолы, забившая нам холодильник доисторическими рыбными консервами. Потом приходил еще кто-то, но я их уже не видела, поскольку к тому времени меня завалили цветами с головой, и из приемной я ушла. Юрка и Николай остались принимать гостей. Им уже не было скучно.

А празднование дня рождения шло полным ходом. Каждый гость норовил сожрать побольше, причем не того, что сам принес. Тау-киты оказались действительно скотами и выпили всю водку, принесенную Кухледрахеи. Гном лез целоваться то к Анечке, то к Ольге, и возле девушек пришлось выставить охрану в виде Сереги с Валеркой. Кобольд пристал было к Ларке, но схлопотал в ухо от Михея и переключился на Сашку-фотографа, увлеченного на тот момент какой-то дамой неизвестной расы.

Вессело, в общем, было. Пока не пришла уборщица.

Тетя Галя – широчайшей души человек, привыкшая ко всему, спокойно реагирующая на любое явление в нашей конторе и ни капли не пугающаяся, если с утра на ковре ей попадались пятна слюны или же рассыпанные явно не человеческие зубы. Но на сей раз ее терпение дошло.

– Ну что ж это такое! – причитала тетя Галя, сбрасывая со стола пьяного тау-кита и закатывая его под кресло. – Когда же это кончится?! А? Я вам что, занималась всякие аномальные явления убирать?!

Это был намек, и мы его поняли – пора расходится по домам. Да и соседи вот-вот должны были прийти. Это грозило крупными неприятностями, если бы они засекали такую разношерстную компанию у нас в офисе. Пришлось развозить всех по домам. Ну, с тетушкой Этанолы было просто – запилили пьяную рыбину в машину времени и отправили в родной океан. А как быть с остальными?

В итоге мы заказали автобус. Водитель, правда, сбежал, увидев, КОГО ему придется везти, и пришлось сажать за руль Николая.

– И куда едем? – мрачно поинтересовался он, поглядывая на пьяных тау-кита и альтаирца, спящих в обнимку. – Предупреждаю сразу: НА АЛЬТАИР Я НЕ ПОЕДУ!

Я задумалась. Вроде бы и по домам народ развезти надо, да дома эти уж больно далеко...

И тут меня осенило.

– Давай на ближайшую платную автостоянку, – командовала я, и охранник, кивнув, завел автобус.

Как я и предполагала, ближайшая стоянка была пуста. В том смысле, что *нормальных* машин там не оказалось ни одной, зато была целая выставка нетрадиционных видов транспорта. Там виднелись и летающие тарелки, и блюдца, и чашки, и еще какая-то посуда. Обнаружились там также какая-то понурая лошаденка, карета без упряжки, велосипед с реактивным двигателем и еще кое-что по мелочам. Сторож, перепуганный и бледный, сидел у ворот, сжимая в дрожащих руках карабин «Рысь», и судорожно курил. Рядом трясся здоровенный лохматый пес с совершенно безумными глазами.

Растолкав пьяных гостей, я стала выяснять, кому – куда. Сторожа это окончательно добило, и он вместе с псом и ружьем скрылся в неизвестном направлении.

Примерно через час при активной помощи Николая мне удалось распахнуть гостей по транспортным средствам и помахать им на прощание рукой. Тарелки, блюдца и прочая летающая техника стартовала как-то неуверенно, вихляясь и ныряя в воздушные ямы, пока пилоты не догадывались включить автоматику. Гном на своем реактивном мопеле врзался в стену котельной рядом со стоянкой и снес ее на фиг. Гномий лоб – это вам не таран, а кое-что покруче! Остальные разъехались без травм и разрушений, пообещав в следующем году обязательно заглянуть на наш день рождения.

– Все, больше никаких праздников в офисе, – мрачно сообщила я Николаю, когда мы усаживались обратно в автобус.

– Я в следующем году в апреле в отпуск уйду, – злобно пообещал охранник. – И вообще, зачем я пошел сюда работать...

– Где б ты еще принимал гостей с Альтаира? – я устало откинулась на сиденье и тут же с воплем вскочила на ноги. Из-под сидения выполз нетрезвый пушистый гремли. Он посмотрел на меня мутным взглядом, покрутил пальцем у виска и, растянувшись на полу, захрапел.

– Это наш? – не узнавая гремлина, поинтересовалась я у Николая.

– Наш, наш. Дуриком его зовут, – охранник оглянулся на спящего гремлина и усмехнулся. – Как он сюда-то попал?

– Да какая разница?

Я сняла свитер, взяла пушистое существо на руки и укутала его, чтоб не замерз, пока несем в контору. Хоть и гремли, а все ж родной...

Сашка в лампе

– Сашку похитили!

Я кивнула и продолжила возиться с макетом. Потом до меня стало доходить, что Лариска сказала что-то не то. Процесс понимания продолжался долго и нудно, но в итоге закончился, и мой измученный работой мозг выдал сообщение о неприятностях.

– Чего-чего? – переспросила я, оставляя мышь в покое. Мышь пискнула и забила под монитор, откуда начала строить рожи.

– Сашку похитили, – повторила Лариска, усаживаясь в кресло для посетителей. – Только что звонили и сообщили, что его похитили.

– И чего требуют? – спокойно поинтересовалась я, хотя мысленно уже впала в панику – у Сашки была ответственная съемка сегодня, а он вон чего удумал... Похищаться без письменного разрешения с моей подписью ему никто не позволял!

– Немного, – Лариска устало вздохнула. – Демку хотя-то красивую.

– Чего-о?! Мы этим уже полгода, как не занимаемся!

Это была чистейшая правда. С тех пор как сбежал наш программист, мы демки не пишем, хотя раньше делали очень неплохие вещи.

– Да нам с самой простой демкой не меньше года возиться! – завопила я, хватаясь за голову. – Даже если Валерку программить засадим!

– А я что могу сделать? – возмутилась Лариска. – Я тебе передала, что мне сказали!

– Так... Будем думать.

Я откинулась в кресле, но в голове крутилась только мысль о сегодняшней съемке. Клиенту звонить я не хотела, все еще надеясь на лучшее.

– А может, обменять Сашку на кого-нибудь? – предложила я. – Вот на тебя, например.

– Щаззз! – Лариска покрутила пальцем у виска. – Рисовать для «Гремлин Инкорпорейтед» ты будешь?

– Я рисовать не умею... – огрызнулась я. – Кто хоть похитил-то Сашку?

– Сказали, что какие-то «Али-Баба и Сорок К^о», – Лариска спокойно пожала плечами, словно бы и не срывалась съемка.

– А где его держат, не сказали? – я почувствовала некоторый холод в нижних конечностях и решила, что это – от ожидания ответа.

– Сказали, что в лампе...

– Что?! – завопила я в ужасе. – Этого еще не хватало! В которой?

– А в той, что в студии, справа от экрана.

Я сорвалась с места и помчалась в фотостудию. Системщики, охранники, художники, Анечка, Михей, заметив мое быстрое перемещение по офису, помчались следом. Все знали, что если кто-то бежит, то жди аномальщины.

Я примчалась в студию и кинулась к здоровенной лампе справа от экрана, задрапированной синей тканью. Огромная лампа больше чем наполовину была матовой, но сквозь прозрачное окошечко я и в самом деле разглядела Сашку, сидевшего на вольфрамовой спирали и уменьшенного до безобразия. Скрестивши ноги, он расположился прямо под окошечком, почесывал бородку и поглядывал по сторонам. А посмотреть там было, на что – вокруг Сашки крутился целый гарем довольно слабо одетых девушек восточной наружности. Две держали подносы со всяческой снедью, одна подливала в стоящий на той же спирали кубок какую-то жидкость, еще одна массивовала нашему фотографу плечи, а остальные как бы танцевали. Сашка профессиональным взглядом рассматривал их и одобрительно хмыкал.

– Чего там? – поинтересовался Валерка и отпихнул меня в сторону. – Интересно, а чем они там все дышат? – задал он вполне риторический вопрос, вдоволь насмотревшись на полураздетых красоток.

– Если эти али-бабы туда воздух накачали, то амбец лампе, – сообщил Серега.

– Вот гады, – я задумчиво оглянулась на коллег. Мне уже было ясно, что пока все не насмотрятся на Сашку в лампе, ждать от них дельных советов не стоит. Потому пришлось терпеть. Мужчины в большинстве своем просто разглядывали девиц, а вот девушки реагировали по-разному. Оля долго охала и ахала, жалея фотографа, Лариска просто одобрительно хмыкнула, а вот Анечка... Лицо нашей фирмы восторженно заверещало и потребовало Сашку там и оставить. На вопрос, чем он ей так помешал, она предложила любому из нас подменить ее на предстоящей съемке и узнать самому. Никто не возжелал этого сделать, и вопрос оказался исчерпан.

– Насмотрелись? – рыкнула я на ребят, когда они уже пошли по второму кругу заглядывать в лампу. – Съемка через три часа, а Сашка в лампе. Если мы его не вытащим оттуда, можете считать, что аванса за этот месяц не будет.

Народ примолк и задумался. Работать в нашей конторе, разумеется, интересно и забавно, но и без денег тоже никто долго не протянет. Питаться любопытством и удивлением еще ни один человек не научился.

Минут через десять напряженного нахмуривания бровей и лбов посыпались идеи. Основным предложением было – разбить лампу на фиг. Я с этим не согласилась сразу – мало ли что.

– А вы ее потереть не пробовали? – вдруг подал голос наш охранник, тоже, кстати, Сашка.

Мы все воззрились на него так, словно он открыл новый способ получения золота из свинца. Четыре таких способа мы знали, но и пятый не помешал бы.

– Я вчера сказку сыну читал... про Аладдина, – смущенно пояснил Сашка, дабы его не заподозрили в чем-то крамольном.

Михей сосредоточенно кивнул, покосился почему-то на Лариску и потер лампу.

Немедленно, прямо посреди студии в дыму и искрах появился Сашка-фотограф. Мы тут же хором заорали:

– Ты где был?!

Пахло от Сашки пивом...

– В лампе, – сообщил фотограф, раскланявшись. – Сам не знаю, как там очутился, но там, скажу вам, очень неплохо.

Я заглянула в лампу и увидела насупленные мордочки полуодетых девушек. Они обиженно смотрели на меня, а одна даже погрозила кулачком.

– А сам-то ты выйти оттуда можешь? – с подозрением спросила Анечка.

– Могу, если очень захочется, – Сашка задумчиво смотрел на лампу. – Где-то у меня запасная была...

– Саш, у тебя съемка сегодня, – напомнила я.

– Да-да, разумеется, – Сашка отмахнулся от моих слов и зарылся в кладовую.

Я вздохнула и потащила обратно в свой кабинет. Следом за мной разбрелись и остальные.

Усевшись за стол, я ухватила мышь за хвост, вытащила ее из-под монитора и аккуратно уложила на рэтдром. Мышь показала мне язык и исподтишка пнула зазевавшийся органайзер. Органайзер не остался в долгу и укусил ее. Завязалась драка.

Я грустно смотрела на все это и думала, что неплохо было бы нам всем завести такие же, как у Сашки, лампы отдыха...

Однако работа есть работа. Отпихнув в сторону спящего на столе гремлины, я разняла мышь и органайзер, разбидла успевший задремать монитор и занялась макетом, который от скуки уже сам себя начал дорисовывать...

Змей Горыныч повесился!

Сначала я услышала тихий перепуганный писк Анечки из приемной. Мало что может напугать работников нашей ненормальной конторы, но если уж такое случается...

Я некоторое время прислушивалась к происходящему за дверью, но ничего нового оттуда не донеслось. Тогда я встала, осторожно выглянула в приемную, и сама чуть в обморок не грохнулась. Я, конечно, человек крепкий, но вынести такое...

Перед Анечкиным столом стоял трехголовый Змей Горыныч и тяжело вздыхал. Он был именно такой, как в сказках – чешуйчатый, зеленый и клыкастый, но на этом сходство с моим любимым персонажем русских былин и

заканчивалось. Дальше начинались расхождения. Росточка Змей оказался небольшого – где-то мне по плечо. Кроме того, у Горыныча оказались огромные влажные, черные и жутко печальные глаза. Все три головы понуро свисали на грудь, на которой красовался галстук синего цвета в зеленый горошек, и с золотой булавкой. Весь вид Змея наводил на мысль о тоске вселенской и непобедимой.

Анечка, взобравшись на стул с ногами, тихо хныкала и причитала, что зря она пошла сюда работать. Это было обычное нытье, и я не особенно обращала на него внимание. Распахнув дверь, я вышла в приемную, и на меня воззрились три пары печальных глаз. Под одним из них красовался сочный фиолетовый фингал. Горыныч утер лапой нос на средней голове и, шаркнув ножкой, раскланялся. Только сейчас я заметила сверток у него под мышкой и три шляпы, аккуратно сложенные на стуле для посетителей.

– Гхм... Чем можем быть вам полезны? – как можно вежливее поинтересовалась я, пожимая протянутую лапу с черными когтями, тщательно подстриженными и обработанными.

– Говорят, что вы все можете... – Горыныч всхлипнул. – У вас в рекламке так написано.

И Змей, как бы оправдываясь, протянул мне наш буклет, в котором мы, действительно, заявляли, что «можем все». Только ведь мы имели в виду дизайн, электронику, и прочее, к этому прилагающееся, а не действительно ВСЕ! Об этом я как можно спокойнее и сообщила Горынычу. Змей опять всхлипнул, и из его глаз потекли крупные мутноватые слезы.

– А что вам надо-то? – вдруг спросила Анечка. Вот уж чего я от нее не ожидала, так это сочувствия к клиентам.

– Богатырь мне ну-у-ужен! – плаксиво протянул Горыныч и снова утер нос. Точнее, он утирал все три своих носа, по очереди.

– Так... Анюта, бегом, собери всех. Даже Сашку-фотографа из его лампы вытащи, – распорядилась я и поволокла Горыныча в компьютерный зал, где у нас всегда проходили всеобщие собрания. Анечка выскочила из приемной следом за мной и побежала всех оповещать.

Минут через пять все собрались. Даже Сашка-фотограф пришел, хотя в последнее время его не так-то просто было вытащить из лампы. Тем не менее, он даже приволок с собой фотоаппарат, чтобы запечатлеть на память нашего нового гостя.

– Ну, а теперь излагайте, что там у вас случилось, – предложила я, – а там, может, и придумаем, как вам помочь.

Горыныч опустил очи долу, всхлипнул и забубнил, страшно окая:

– Грустно мне. Богатырей не осталось. Никто не охотится, «поганым» не обзывает. А тут недавно приехали какие-то мужички и в зоопарк забрать хотели, как непонятную мутацию ящерицы. А мне ж так жить нельзя, мне богатыри нужны! У меня даже Кладенец для них есть! – и он указал на сверток под мышкой.

Мы все одним слитным движением почесали затылки. И где ж ему богатыря-то в наше время взять? Эта задачка не из простых. И после краткого совещания мы решили дать объявление в Интернете. Глядишь, может, и откликнется кто.

Горыныч согласился подождать и пока пожить в нашем офисе. Нам он не мешал, но на второй день проживания расплакался от жалости к себе, и так затопил слезами компьютерный зал, что из-за сырости замкнуло сервер. Это было бы неудобством, зато системщикам нашлась работа. Хоть появился повод их от пивного ларька оттащить...

Тетя Галя, наша уборщица, жалеючи страдальца, таска-

ла ему из дома плюшки, пирожки и прочие вкусности. Горыныч бормотал что-то благодарное и уплетал угощение за обе щеки (точнее — за все шесть), не оставляя нам даже крошечки. Это уже было свинством, потому что печености тети Гали всегда были нашим любимым лакомством.

В общем, так прошла неделя. А поскольку выходные у нас не предусмотрены графиком, Горыныч не оставался один ни на минуту. Даже ночью кто-нибудь всегда в офисе присутствует, хотя бы охранники. Такая уж у нас контора.

А на восьмой день пребывания у нас Змея ко мне примчался взмыленный и встрепанный Серега с воплем:

— Змей Горыныч повесился!!!

Я сорвалась с места и кинулась в компьютерный зал.

Змей действительно повесился на запасных шлейфах. Он изготовил для каждой головы индивидуальную петельку, прицепил ее к проводам на потолке и теперь висел, мирно раскачиваясь на ветерке от кондиционера и утирая лапой носы. Каждая его морда имела обиженное выражение, но каждая — разное. Это было бы забавно, если бы не испорченные шлейфы.

Я уже начала было гневную речь, но тут провода на потолке не выдержали, и Горыныч рухнул вниз. Свет в офисе погас.

— И как это понимать? — поинтересовалась я, побледнев. (Некоторое «освещение» моего лицевого кожного покрова было вызвано отнюдь не поступком бессмертного Змеюки, а тем, что я не сохранила картинку, над которой работала последние три часа).

— Дык сколько ждать можно?! — взвыл Горыныч, снимая с шей удавки.

Я покачала головой и вернулась в кабинет.

На следующий день Горыныч повесился на шнуре питания сервера. Причем ограничился одной петлей, но засунул в нее все три головы, которые вдруг принялись громко ругаться из-за того, что кому-то кто-то что-то прищемил.

Потом Змей вешался на галстук Сашки-фотографа, на ремешке моей сумки, на поясе от платья Анечки, и даже — на портновском сантиметре, забытом Лариской. Короче, Горыныч развлекался, как мог, оборвав у нас все провода на

потолке. Когда же он стал задумчиво поглядывать на карниз под окном, пришел спаситель.

Дежурили тогда Сашка с Андреем. И именно Андрюха примчался ко мне с дикими глазами и сообщением, что «там ЧТО-ТО пришло!» Я к подобным сообщениям уже несколько привыкла и спокойно потащила выяснять, кто же к нам пожаловал.

Взглянув на монитор, я удивилась. За порогом стоял громадный детинушка в кольчуге, ерихонке, с палицей и мечом. За его спиной топтался богатырский коняга.

— Неужто богатырь? — ахнула я. — Впусти-ка его, — потребовала я от Андрея, и тот безропотно отворил дверь.

Гость, оставив коня в коридоре, вошел в офис и степенно поклонился.

— Вам ли богатырь былинный нужен был? — негромко спросил он и смущенно кашлянул. Лучше бы он этого не делал — от его тихого баса затряслись стекла, а от кашля дверь едва не вылетела наружу.

— Нам, нам, — я схватила богатыря за рукав кольчуги и поволокла в компьютерный зал. — Горыныч! — заорала я с порога. — Горыныч, радуйся! К тебе пришли!

— Горынушка! — так же радостно завопил богатырь, заметив Змея, и стекла в конторе таки вылетели вон. — Ах ты, вражина! Погань этакая!!!

И старые друзья... пардон, — враги обнялись. Горыныч прямо-таки расцвел. Из его носов вместо соплей показались колечки дыма, да и росточка в нем как-то сразу прибавилось. В общем, рады были оба, а уж наш восторг и вовсе описать нельзя ничем. На рев богатыря сбежалась вся наша контора, и теперь мы со слезами радости выпроваживали обоих врагов из офиса. Мы бы их еще и пинками поторопили, но уж так вышло, что и Горыныч, и богатырь как-то посильнее нас выглядели...

Вот таким образом мы от Горыныча избавились. А подарок он нам все-таки оставил — Кладенец. Забыл на радостях. Он теперь у меня над столом висит. Всем я про этот меч правду рассказываю, да никто не верит.

Даже если фотографии показываю.

05.05–11.08 2000.

Почта

Удивительная рецензия.

Удивительную рецензию некоего Игоря Легкова прочел я в № 3 Вашего журнала за 2000 год. Речь в ней идет о сборнике АСТ «Фантастика-2000». Не касаясь всего его содержания, цитирую лишь строки из рецензии, касающиеся лично меня: «... Абсолютно беспомощны тексты <...>, Юлия Буркина «Бабочка и василиск»...» (Сознательно привожу из этой цитаты лишь собственное имя и название собственного произведения, дабы лишний раз не бередить раны остальных авторов, упомянутых в данном предложении Игорем Легковым). Отнюдь не литературоведческим, а «легковато-хамским», ничем более не подкрепленным огульным заявлением о «беспомощности» моего текста Игорь Легков дал мне право также не заниматься анализом (точнее, самоанализом) своего произведения, а лишь привести пару иных мнений.

1. Несколько строк из письма Бориса Натановича Стругацкого, присланного мне еще в 90-м в ответ на бандероль с «Бабочкой»: «... Ваша повесть мне понравилась. С Вашего разрешения, я оставляю ее у себя и постараюсь ее пристроить. Возможности наши (ленинградские) пока ограничены, но тем не менее... Напишите, каковы Ваши планы по поводу этой вещи, а так же — могу ли я себе позволить

кое-какое редактирование...» Помнится, письмо это просто окрылило меня.

2. Несколько строк из предисловия Сергея Лукьяненко к моей книге «Цветы на нашем пепле» (АСТ, Москва, 2000): «... В какой-то скучный и однообразный вечер, из тех, что умеют подкрасться совершенно незаметно и беспричинно, я взял в руки белорусский журнал фантастики «Мега» с повестью Юлиа Буркина «Бабочка и василиск». Скажу честно — я не ждал особых потрясений. Но уже на второй странице скука этого вечера куда-то бесследно улетучилась, а отобрать у меня журнал удалось бы лишь путем кровопролития. Мне до сих пор кажется, что «Бабочка и василиск» — одно из лучших произведений нашей фантастики в девяностые годы...»

Вот и все. Стругацкому повесть понравилась, Лукьяненко считает ее одной из лучших... Только Легков с поразительной легкостью называет ее беспомощной. Так может он дебил? По всей видимости это так. Тем лучше для него: я не буду вызывать его к барьеру, даже просто дать пощечину побрезгую. Однако хочу предостеречь редакцию журнала: гоните прочь от себя этого критика. Если мне, автору сформировавшемуся и знающему себе цену, он крови попортить уже не может, то, уверен, у многих других толковых писателей от его дебильских оценок могут опуститься руки. И это будет на Вашей совести.

С уважением, Юлий Буркин.

РосКон 2001

как зеркало русской фантастики

Лед тронулся

Кон в феврале – виданное ли дело? Не виданное. Естественно, по этому поводу сразу же вопрос: ехать или не ехать? И ответ: несомненно, ехать!

А почему?

Неизвестность – всегда пугающая штука. Колесился я долго и билеты на поезд приобрел в самый последний момент. Ехал и сомневался. И в то же время понимал: пройдет несколько лет, и седые историки будут копаться в архивах, выискивая, с чего начинался век XXI. Все перелопатят, но по нашему фэндому споров не будет, это точно, ибо новое тысячелетие открыл «РосКон». Пропустить такое событие меня могли заставить лишь обстоятельства чрезвычайные. Таковых не было.

Москва. Как много в этом слове...

Как выяснилось, не так уж и много. Что такое «мос» – до сих пор не имею понятия. Но вот «ква»

пришлось очень даже ко двору: квакать хотелось вполне натурально, ибо мокредь была страшная. Не люблю большие города. А уж Москва весной и вовсе представляет собой один огромный бродильный чан, в котором что-то вызревает, вызревает, и никак не вызреет. Вот он, февраль, квасное сусло будущей весны! Удастся – пиво будет, не удастся – квас... Кстати, на всех ларьках с квасом, попавшихся мне в Москве, была отбита последняя буква. К чему бы это?

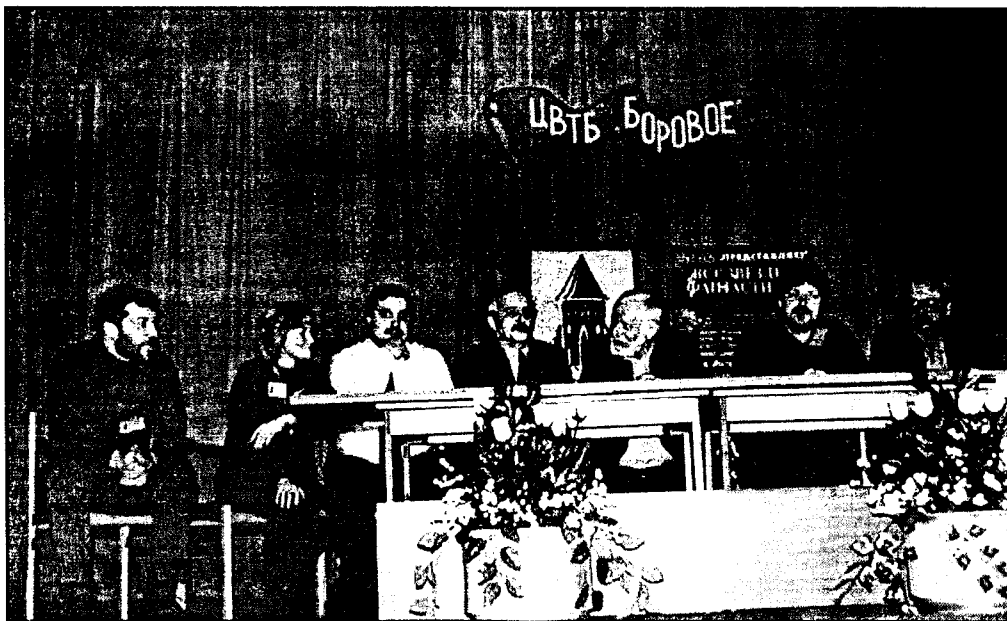
Встречались на вокзале. Было это очень далеко, почти что в пригороде, в Щелкове (полчаса от центра на метро). А после дружною толпой направились к стоявшим на обочине «Икарусам». Раскисная дорога брызгала водой, в ботинках у меня хлюпало. Прямо на наших глазах в «Газель», которая тихонечко рулила себе со стоянки, впечаталась кофейная «десятка». Водители вылезли и принялись громко тосковать за жизнь. Что называется, «я встретил ВАЗ». Писательский народ отреагировал на это дружным «О-па!», взял по пиву и полез в автобусы. Настроение у всех резко подскочило.

Пока ехали, я успел познакомиться со Светой Химочки-

ной из города Чехова, «художницей и немного писателем», как она отрекомендовалась, и вдосталь насмотрелся на красоты индустриальных московских окраин. Красоты не впечатлили, а вот Света по-настоящему огорошила своим писательским псевдонимом: «Джулиан М. Прибой». Такая милая девушка с замечательной фамилией, и вдруг – на тебе. Как обухом. Ладно, хоть не «Штурман Жорж»...

Потом в округе замелькали сосны и плагбаумы, надписи «ВГДБ «Боровое» (до сих пор не знаю, что это значит), потом автобусы остановились, я вывалился наружу и сразу же паткнулся на: Лешу Бессонова, Олега Дивова, обоих Олдей с супругами, Гинтаса, Кайла, Иру Ясиновскую, и уйму раз-

ного народа. Двигались неторопливо. Торопиться все равно, как оказалось, было некуда: в фойе гостиничного корпуса образовалась громадная очередь. Странные дела! Заявки, вроде, подавали все заранее, места все были расписаны, но почему-то,

чтобы найти нужные папки девушкам из оргкомитета потребовалось не меньше получаса. Ждать нам было лень, проталкиваться по головам не хотелось, и мы выбрались на крыльцо. Фотограф Миша Гитуляр достал из рюкзака и откупорил холодное волгоградское пиво, мы радостно выпили за встречу, долго говорили о том, о сем, пока, наконец, не дождались своей очереди. В час общей сутолоки и смятения на лестнице парисовался Юлик Буркин, сияющий как медный таз и до ужаса трезвый. Оказалось, он приехал сюда еще вчера, отпраздновал приезд заранее и заселился без хлопот. А вскоре объявился и Лукьяненко. Учитесь, люди, как надо на конвенты ездить.

Меня поселили в одной комнате с Лешей Бессоновым, но почему-то не дали ключа. Пока раздосадованный Леша бегал по этажам и искал кого-нибудь, я сторожил вещи. В итоге ключ обнаружился... в одной из наших папок. Кто его туда сунул и зачем, осталось загадкой. Время поисков я коротал у Глеба Гусакова, дегустируя привезенную им перцовку.

Обед благополучно «сдвинули» на час. Как и все остальное.

Я прицепил рекламу «Лавки фантастики» внизу на стенде, и к себе на дверь. Особого наплыва покупателей пока не намечалось, но я озаботился и выложил часть журналов на лоток, а остальное все три дня тихонько продавал «из-под полы». Авторские экземпляры раздавал бесплатно. Помню, как за ужином на бедного Бессонова напал Евгений Харитонов: «Познакомь со Скирюком! Ну, познакомь, что тебе стоит? Ты же в одном номере с ним живешь!» Леша опешил и не нашел ничего лучшего, кроме как указать на меня: «Да вот же он...» После обеда ко мне забежал Вася Владимирский, принес три свежих номера «Питер-бука», отхватил по «Лавке», хлопнул по плечу и испарился. Положительно, служба в армии на нем мало отразилась...

Внизу был вывешен список заселившихся по номерам. Очень приятное новшество. Взгляд мой невольно зацепился за одну комнату. «Макс» — значилось про одного его жильца. «Макс-девушка» — невозмутимо значилось про второго. Может, это Фрай?

Презентовали конвент с помпой, но неторопливо. Дмитрий Володихин вообще, как я заметил, не отличается особой спешкой. Много было сказано хорошего, еще больше было обещано. «Показательный бой на мечях», заявленный в программке кона, был отложен по техническим причинам — у американских каскадеров во время авиаперелета потерялась сумка с необходимыми железяками. Видно, бедных янки приняли за террористов, и багаж решили задержать. Просто так, на всякий случай.

На заднем ряду, прямо за моей спиной обнаружился пан Санковский собственной персоной. Иришка впечатлилась этим и по окончании презентации коршуном скрутила на него и заручилась обещанием зайти на рюмочку перцовки. Иринка вообще хлопотала за троих, летала туда-сюда и возникала в разных местах. Я-то что, я — похихикал и забыл, а пан Анджей в самом деле зарулил к нам в комнату, категорически заявил, чтобы его именовали «просто Анджей, безо всяких «панов», взял на себя рычаги управления и потребовал обещанную перцовку. Никакого показа «молодого фантастического кино», похоже, не предвиделось (во всяком случае, сколько я ни выбирался наружу посмотреть, все было тихо), посему мы остались у Иришки в номере. Разговор довольно быстро перешел в доверительное русло, Анджей много о себе рассказывал, и важно изрекал, когда его пытались сфотографировать: «А где деньги? Пятнадцать долларов!» Тот же рефлекс срабатывал и при попытке записать беседу: огонек работающего диктофона действовал на Анджея как красная тряпка на быка, порождая сакраментальное «пятнадцать долларов». Помню, как ребята перемигивались и полыхали блицами, а я сидел и ломал голову: ну почему именно пятнадцать?! Мог бы и сотню затребовать. Я подарил ему только что вышедшую «Лавку» с «бестиарием пана Санковского», чем вызвал его немалое удивление. Выпили за бестиарий.

2001 год. Конец зимы. Сiju и выпиваю в номере с Санковским. Убиться веником...

Гинтас на следующее утро долго сетовал, что зря он вчера не предложил мэтру отдать ему права на публикацию «Ведьмака» в Литве. А что, наверняка тот по инерции выдал бы те же самые «пятнадцать долларов», а дальше оставалось бы только ловить его на слове. А хитрый Кайл (совершенно трезвый, кстати говоря), под шумок подсунил Анджею... карту мира ведьмака, которую сам нарисовал. Анджей подмахнул и ее. Кайл сиял, щурил глаза и топорщил бороду: «Единственная копия, заверенная автором!» Ближе к вечеру приехала Ира Шрейнер, которой мы все несказанно обрадовались. Потом к нам в номер заявился Николай Чадович, быстренько помог нам все допить, после

чего беседа расплзлась по углам, а где-то ближе к ночи меня разыскал Леша Ена, который никак не мог попасть в свой номер. Пришлось уйти.

В коридоре я застал совершенно сюрреальную картину, достойную фильма Бунюэля: какой-то мужчина средних лет стоял на лыжах и громко топал, проверяя крепления. Не обращая на меня внимания, он поправил на себе лыжную шапочку, взял палки в руки и неторопливо ушагал куда-то за угол. Я поспешил укрыться в своем номере.

Обратно возвращаться я уже не стал. Сами понимаете, почему.

Командовать парадом

Ночью подморозило, и начались проблемы. Стены в гостинице выстудились так, что не спасали никакие батареи. Всю ночь я корчился под тонким одеялом, сворачивался в клубок, а наутро обнаружил у себя в ногах второе одеяло, аккуратно свернутое вчетверо. Леша где-то поскользнулся, упал в сугроб и расцарапал пол-лица. Я же, когда пытался утром привести себя в порядок, обнаружил, что в ванной не горит свет, и вынужден был бриться ощупью. В итоге — тоже расцарапал пол-лица. Когда мы вылезли на завтрак, народ слегка офонарел: «Вы что, дрались там, что ли?» — «А то!» — многозначительно ответствовали оба. Леша в своей кожаной куртке с оттиснутым на спине листом каннабиса выглядел при этом особенно воинственно.

У окна в коридоре кучковались те, кто проснулся раньше — Кайл, Иваницкас, Рома Афанасьев и Костя Бояндин. Я наконец-то уяснил, как надлежит голосовать (а то в брошюре было сказано об этом весьма туманно) и на пару с Кайлом направился к Иришке.

Добудиться Ирку — дело невозможное, знаю по прошлому «Звездному мосту». Между тем, уже приближался первый тур голосования, оставлять это на самотек было нельзя. Мы с Кайлом долго ныли, мол, «вставайте, было полбеда, теперь — кругом беда», били в дверь челом и зывали к ее гражданской совести, пока, наконец, не отступились. Соседкой Иры оказалась Маша Симонова — высокая рыжая девушка в мохнатом апельсинового цвета топики; она также разделяла мнение Иришки, что «есть вещи, поважней голосования и завтрака». Обе повернулись на другой бок и продолжали спать. Пришлось взять кое-как заполненные бюллетени и идти голосовать за них.

Снаружи было солнечно и на удивление холодно. От «красивейшего озера» нам достался только ураганный ветер и колючая снежная крупа. Ключ у нас с Лешей был один на двоих, я все время забывал в номере то шарф, то шапку и в итоге моментально простудился и схватил жестокий насморк. Остальные выглядели не лучше. Не спасали ни горячий чай, ни пресловутая перцовка. Тем не менее, пропускать что-либо я не собирался.

Какой-то налитый вином длинноволосый тип на полпути в клуб набросился на Ладыженского и с криком: «Вот он, этот человек!» стал искать его руку с намерением пожать. Все насторожились. Сэнсей же спокойно все это выдержал, руку для пожатия протянул и невозмутимо двинулся дальше, мол, чего мне, жалко, что ли. Человек остался стоять, молчаливый и озадаченный.

Кон открыл Андрей Синицын. Говорили мало, но по существу. Зачитали программу. Потом Дмитрий Володихин перечислил поименно всех, кто помогал готовить сие мероприятие. Андрей Геворкян представил литературно-филологическую группу «Бастион». Рыбаков посетовал со сцены, что «сколько бы подобных встреч ни проводилось, хорошего всегда мало».

Потом на кафедру поднялся Андрей Шмалько и зачитал доклад с весьма провокативным названием «Союз не-

рушимый фантастов свободных?» Андрей Валентинович клеймил «букров» и «антибукров» и прочие, как он выражился, «водочные премии» и сравнивал вселенную фэндом-ма с солнечной системой: читателей – с солнцем, а писателей – с планетами и астероидами, на которые иногда падает солнечный свет, а иногда и нет. «Периферийное положение отечественного фэндом-ма отсекает фантастику от читателя». Доклад был пространным, пестрел словесными изысками и выпендриваниями сравнениями, но лично на меня произвел благоприятное впечатление. Очень своевременный доклад, который, к сожалению, никто не взял за труд осмыслить. Объединение неизбежно, факт, это всего лишь вопрос времени. Идея консолидации фантастов давно витает в воздухе, и господин Шмалько с дотошностью историка обрисовал сложившуюся ситуацию, сформулировал основные принципы объединения, а главное – показал, какие подводные камни ждут нас на этом пути. Как избежать этих камней – вот основной вопрос. Но народ встретил идею чуть ли не в штаны и полез на сцену по поводу: «Зачем объединяться, мне и так хорошо». Никто так и не понял, что Шмалько не призывает, а *предостерегает*.

Под занавес собравшимся представили Наталью Гусеву (исполнительницу роли Алисы Селезневой в фильме «Гостья из будущего», если кто не помнит). Изменилась она на удивление мало, разве что – перекрасилась в пепельную блондинку. Зал обменялся мнениями, с удовлетворением констатировал, что красивая девочка выросла в столь же красивую женщину с обворожительной улыбкой, и очень душевно по этому поводу поаплодировал. Особенно усердствовал Бессонов: «Это же секс-символ нашей юности!» – восклицал он и толкал Романа Злотникова в бок. Почему-то эта мысль так глубоко в него запала, что в течение следующего часа он бесплатно сообщал ее всем окружающим. Спорить с ним не стали, – в сущности, Леша был прав.

Напоследок Володихин вывел на сцену магнитофон, потребовал тишины и объявил, что Юрий Буркин написал новую песню для гипотетического сериала по роману Лукьяненко «Ночной дозор», каковую песню предлагается сделать официальным гимном новоиспеченного конвента, и врубил машинку. Песня зазвучала. Сделалось так мрачно и торжественно, что все собравшиеся едва не впили в тяжелую депрессию. После минутного молчания вопрос как-то замаял. Голосовать никто не стал. Хорошая, конечно, песня, замечательная, но на гимн, увы, не тянет.

Я, снова я и Ирина

После обеда начались семинары. Я заблудился и совершенно потерял ориентировку. Все проходило одновременно. На третьем этаже смотрели кино, я заглянул туда, но, не увидев ни одного знакомого лица, за исключением Байкалова и Щербака, присутствовать не захотел (вообще-то, я в кино ничего не понимаю, туда бы папу Надю Маркалову). Всюду шныряли какие-то загадочные люди с надписью на бэджах «Проект семь». Поговорить мне с ними в тот день так и не удалось. Напоследок я отловил в коридоре кучку «бастионовцев» во главе с Ольгой Елисеевой, которые вертели в руках сигналки новой серии «ЛиФ-пресс» и очень этому радовались. Первым выпуском значилась книга Володихина, вторым – Елисеевой. Третьим номером по непроверенным сведениям в планах издательства стоит роман «Наркоза не будет» девушки по прозвищу «Феличита» (точное имя выяснить не удалось, вернее, я его забыл). «Наркозом» в этой компании было принято громко восхищаться. Я, естественно, выглядел белой вороной и молчал. Нет, я не против, могу и повосхищаться, чего уж, но... Что за серия? Какой тираж? Как будет он распространяться? Добиться чего-либо вразумительного от них мне так и не уда-

лось, я понял только, что она будет полностью ориентирована на фэнтези. Что ж, и то хлеб. Ни одной полноценной серии российской фэнтези у нас в стране сейчас не издается, разве что – «Заклятые миры», да вот еще «Княжеский пир» анонсировали. Не будете же вы всерьез считать такой серией пресловутую «Нить времен», где публикуют только мэтров, да и то – троих?

Пока я там «семинарился», Ирина Ясиновская приволокла зачитанное до дыр первое издание «Посмотри в глаза чудовищ» Успенского и Лазарчука, и взяла на книгу автограф... у Чадовича. «А что, – заявила весело она, – очень в тему: «Посмотри в глаза, Чадович» А? Звучит!» Николай опешил, посмотрел в глаза, поставил, где надо, запятую и расписался.

В баре на четвертом этаже мне удалось отловить Борю Завгороднего. Тот пребывал в превосходном настроении, сверкал бэджем с надписью: «Владимир Васильев, писатель» и раздаривал приглянувшимся людям свою книжку (ну, которая «Рось квадратная...»). Обломилось и мне. Раритет, скажу я вам, удивительный. На «РосКон» Завгар зачем-то привез большую кучу неликвидов десятилетней давности – открыток, этикеток и закладок с достопамятного «ВолгаКона-91». Однако состоится ли «ВолгаКон-2001», так и осталось неизвестным. На деле – кто его знает, но у Завгара все-таки потрясающая харизма, и ему поневоле веришь.

На лестнице уже выпали первые фэны. Кто-то бродил по коридорам и громко звал какого-то «хоббита» (ладно, хоть не барлога). Тут и там попадался мэтр Сапковский; уже изрядно подогретый, он ходил по коридорам и изображал своего кота – говорил всем «мяу» и показывал, какие у него когти. Номер определенно имел успех. В конце концов, Анджей осел в гостиную холла на четвертом этаже и предавался приватной беседе в окружении наиболее преданных поклонников. Я проторчал там с полчаса, но не услышал для себя ничего нового после вчерашнего, и молча удалился.

В коридоре я очень кстати столкнулся с Иваницкасом, и Гинтас тотчас утащил меня к себе. Он привез свежий номер «Империи», в котором оказался мой рассказ «Стандарт» (называется он там, естественно, «Standartas»). Номер оказался как всегда роскошен. Среди множества аляповатых красочных обложек этот черный с серебром литовский журнал выглядит удивительно стильно. Множество иллюстраций, в том числе – художников из сопредельных стран, таких как Польша и Словакия. «Империя», в отличие от многих других подобных изданий, не ориентирована строго на «американский запад», и это приятно. Мы долго обсуждали собственное и чужое творчество, смеялись, пили и вспоминали «Звездный мост». Помимо прочего Гинтас привез Лукьяненко гонорар и авторские экземпляры только что вышедшего на литовском языке «Лабиринта отражений». Кстати, на «РосКоне» я дал свой первый автограф на литовском языке – спасибо Гинтасу, вразумил, что и как надо написать. Автограф взяла, естественно, Ирина.

Оставшееся время народ оттягивался, кто как мог. На улице устроили катание на лошадях и снегоходах, оттуда слышалось конское ржание и рев моторов. Мотокавалерийские войска? Ближе к вечеру на четвертом этаже открыли книжный киоск с довольно впечатляющим ассортиментом. Помню, приобрел там Бульчевского «Гусляра». А вскоре появился и сам г-н Можейко. Седовласый, величавый, в черепаховых овалах антикварных, купленных по случаю очков, он долго надписывал книги всем желающим, потом удалился отдыхать. Я едва успел догнать его и сунуть в руки «Лавку» с его же интервью на прошлогодней «Аэлите».

Внизу, в фойе образовалась выставка. Сначала – просто серия карикатур одного художника, потом к ней стали стихийно добавляться какие-то посторонние картинки. Сапа Бачило и компания вывесили свой, альтернативный вариант «гимна РосКона», на мотив не то «Трех танкистов», не то «Трех поросят», но инициативу никто не поддержал, а вскоре рукописный текст куда-то испарился. Признаться, жаль, – смешная была фишка.

В буфете обнаружился пан Сапковский, которого усиленно отпаивали минералкой. Было очень душно, цветомузыка мерцала, как в японском мультике, но зато хоть здесь мне удалось поговорить с ним с глазу на глаз и даже взять небольшое интервью. Впрочем, вскоре примчался Андрей Самойлов, весь в коже, как мотоциклист, и поволок Анджея, как он выразился, «расслабляться дальше». Однако далеко уйти им не удалось: в фойе столовой пану Анджею попался на глаза малюсенький «когтенок», польский мэтр расчувствовался, сгреб животное в охапку и принялся оборонять его от окружающих, крича, что мы все – монстры, и только кошки – существа, достойные любви. Котенок тарачил глаза, полузадушено разевал рот и жалобно мяукал.

В кулуарах меня все время ловил Володя Ларионов, жал руку и требовал передать привет Запольскому. Ловил он меня раз пять и с каждым разом был все более настойчив. Обычно после этого он хвалил нас за разборчивый шрифт и удалялся в бар разминаться красненьким. Помню еще, что соображал я после вчерашнего плоховато, и почти все свои автографы датировал двухтысячным годом, а один – аж 20001-м. То есть, единицу я таки проставил, но и про ноль не забыл. Такие дела. А вы говорите – «машина времени»...

Тилибом и тарарам

После ужина, когда стемнело, народ собрался в клубе, где вручали Булычевскую «Алису». Вручала премию сама Алиса, то бишь, Наташа Гусева: Булычев вручать премию «имени себя» категорически отказался. «В данном случае, – сказал по этому поводу Игорь Всеволодович, – «Алиса», о которой идет речь, то есть – премия, которую мы здесь хотим вручить, это создание в первую очередь двух моих друзей режиссеров – Романа Качанова и Паши Арсенова. Они оба умерли, в общем, рано и как-то очень трагически. Поэтому я прошу, чтобы Наташа вручила этот приз как Алиса, от имени тех людей, в первую очередь – Арсенова, который все это сделал». Наташа тоже сказала пару слов, на тему, мол, пишите больше для детей, ибо у нее самой подрастает дочка, и вручила приз. Награды удостоился Андрей Саломатов. Сама премия представляла собой латунную статуэтку рахитичной девочки с раскинутыми руками, чем-то похожую на очень уменьшенные творения Зураба Церетели. Андрей в ответном слове поблагодарил Наташу и Игоря Всеволодовича, как он сформулировал: «За что? За все!».

Потом слово взял Геворкян. Он посетовал, что «РосКон» мог состояться и пораньше, если б не известные события 98-го, рассказал, как был образован фонд развития фантастики третьего тысячелетия, как этот фонд работает (ключевые слова – «неспешно и без рекламы») и как он организовал свою премию – «Золотой шлем», после чего предоставил слово В. Баканову. На сцене появился оный приз – покрытый сусальным золотом хоккейный шлем, каких, как было сказано, «всего четыре в СНГ». Шлем этот с помпой и фанфарами торжественно вручили В. Головачеву, которого назвали «самым противоречивым современным фантастом». Василь Василич сразу нацепить награду постеснялся, но, спустившись в зал, не утерпел и увенчал

таки свое чело. Фотографы забегали вокруг, снимая с разных ракурсов золотую голову. При взгляде на Головачева меня терзали смутные сомнения: на «Звездном Мосту» – черный берет, на «РосКоне» – золотая каска... Симутоматично, однако. Коль так пойдет и далее, лет через пять-шесть у него скопится такая коллекция головных уборов – принц Чарльз позавидует. Что ему подарят в следующий раз? Стетсон? Пожарную каску? Может, имеет смысл отovarить его на следующем конвенте стойкой для шляп... Тоже – позолоченной.

Премию «Большой РосКон» вручили Анджею Сапковскому. Андрей Синицын объявил об этом так: «Этот приз мы вручаем самому русскому из нерусских писателей. Я думаю, вы все поняли, о ком идет речь». Народ сие известие встретил бурными аплодисментами. Сапковский статуэтку принял, возражать не стал, лишь удивился: «Первый раз пригласили, и – сразу же приз... Ну, что сказать... Хотел бы еще второй».

Сразу после этого были зачитаны списки произведений, прошедших во второй тур голосования (я приведу его целиком в конце). Как и следовало ожидать, список оказался достаточно предсказуем. К сожалению, организаторы в своем стремлении к тотальной демократичности свалили в одну кучу все произведения, без деления на повести, рассказы и крупные формы. Номинаций же было всего три. В результате у рассказов или повестей не оказалось ни единого шанса, это стало понятно сразу. А жаль: достойных вещей во всех трех категориях было достаточно, в списки же прошла всего одна повесть – Саппи Громова («Вычислитель»). Благими намерениями...

После этого народ собрался и дружно двинулся на север, в диско-бар, где был обещан диспут и концерт. Сразу скажу, что никакого диспута я там не обнаружил, концерт же состоялся без особых осложнений, разве что поющей девушке (которая «Феличита») ужасно плохо «поставили» звук – слов совершенно не было слышно. Народ активно налегал на пиво и халявную закуску, кто хотел – отпаивался в баре кофе или «Хванчкарой» и трескал лупоглазые креветки. Наконец Феличита отпела свое, и гитарой завладел любимец публики Ю. Буркин. Он долго и с большим успехом пел свои песни, как старые, так и новые, причем на этот раз фонограмма звучала на редкость хорошо. Потом началась дискотека. В промежутках между песнями я поймал за локоток Наташу Гусеву и расспросил ее о жизни и о творческой судьбе. Как оказалось, мы с ней коллеги (Наташа – биолог, как и я, только занимается иммунологией). «Значит, тот фильм хоть немного, да повлиял на ваш выбор профессии!», – воскликнул я. «Может, и так», – улыбнулась она. Мы сфотографировались вместе с обоюдным (я надеюсь, что с обоюдным) удовольствием и продолжили веселиться. По залу шныряли телевизионщики, ужасно датые и совершенно запутавшиеся. В итоге в выпуске вечерних новостей показали крупным планом Кира Булычева и подписали бегущей строкой: «писатель-фантаст Сергей Лукьяненко». Народ просветлился: «Так вот, оказывается, кто книги Лукьяненко пишет!». Было сумбурно, но довольно весело. Под старые хиты 80-х плясали все. Краем глаза видел, как одна Ирина в середине вечера учила в уголке другую, как плясать фламенко. Запомнился мичман Харитонов, в танце хватавший девушек за талию и все время падавший на шпагат, и один представитель издательства (имен не называть!), тоже все время падавший. Не на шпагат.

Помню еще, как господин Сапковский в разгар вечеринки, когда народ вышел проветриться, объявил, что холод – ерунда, что он ведьмак, и что ему все пофиг, и усвистал с разбегу в темный лес, где и исчез среди качающихся сосен.

Народ слегка перепугался, но призрак ведьмака таки оставил пана Анджея, и вскорости тот сам вернулся. Все вздохнули с облегчением, поскольку уже представляли себе аршинные заголовки, что, де «в Подмоскowie, на конвенте насмерть заморозили великого польского писателя...» и т. д. Это сейчас смешно, а тогда мне было вовсе не до смеха!

Чуть позже я заперся у себя в номере с Лешей Бессоновым и взял у него давно обещанное интервью. Леша после этого всю ночь шатался по коридорам и ломился в комнату к Олегу Дивову, на сто процентов оправдав свой псевдоним. Олег открыт не пожелал, а скорее всего — просто ничего не услышал.

Дребеденьги

Утром следующего дня, сразу после завтрака я побывал на встрече представителей издательств с молодыми авторами, уяснил политику сегодняшнего книгоиздания, и решил, что все не так плохо, как казалось. «АСТ» представлял Николай Науменко, «Эксмо» — Леонид Шкурлович. Как всегда эти два издательства выглядели respectable всех. Но и «Центрполиграф» порадовал — он, наконец, разобрался с долгами и теперь собирается даже выплачивать всем публикующим авторам реальные гонорары. Правда, не всегда и не за все. Журнальный мир тоже не собирается сдаваться — и «Если», и «Звездная дорога» смотрят в будущее весьма оптимистично, «Если» с февраля приятно потолстел на двадцать страниц и стал больше по формату, а «Центрполиграф» апонсировал новый толстый ежеквартальный альманах «Наша фантастика». Очень славный сборник «Слепой василиск» издали в Харькове под патронажем В. Бычинского, профессиональный и сбалансированный, хоть и в мягкой обложке. Без отсылок на мое участие, процент удачных вещей там очень высок. Вопрос сейчас стоит только с его распространением. Хороших начинаний немного, но хоть старые проекты не умерли. Разве что — «Фантом», который все-таки налетел на рифы, но уж тут они сами виноваты: экипаж в портовых кабаках в наше время набирать уже не принято. В общем, опубликоваться новому талантливому автору в наше время сложно, но вполне реально. Другой вопрос — за сколько.

Параллельно встречам проходил второй тур голосования. В клубе раздавали отпечатанные бюллетени. По-прежнему работал книжный лоток. С удовлетворением отметил, что количество «Лавок» на нем значительно уменьшилось, я так и не решился ничего купить (финансы поджимали). А там, между прочим, была паратройка интересных изданий — какие-то покеты, труды Д. Володихина, и большая зеленая книжка страниц на 700 в мягких корках (называлась она то ли «Сакральная фантастика», то ли как-то похоже), как я понял — труды «Бастионовцев». Я бросил заполненный список в урну для голосования, чудом увернулся от длинноволосого подвыпившего типа (того самого) и двинулся в столовку.

Тип этот, кстати говоря, попадался мне на дороге весь конвент, то тут, то там. Без бэджа и вообще безо всяких опознавательных знаков, он являл собой извечную загадку фэндомовского бытия (на любом конвенте всегда можно встретить одного такого человека). Два слова связать он еще мог, но на трех уже спотыкался. Удалось лишь выяснить, что это, якобы, корреспондент одной Московской газеты. «Кавказскую пленницу» помните? Как там: «Помедленнее, п'жалста, я запис'ваю...», «Кто это?», «Прэсса», «А, прэсса!...» Именно так. Один-в-один.

Вообще как я заметил, те, кто не злоупотреблял спиртным, остались конвентом довольны. Кто хотел, встретился с представителями издательств, обговорил условия и подписал контракты. Помню, как Ладыженский утром радо-

вался вслух: «Как хорошо, когда не пьешь! Как много мы успели сделать! Встретились с теми-то, выловили тех-то, подписали то-то и то-то...» Некоторым выплатили гонорары. Мне, например, привезли авторские экземпляры «Лиса» и «Сумерек», каковым событием я был весьма обрадован. Очень плодотворно поработал Иваницкас (впрочем, он как иностранец был вхож в самые высшие круги). В общем, устроители «РосКона» сделали акцент на работу, и с этой стороны конвент определенно удался. Что касается досуга, проживания и прочего, то тут наличествовали эээ... небольшие неувязки. Иногда я просто недоумевал: американских каскадеров пригласили, это ж надо! Нешто напих не нашлось?!

На обед была традиционная для данной местности вареная колбаса и опостылевшая гороховая похлебка. Нет, не поймите меня неправильно: гороховый суп они варят здорово, великолепно, но разнообразием меню не страдало. Вспомню прочие конвенты, — вроде, там с этим было лучше. А вообще, если серьезно говорить, за плаченные 75 баксов кормить могли бы и получше, но что делать — то была типичная армейская столовая с ее казарменными порядками, общими кастрюлями на каждом столе, пудовыми литыми чайниками с киселем и вазочками (!) со сметаной. Сразу вспомнилась армия, ну, там: «К приему пищи приступить», «Лечь-встать», «Вспышка справа» и всякое такое прочее. Вася Владимирский, который нынче исполняет свой гражданский долг, чувствовал себя немного неуютно, вздрагивал и, отобедав, спешно из столовой убежал.

Вообще, если подумать, то с деньгами и взносами творилось что-то непонятное. Про очередь вначале, холод в гостинице, тьму египетскую в ванной и про солдатскую кашу я уже вам говорил. Но ладно бы только это! Помню, позвонили ребята из Москвы и спросили у организаторов, можно ли им просто — приехать, без питания и без проживания. И что же? С них требовали долларов этак 10 или 15! Спрашивается: за что? За проход на территорию военного санатория? Угадывайте с трех раз, приехали они после такого заявления, или нет.

По дороге в актовый зал я наткнулся на бильярдную. Запертую, разумеется. Рядом, на стене висели правила пользования. Напоял меня убил последний пункт, гласивший: «Запрещается использовать потолок в качестве мела для кия». Вот уж воистину: «Умом Россию не понять...»

Еще на открытии «РосКона» Олди заявили, что привезли эксклюзивный тираж компакта Лукина «Дым отечества», записанного в Харькове нынешним летом — 30 «саморезов» на элитных болванках. Я немедленно пошел и приобрел сей раритет, ибо по Перми о нем уже полгода ходят слухи, которые, признаюсь вам не без стыда, я сам же и распустил. Тут же, очень кстати мне встретился и сам Лукин, которому я сразу подсунил диск на подпись. Попутно встретил Юлика Буркина, у которого уже третий год пытаюсь выпросить компакт, и тоже расколол его на новый диск («Метод», записан летом в Томске, на «Урании»).

Ближе к вечеру, но еще засветло приехал Соболев, которому помешали успеть к началу конна семейные неурядицы, привез оханку свежих «Семечек» и раздарил их с быстрой такой молниеносной, что ко мне прибежал уже с пустыми руками, одну из которых (правую) я с уважением пожал. А что еще мне оставалось делать?

Окружай сферунда!

К четырем часам я заглянул на семинар по фэнтези, к той самой Ольге Елисейевой. Докладов намечалось три. Сначала Наталья Мазова — своеобразная девица печального образа — долго распространялась по поводу «женской фэнтези». Она выделила «три этапа становления писательни-

цы» охарактеризовала все три, и под конец посетовала, что-де много всякого хорошего у них в заглавниках лежит (перечислялись Васильева, Некрасова, Ипатова, Немирова, прочих я не запомнил), а подлые издательства женскую фантастику замалчивают, затирают и не издают. Я не выдержал и попытался возразить, что нет на самом деле никакой «женской» или «мужской» фантастики, есть просто — хорошая и... гм... не очень хорошая, но на меня накинута куча народа и совместными усилиями заставила замолчать. Особенно усердствовал Слава Гончаров (он же — Ульдор Проклятый). Елисеева стучала по столу и призывала к порядку. Вообще, семинар велся из рук вон плохо. Эх, Логина бы на них — вот мастер вести разумную и корректную полемику, а так в лице Натальи я, похоже, нажил себе идейного противника. В который раз я убеждаюсь, что непонимание — наш злейший враг. Второй доклад был у Марии Галиной. Он тоже касался фантастики, но тему, признаться, я так и не смог для себя уяснить. Третьей выступала Августа Косарева и долго говорила о преломлении идеи Ницше о сверхчеловеке в современном герое фантастики. Тема интересная и такая же спорная (тянет на хорошую диссертацию), но, к сожалению, время, отведенное на семинар, уже заканчивалось и прения пришлось отложить на потом.

В это же время Дмитрий Володихин проводил семинар по фантастологии. Что сей термин означает, осталось для меня загадкой. Народ предположил по этому поводу следующее: берется среднестатистический писатель-фантаст (желательно в запущенной стадии, чтоб был со всеми рецидивами, прострелами и метастазами), после чего производится вскрытие и изучение пойманного экземпляра, и это есть фантастология. Народ развеселился, стали предлагать кандидатуры, благо, выбирать было из кого, но по счастью до смертоубийства не дошло. Но я не персонаж из Маяковского, раздваиваться не умею, и на семинар к Володихину уже попасть не смог. Зря, наверное.

На втором этаже, в холле, сидел профессор Шмалько и с увлечением читал какую-то книгу. Оказалось, то был труд некоего Валентинова — «Вернусь не я» с припиской снизу «Диомед, сын Тидея». Второе имя было напечатано с ошибкой — не «Тидея», а «Тедя», по какому поводу Шмалько то плакал, то смеялся. Впрочем, книга, кажется, ему понравилась. (Ужас, как хочется поставить здесь смайлик, но я не буду ставить. Все-таки, у нас не всюду интернет).

Пока шел конвент, всю дорогу мне встречались молодые ребята с надписью на бэдж: «Проект «Семь». Оный проект приехал на «РосКон» всем кагалом — человек пятнадцать. Презентовали они книгу «Эра Водолея» — первую ролевою настольную игру на русском языке. Большую часть времени эти странные люди сидели где-нибудь за столиком в гостиной и бросали кубики. Попросту говоря, играли. В собственную же игру. Причем, оторвать их от этого процесса было не так-то просто. Поступая так, они с одной стороны сами себя изолировали, с другой — вряд ли бы они смогли обеспечить лучшую рекламу своему детищу (разве только если б продавщицы в книжных магазинах, заигравшись, забывали обслуживать покупателей, но это уже нереально). Книжка продавалась тут же, на лотках, но я бездарно протянул время и торговлю закрыли. В итоге экземпляр ее мне принесли прямо в номер, чем я и воспользовался, чтобы поговорить с ребятами подробно и всерьез.

Плющечное курощение

Близилось закрытие. Народ неторопливо стягивался из зал. Особых слов по делу сказано не было; просто без лишней суеты развернули бумажки и зачитали список победителей. В разделе «Критика, литературоведение и история фантастики» было всего два приза (вручал их Николай

Науменко). Серебряный «РосКон» получил Эдуард Геворкян, за статью «Последний Бастион», Золотой вручили Синицыну и Байкалову (как было объявлено — «Супербизонам русского фэндома») за статью «Ровесники фантастики». «Я знал, что на наш конвент приехали очень хорошие, умные, квалифицированные люди», — так прокомментировал это событие Синицын, после чего оба изобраили с призом «Рабочего и Колхозницу» и уехали обратно.

Бронзовый «РосКон» в номинации «Художественное произведение» получил «Одисей» (хи!). Серебряный взяла «Алая аура...» Е. Лукина. А первое место и Золотой «РосКон» получил «Дневной дозор» Васильева и Лукьяненко. Ответную речь от победителей держал один Лукьяненко, Васильев на сцену выйти категорически отказался. Видимо, то был отзвук известных событий позапрошлого года. Так или иначе, Воха продолжает свой молчаливый демарш, постепенно переходящий в сидячую забастовку. Наверное, зря он так, но у него свои соображения. И Лукьяненко был абсолютно честен, когда сказал, что приз романа «Дневной дозор» — победа именно его, Вохи.

Потом вручали прочие награды. Группу «Бастион» представляли Ройфе, Геворкян и Володихин. Группа эта работает уже полтора года, объединяет писателей, историков, этнологов, философов, критиков (как было заявлено, — людей «векторного конструктивизма»). «Мечом Бастиона» наградили Вячеслава Рыбакова. Меч больше походил на кортик, но блестел, как настоящий. Диплом «Бастиона» был вручен Дмитрию Янковскому. По уже сложившейся традиции второй из дипломов вручается не фантасту, а представителю гуманитарной сферы. В этом году его вручили историку Ольге Елисеевой. Третий получила журналистка Ирина Станкова. Вадим Сидорович сказал несколько слов, похвалил организаторов и зазывал всех присесть на «Интерпресскон». Зал вежливо похлопал.

Далее началась одна сплошная хохма. На сцену взошли Николь Харт и Майк Сахота — те самые супруги-каскадеры из Америки, выволокли большой сундук и начали махать руками. Она — кренкая ширококостная блондинка ирландских кровей, он — жгучий брюнет с демоническим лицом и бородкой испанского гранда. Парочка еще та. Как я понял, основное их занятие — позирование для обложек литературы фантастики и съемка в эпизодах костюмированных фильмов. В остальное время они ездят по стране и выступают на подобных рода конвентах. Со свойственной американцам манерой кричать в зал и все разжевывать, они пинались, падали и кувыркались, попутно объясняя, как и для чего все это делают, причем, лупила исключительно она — его. Вот политкорректность! Думаю, что если б Майк случайным образом ее ударил или поцарапал, жена тут же подала бы на него в суд за сексуальные домогательства. Впрочем, было весело, особенно когда влюбленная парочка вооружилась мечами, дагами и принялась греметь железом. Особенно валили зал приколы переводчика (имен упомянуть не будем). Помню, как Николь странно объясняла, что на самом деле бьет она супруга не в лицо, а по руке, а тот для полноты картины сгибается и кричит: «А-а!». В переводе это звучало, как: «...а он сгибается и говорит: «Твою мать!». Зал просто рухнул. Николь растерялась: ни в Европе, ни в Америке, эта фраза не вызвала такого успеха. «What can I say?» — спросила она. Переводчик махал руками, кашлял, нагонял табачный дым: мол, все в порядке, продолжайте. Зал лежал. Но к чести американцев надо сказать, что товар был качественный: все было подано профессионально, зрелищно, стоящих рядом людей не задело, железки вылетали из рук и ловились, когда надо, и со сцены не упало ни микрофона.

Вместо официального банкета был длиннющий стол а-

ла фуришет с наструганными фруктами, колбасами и овощами. Все смели довольно быстро, мгновенно выпили вино и налегли на водку. Там и тут на столах маячила «Олдевка», привезенная угадайте, кем. Чтобы два раза не ходить, я нагрузил себе в тарелку спеди и нацедил полнехонький стакан, и поступил, как выяснилось, совершенно правильно – когда чуть позже я бросил взгляд на столы, «Олдевки» и след простыл. В тусовочном водовороте я бродил по залу где-то полтора часа, поговорил с Бурносковым и Брониславой Громовой, потом завис у Майка и Николь. Я по-английски говорю неважно, факт, и в этом деле мне очень кстати помогли Алена Цапенко из «Проекта «Семь» и некий молодой человек с серьгами в обоих ушах, имени которого я, к сожалению, не запомнил. Но обоим я очень обязан. Американцы оказались очень милыми общительными людьми, смело дегустировали перцовку и водку, а Майк напоследок признался, что в нем течет русская кровь. Пан Сапковский то и дело проходил по залу, шипел и показывал когти. Запомнилось, как развеселый Саломатов подбегал к каскадерше с распростертыми объятьями, та перепугалась, закричала: «No! No! No-o-o!» и мы с друзьями долго ее успокаивали, уверяя, что все это была не более чем хохма. Так сказать, «silly joke».

– Для того чтоб приехать в Россию, нужна большая смелость! – подытожил я, вытер пот со лба и предложил выпить для успокоения нервов.

Все согласились и немедленно выпили.

Выше бала

Вечером гостиница гудела, словно улей. Вновь на третьем этаже собрался всяческий народ вокруг Санковского. Дивов и Бессонов затащили к себе Иринку Шрейпер и долго пьянствовали в обществе Евтушенко, Злотникова и Миши Гитуляра, перемежая празднество рассказами о том, о сем. В разгар процесса Леша вдруг внезапно взбунтовался и стал требовать, чтобы Роман доставил сюда Машу Симонову. Он достал из рукава сколько-то долларов и предлагал всем делать ставки, что Злотникову-де слабо решиться на такой великий подвиг. Роман мрачнел все больше, потом внезапно вышел и исчез минут на десять, а когда вернулся, он мало того, что тащил на плече брыкающуюся Машу, но и вел за руку... Наташу Гусеву. Бессонов онемел. Народ с радостным гулом полез в комнату фотографироваться, а Ена как сомнамбула ходил по коридорам, горбилась и хватал всех за рукава.

– А Злотников-то монстр, – сообщил он мне доверительно. – Ты так и напиши, слышишь? – «Злотников – монстр». Ну, что Машу, это еще куда ни шло, но – Наташу Гусеву привезти!.. Это же надо! Вдумайся, фотография: я и рядом – она! Офигеть! Это же секс-символ нашей юности!

Остаток ночи Леша несколько раз ловил меня то в комнате, то в коридоре и предлагал мне пойти и совместно с ним побить Злотникова. Якобы после этого Роман набьет нам барабаны, и я пойму, какой на самом деле Злотников крутой. Он грузил меня до полвторого, совершенно трезвый долго вел приватные беседы с разными людьми, два раза бегал в ларек за шампанским, порывался отыскать среди ночи снегоход, чтоб показать, что управление у «Икара» клинит влево, ломился к Дивову, который снова заперся, и, наконец, заснул под утро со счастливым выражением на лице. И этот человек еще утверждает, что он совершенно чужой в фэндоме!

Спать я ушел к Кайлу, у которого в номере как раз была свободная кровать.

Туманным утром я вошел в гостинный холл, где обнаружил Шмалько, Бобкова и того подвыпившего типа, о кото-

ром я уже писал неоднократно. Длинноволосый дремал. Шмалько читал «Вернись не я». Роман разыскивал потерянную трубку и страдал не хуже Тараса Бульбы. Трубка была вересковая, сработанная на заказ, и Рома очень сокрушался ее безвременной утратой, грешил на Иру Ясиновскую, как на девушку, охочую до сувениров, и пытался входящих, не видал ли кто его пропажу. Между тем постепенно собирался народ. Что-то обсуждали и беззлобно спорили. Саша Громов читал юморные хокку. Наконец податый тип вдруг пробудился, с грацией Вия приоткрыл глаза, мутным взором обвел всех собравшихся и выдал: «Послушайте, что я скажу». После чего умолк на полминуты, потом привстал и с грохотом выронил из кармана Бобковскую трубку. Роман взревел и встал медведем на дыбы, но, вроде, все обошлось.

Автобусы уходили в два рейса – в полдень и в четыре. Наверху, в импровизированном баре кучковался народ. Я налетел в дверях на Сашу Громова и не придумал ничего лучшего, кроме как брякнуть: «Саш! Подари книгу!» Тот опешил: «Да у меня одна осталась». «Так и я же один!» – воскликнул я. Сраженный этим доводом, Громов сдался и книжку подарил, за что я ему очень благодарен. Честно говоря, мне очень жаль, что его повесть «Вычислитель» не прошла номинацию – недотянула лишь чуть-чуть. Володихин посчитал это победой (мол, теперь-то ясно, сказал он, что повести вполне способны конкурировать с романами), я же считаю, что это лишний раз показывает порочность выбранной системы. Я понимаю, что шесть призов гораздо проще заказать и сделать, чем двенадцать, но все равно – нельзя вальтить в одну кучу романы, повести и рассказы, нельзя! Dixi.

Запомнился Вершинин. Очень грустный и усталый, Лев Рэмович ходил по коридору, ловил нужных людей и предавался долгим разговорам. Был он совершенно трезв, одновременно красен и как будто бледен, – так подкосил человека перелет из иорданской жары в русскую зиму. Я подарил ему свои «Сумерки» из авторских и очень надеюсь, что моя книжка хоть немного, да исправила его плохое настроение. «Воистину, – подумал я, – поэт в России – больше, чем поэт. Неладно что-то в королевстве датском...»

Когда я уезжал, на лестничной площадке второго этажа стоял длинноволосый тип. Уже не пьяный – совершенно трезвый после душа, с распушившимися волосами; он тер ладонями виски и повторял как заведенный: «Е-мое... Е-мое... Е-мое...» На сей раз на груди его таки болтался бэдж с именем и должностью, но... Как говорят в народе: «поздно пить боржоми».

Скальпель, спирт, огурец

Пу что тут скажешь... Пациент, скорее, жив, чем мертв. Вселенная фэндомы понемногу расширяется. Это отрадно. Эхо большого взрыва еще очень даже слышно, звездочки горят, планеты вертятся, туманности туманят, черных дыр не видно. Даже если «РосКон» останется разовой акцией, он все равно запомнится. Если смотреть с рабочей стороны, схать на «РосКон», без сомнения, стоит. Необходимо только прежде уяснить для себя, зачем ты туда едешь и заранее договориться с нужными людьми; Москва – удачное место для встреч, удобно расположенное. А вот отдохнуть не удалось. Наверное, время года подкачало. Все-таки середина февраля – неподходящая пора для подобных встреч. Я часто вспоминаю слова Олега Дивова, сказанные им в последнее утро перед отъездом. «Все, – задумчиво проговорил он, лежа на кровати, с бутылкой пива, – пожалуй, я завязываю ездить по конвентам. Вот если б Вершинин организовал очередной «ФанКон» в Одессе, я бы на него поехал даже с женой; я бы пьянствовал, она – на пляже жарилась,

и все были бы довольны. А так...» Я с ним согласен. Холодно, товарищи, холодно. Из-за этой хмурости погодной многие хорошие впечатления сгладились и притупились.

Что касается самой тусовки, то тут тоже тревожных симптомов нет. Но кризис сделал свое черное дело – новая генерация русскоязычных фантастов выросла в отрыве от старой. Для меня, например, между ними и нами так и осталась полоса анизотропного шоссе протяженностью в восемь лет. В последнее время наблюдается некоторое «расслоение» фэндома, связанное с омоложением писательского и читательского состава и с оформлением мощных писательских, так сказать, «группировок» – столичной, Питерской, Волгоградской, Харьковской... Правда, и в них наблюдается брожение. С одной стороны это приятно – атмосфера стала более... приятельской, что ли. Можно найти себе компанию по душе. Все в целом напоминает многоцветный коктейль – вроде все в одном стакане, а друг с дружкой не смешиваются. Общие посиделки вытесняются кучкованием по номерам, между которыми снуют отдельные бродяги-одиночки. С другой стороны это чревато либо тотальным расколом на отдельные фракции, либо – грядущим объединением (о чем нас, кстати говоря, предупреждал А.В. Шмалько). Все зависит от того, куда мы попадем – в миксер или в сепаратор.

Время движется. У поколения постарше уже формируется традиция приезжать на коны с женами, мужьями и даже – с детьми, что опять-таки должно заставить организаторов продумывать вопрос досуга. Хотя бы – нормального бара с соками, газировкой и кофе по умеренной цене, а не того убожества, которое теснилось наверху в двухместном номере. Выставить десяток упаковок пива, ящик водки и мешок с гамбургерами – это еще не все. В этом смысле организаторам стоит поучиться у харьковчан, проводящих свои мероприятия в театральном антураже, с ненавязчивым юмором, организованно и в срок.

Неплохо было бы организовать где-нибудь поблизости компьютер-другой, какой-нибудь настольный ксерокс, платный принтер и, как выразился один дядька, «соску в интернет» – в наш бурный век высоких технологий и сетевых коммуникаций нам без этого как без рук и даже хуже – ни информацию переслать, ни дискету записать, ни написанное перекопировать. А в этом Боровом, между прочим, даже и телефона-то нормального не было. Во всяком случае, я его не нашел.

Отрадно, что у фэндома снова появляются средства, ходят спонсоры и люди, желающие заниматься организацией подобных мероприятий. Появляются какие-то аналоги реальных премий в денежном эквиваленте, каковой, к примеру, наградили В. Головачева (шлем не в счет). Приятно, что порой на огонек заглядывают мэтры от фантастики, книгобоссы от издательств и прочие э-ээ... знаменитости. Радует появление таких организаций, как группа «Бастинон», хоть деятельность ее и освещается из рук вон плохо. Ну, и вообще все в таком духе.

Но проблем все равно – разливанное море. Шмалько назвал лишь малую часть, я перечислю еще. Фэндом раздроблен – «Тысяча осколков на тысячу лет», цитируя Буркина. Нет системы семинаров, постоянно действующих чтений, творческих мастерских. Опыт их ведения практически полностью утрачен. В итоге литературы много, читать – нечего. Политика издательств ориентирована, в основном, на сбыт, реклама книг скупа и отдает детсадовской наивностью – аляповатые листки в вагонах метро, скудные строчки на обложках: «Читайте книги такого-то! Он хороший!». Практически нет дешевой литературы (не в смысле – чита по определению, а дешевой по цене). Народ активно отгораживается от процесса чтения. Почти совсем перестали

печатать фантастику в формате «пocketбук» – только детективы и только в «Эксмо», но и там большие проблемы с их распространением (по поводу этого, кстати, больше всего страдал Ульдор). Тиражи книг маленькие, сами книги баснословно дорогие. Претендующие на элитарность дорогие серии «твердых pocketов» «Азбуки» и «Амфоры» («Новый век», «Наша марка» и проч.) в этом смысле выглядят особенно вызывающе. Читающий народ не в силах их приобрести, а издают ведь только то, что покупают. В итоге гребенка вырывает спутанные волосы вместо того чтоб их расчесывать: самобытность пишущих индивидуальностей всемерно гасится и глушится. Приветствуется либо сознательное эпигонство, либо – откровенная коммерция. До сих пор вздрагиваю, увидев на прилавке все эти «Секретные материалы», в которых увязли многие замечательные писатели... Почти никто не ищет молодых талантов. Нет никакого способа их поддержки, даже самого мизерного – в виде гонораров за опубликованный рассказ. Провиваться им приходится самим, что нередко кончается тяжелой истерикой и моральным суицидом. Многое зависит от везения и пробивных способностей. В центральных городах еще туда-сюда, провинция же была и остается в этом смысле сплошным белым пятном; все как-то позабыли, что чистые родники бьют, в основном, в лесах, а вовсе не в столицах. Наконец, в эпоху интернета просто удивительно, насколько плохо организована связь между КЛФ и творческими группами. Институт критики медленно стареет. Информации категорически не хватает. Никак не может выйти, скажем, энциклопедия покойного Халымбаджи, порушены традиции издания фэнзинов, да и два полноценных фантастических журнала на такую огромную страну – это тоже чертовски мало. Плохо обстоят дела с рассылкой книг по почте. Смята, разрушена и задавлена налогами система букинистической торговли...

Что будет дальше? Я не знаю. Вскрытие покажет.

Приложение

Список номинаций в разделе «Художественная литература»:

С. Лукьяненко	– «Близится утро»
С. Лукьяненко, В. Васильев	– «Дневной дозор»
Ю. Буркин	– «Цветы на нашем пепле»
В. Васильев	– «Зверь в каждом из нас»
В. Рыбаков	– «На чужом пиру»
О. Дивов	– «Толкование сновидений»
Е. Лукин	– «Алая аура протопарторга»
Г. Л. Олди	– «Маг в законе»
Г. Л. Олди	– «Одиссей, сын Лаэрта» (т.1)
А. Плеханов	– «Сверхдержава»
Ю. Брайдер, Н. Чадович	– «Дисбат»
А. Громов	– «Вычислитель» (повесть)

Номинационные списки по критике выглядели так:

А. Ройфе	– «Из тупика, или Империя наносит ответный удар»
Э. Геворкян	– «Последний бастион»
А. Сеницын, Д. Байкалов	– «Ровесники фантастики»
Е. Лукин	– «С приветом из 80-х»
Д. Байкалов	– «Гадкие утята из бисквитной коробки»
Д. Байкалов	– «Черные зеркала кристалла»
Е. Харитонов	– «Бег по кругу»
С. Переслегин	– «Из дебюта в миттельшпиль»
К. Булычев	– «Розовые лапки грядущего»
С. Дяченко, М. Дяченко	– «Котособачья жизнь»
Р. Арбитман	– «Золушка в отсутствие принца»
В. Рыбаков	– «Некрасиво обороняться не запрещать»
А. Шмалько	– «Кто в гетто живет»

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ: «ВОЙДИТЕ В РЕАЛЬНОСТЬ КНИГИ»

Интервью, взятое на «РосКоне»

Анджея Сапковского на «РосКоне» поймать было трудно. Труднее было расспросить. О себе и о своем творчестве польский фантаст говорил много и охотно, но окружающий народ, как правило, интересовал сам факт наличия Сапковского. Остальное для них было, в общем-то, не важно. Я помню, стоило мне где-нибудь в кругу читателей и почитателей задать ему какой-нибудь вопрос, народ немедленно толкал меня в бок: «Ты что, с ума сошел? Отстань от человека, — он сюда не работать приехал, а отдыхать. Сейчас сходим в ларек, возьмем, расслабимся, а там и спрашивай». О чем тут говорить после этого?

Сапковского я застал в баре. В маленьком баре при армейской столовой. Было темно, витал табачный дым, играла цветомузыка, мерцал в углу телевизор. Мы пили кофе и вели неспешную беседу, а к нам все время подходили и подсаживались разные люди. Помню, прибежал Щеглов, потом на огонек заглянул Вершинин. То и дело в беседу вступал кто-нибудь любопытный, интервью немедленно переходило в галдеж, мне все время приходилось прерываться и ставить диктофон на паузу. Расшифровать беседу стоило потом немалых трудов. Но — что получилось, то получилось.

— Пан Анджей, можно вам задать пару вопросов?

— А деньги? Деньги где, э? (смеется). Ладно. Только никаких «панов». Просто — Анджей.

— Хорошо. Если можно, пожалуйста, дату рождения. Когда вы родились?

— В сорок восьмом году, в городе Лодзи, Польша. 21 июня. Я «близнец».

— Ага. И сразу — про знак зодиака. Вы верите в астрологию?

— Нет. Нет. Абсолютно. Меня часто об этом спрашивают, видимо, думают: раз фантаст, то, наверное, верит в астрологию, в Бермудский треугольник, в UFO... Нет. Не верю. Я — как американский писатель Говард Лавкрафт (произносит как «Левкрафт»), который писал обо всяких монстрах, чудовищах, ктулху и прочих... Страшные вещи писал, но сам был абсолютно

математическим разумом, который ни хрена не верил ни в какую мистику.

— Но что-то же должно служить основой для веры, когда пишешь фантастические вещи...

— Автор что-то придумывает, когда пишет, а потом — читатель, когда читает. Мне очень понравилось, что сказал Джонатан Кэрролл — тоже писатель-фантаст, ну, там, «Страна хохотающих» («Смеющихся»?) и прочее... Он сказал так: если читатель читает книгу, то он всю окружающую его реальность должен снять с себя как пальто. Повесить это пальто на вешалку, оставить его, и абсолютно войти в реальность книги. Нет для него тогда другого реализма, нет дру-

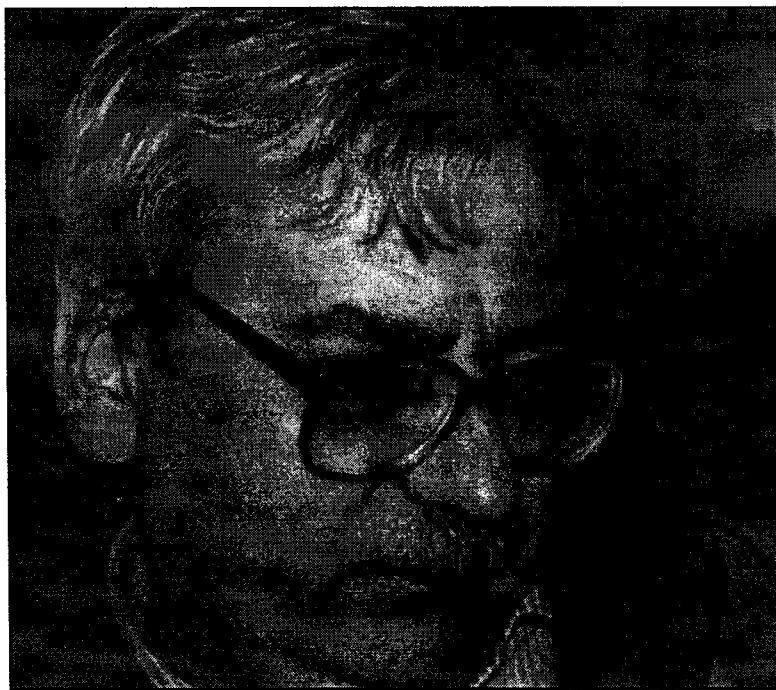
гой реальности. Тогда для тебя мир, например, ведьмака — мир абсолютно реальный.

— Мир ведьмака — это все-таки нечто особое. В некотором роде он и в самом деле нас окружает. (Голос у меня из-за спины: «Ага, пальто повесили, но шарф остался...») В него совершенно не хочется сбегать, в тот мир. В мире ведьмака не решат наших проблем, там своих хватает. Это было специально так задумано, или случайно получилось?

— Не забудьте, что когда я с «Ведьмаком» в Польше что-то там пробовал делать, какой-то, — пусть пока невеликий, но — канон этого жанра уже существовал. Я должен был найти свое русло, это должна была быть моя речка. Читатель должен был окунуться только в нее. С самого первого моего рассказа я не хотел никому подражать, я не хотел быть чьим-то поклонником. Я хотел сделать что-то свое.

— Это правда, что вы задумывали сперва написать только один рассказ о ведьмаке? Вы не замахивались на такую эпическую сагу, а только на один рассказ?

— Это абсолютная правда. Я не замахивался даже на два рассказа!

– Тогда что же послужило стимулом для написания второго?

– Есть такое английское слово *vanity*. Как бы это перевести... Тщеславие? Самолюбие? В общем, это хорошо, когда тебя ласкают. После «Ведьмака» было очень занятно и приятно читать письма из редакций: они умоляют, просят, чтоб – еще, еще... Меня это *vanity*... (смеется) ласкает, как старого кота!

– Как вы сами считаете, в чем причина успеха «Ведьмака» и всей этой саги у читателя?

– Ха! Не знаю, я не должен про это говорить. Верней, это не я должен говорить. Это означало бы – если б я на этот вопрос ответил – что я знаю рецепт, что я знаю методу! А я не знаю. Я знаю только одно: что надо писать хорошо.

– Вы думали о каком-то определенном читателе, когда писали свои книги?

– Я никогда не думал про определенного читателя, никогда. Я, конечно, знал, что тот, кто читает фантастику, читает и фэнтези. Но какую-то специальную категорию читателей я на прицеле не держал. Абсолютно. Я думал так, что я, в конце концов, не только писатель, но также и читатель. Я пишу то, что я сам люблю читать. Может быть, я тоже такой всеядный, такой... *every man*, но мне это нравится!

– Если брать самого Геральта, самого ведьмака, как героя, то насколько вы себя с ним отождествляете? Насколько, вы считаете, вы – это он, а он – это вы?

– Абсолютно нигде не отождествляю, абсолютно. Я вообще не увлекаюсь карикатурой и никогда не включаю реальных лиц в то, что я пишу. Если у меня в рассказе королева, то это королева, если король, то это король. Все должно служить фабуле, рассказу. Ничего из моей биографии в ведьмаке нет, это чистая выдумка с первой до последней буквы.

– А нет у вас желания написать что-нибудь, связанное с вашей реальной жизнью?

– Конечно есть. Но учтите, братцы: времени не хватает. Я не машинка, которая в состоянии писать, писать, – много и очень быстро. Когда я писал цикл про ведьмака, у меня на книгу уходило больше года. На одну книгу. У меня не было абсолютно времени даже на малый рассказ. Я покончил с ведьмаком и сейчас пишу книгу, первый том (это будет трилогия). Я пишу его уже два года. И я думаю, что это правильный подход.

– А как же ваше эссе? Вы же выкроили время, чтобы его написать. Для чего-то вы это сделали?

– Это – да. Я не скрываю, что в этом эссе – «Нет золота в серых горах», – там демагогия еще та... Но смысл был. Как говорил Шекспир: «*Tough this be madness, yet here is method in it*». Это было время, когда в Польше и рак, и рыба, и даже мышь взялись за фэнтези. Потому что, вот как это просто – возьми эльфа, дракона, раздетую девку, и пусть на первых страницах – десять убитых и три перетраченных. Все! И больше им ничего не надо. И я сказал: я им войну выдам! Я им такого выдам срама, чтобы они больше никогда... Да, я это сде-

лал. После этого эссе графоманов в Польше стало поменьше, я считаю.

– Вы можете выделить что-то из современных фантастических произведений? Что-нибудь, что вам понравилось, что вы считаете достойным?

– Нет. Не потому, что их нет. Они, конечно, есть. Просто жизнь у меня сейчас такая, что я почти перестал читать художественную литературу. И фантастику тоже. Очень мало времени.

(Кто-то спрашивает у меня из-за спины: «А Зюскинда?»)

– Кого?

– Зюскинда. Патрика Зюскинда. «Парфюмер», «Контрабас», «История господина Зоммера»...

– А, Zuskind! (произносит с сильным французским прононсом). Зюскинд хорошо. Весьма хорош.

(Тот же голос: «А Павича?»)

– Простите? Нет, не читал.

– Что вы ощущали, когда закончили сагу о ведьмаке? Удовлетворение? Или, наконец, сказали: «Камень с души свалился, наконец-то я с ним разделался»?

– С Ведьмаком я покончил. Как задумывал. Это на самом деле было необходимо. «Ведмак» – это была такая затея... Я не скрывал, что там аллюзии на «Мастера и Маргариту», я не скрывал, что там и миф Артурианский... Я не скрывал. Для меня постмодернизм – дефиниция, которая сделана из резины. Она хороша и сама по себе, и ее в некотором смысле можно натянуть, на что хочешь... (со смехом) Любую форму принимает. А сейчас я работаю над новой книгой. Это будет историческая фантазия.

– Вы вообще легко пишете? Или вам тяжело работается?

– Конечно, это работа нелегкая. Но она мне не мешает настолько, чтобы я ее ненавидел: «А, черт побери, снова надо писать!» Нет. Так – нет. Но мне так нравится (а я много лет работал в разных фирмах и учреждениях), так нравится, что у меня от кровати до рабочего места – три с половиной метра!.. И нет никаких! Никаких руководителей!

– Вы составляете какой-то план работы, план произведения?

– Нет. Как пойдет.

– А вам нравится самому читать «Ведьмака»? Вы перечитываете свои тексты?

– Много раз. Да, много раз.

– И вам нравится?

– Нет! Но к счастью, я уже научился писать, и до того как отдать тексты в печать, я так много раз их читаю, что восемьдесят процентов ошибок я в состоянии убрать. И это очень хорошее такое чувство, что я выдаю на рынок продукт идеальный, почти совершенный.

– Вы сами прекрасно говорите по-русски, читаете на многих языках...

– Да. По-английски, по-русски, по-французски, по-немецки я читаю и даже говорю.

– Как вы считаете, русский перевод ваших книг адекватен? Это хороший перевод?

– Да, Вайсброт вполне хорошо переводит. Но он

человек другого поколения, он многого не знает из того, что есть в фэнтези. Разные легенды, существа, названия... Мне все время приходилось говорить ему, давать советы, рекомендовать литературу. Но перевод меня устраивает. Сейчас он, кстати, переводит и других польских фантастов. Нет, переводы хороши. Но вот бывают случаи, когда редактор... Помню, я принес «Ведьмака» для печати, и там сидела молодая такая девушка-редактор. А в рассказе король Фольтест спрашивает Геральта: «Умеешь убивать вампиров, леших?». А в польском языке нет такого слова «леший», оно из русских сказок взято! Я-то хорошо знаю эпос, а девка решила, что это опечатка, и исправила «леших» на «лепших». То есть, по-русски это получается – «лучших». Так и напечатали. Лучшие вампиры! Получилось, что король спросил: «Умеешь убивать лучших вампиров?!»

– Когда и как вы понимаете, что произведение уже закончено, что пора остановиться и поставить точку?

– Во-первых, какой-то примерный план все-таки должен быть. Замысел. Вам кажется, что если я пишу цикл пятитомный, то я не знаю, чем он кончится?! Конечно, знаю! Не подозревайте меня. Не бывает же так, что я – пишу, пишу, пишу, потом вдруг (махнет рукой): «А-а!.. Теперь – конец! Надоело!». Есть такая игра – паззл. Головоломка. Когда надо складывать картину. Так вот, до того, как я начну писать, у меня уже есть это самая картина. И я знаю, где каждый элемент этого паззла будет сидеть. У меня есть идея – рассказать историю. И я хочу сделать так, чтобы история была, как эта идея.

– Вы пишете свои книги на компьютере. Компьютер помогает вам писать быстрее? Лучше?

– Конечно, да, конечно, помогает. Но это не главное. Я сперва писал на пишущей машинке, но потом я познакомился с компьютером. Нас как бы познакомил мой издатель в рамках борьбы за автора... Я тогда сказал ему: хорошо, я тебе напишу про моего героя, ведьмака, который уже в рассказах что-то в Польше значил, пять томов. Но дай мне передохнуть, я не могу писать так быстро. И вот тогда...

– То есть, для вас компьютер – просто стиль работы.

– Конечно, да. Теперь это другой немного стиль работы.

– Но в последние годы появилось такое понятие, как сетевая литература. Литература в интернете. Она на ваш взгляд – что? Добро? Зло?

– Я не вижу будущего – пока – для этой литературы. Тот проект, который Кинг пытался сделать и начал делать, он провалился. Я имел очень много предложений, чтобы в Польше издать свою новую книгу – повесть, рассказ, что-нибудь, – только в сети. Кроме того, есть что-то вроде сетевых библиотек, которые просят дать им какие-нибудь мои старые вещи в электронной форме. Я не делаю ни того, ни другого. Во-первых, я считаю, что если мои книги как-то еще продаются, зачем мне их публиковать в электронной форме бесплатно? А писать только для интернета бесплатно... Ну, слушайте, братцы... Ведь какая была идея

у Кинга? Идея была неплохая. Позвольте, я на пальцах объясню. Вот допустим, это – книга (рисует круг). Цена книги. Так? Автору перепадает вот такой кусочек, такой маленький сектор.

– То есть, процентов двадцать пять...

– Двадцать пять?! Десять-пятнадцать процентов! Остальное, конечно, удержки издательства. Иногда просто – разбойничья прибыль издательства, разбойничья!.. И Кинг сказал: «Хорошо, братцы. Так я за мои двадцать пять процентов... Прочь все издательства! Прочь все растраты и расходы. Книга есть, электронная – нате, читайте, а денежки напрямую – мне». Ну и что? Не получилось.

– Может, просто – аудитория еще не созрела?

– Может быть... Когда это придет? Я вам скажу, что хорошо сейчас. У меня, надо сказать, большая электронная библиотека. Просто – великая! Я не говорю: «малая», в самом деле – великая. Тысячи вещей. И если я, например, пишу книгу о средневековье, то там, конечно, все говорили по-латыни, použíвали цитаты из священного писания... Конечно, священных писаний в виде книг у меня полным-полно, и протестантское, и католическое... Но если я хочу очень быстро найти что-то в Библии, я беру электронную версию. Поэтому с книгами, которые нужны для работы, в электронном виде работать очень просто! Но когда я хочу почитать для удовольствия книгу, я всегда беру простую бумажную книгу. Да, как справочная, электронная литература просто незаменима. Энциклопедии, справочники... Но никогда я не буду читать собственно книги с экрана.

– Можно еще вопрос по вашим книгам? Ведьмак Геральт как герой был очень цельным и самодостаточным. Для чего понадобился образ девочки-предназначения, Цири, появившийся в следующих романах? Как вы к нему пришли? Зачем?

– Цири я задумывал, как монстра. Я хотел показать, как люди из человека сами делают монстра. Цири – это зло, воплощенное зло. Все делают из нее монстра, и «крысы», и чародейки, и Бонарт, и даже – собственный отец Дани. Она уже бессознательно мстит всем – Риенсу, болотникам. «Вот этими пальцами ты собирался научить меня боли, Риенс? – говорит она. – Этими вот руками?». Они все ее учат боли! Когда она приходит в деревню на болотах, с черными глазами, старик ее спрашивает: «Кто ты?», она отвечает: «Я – смерть». Помните, как под конец они спускаются по лестнице к врагам, ведьмак и девочка, плечом к плечу? Так вот, это спускаются добро и зло. Добро и зло. И поэтому никто не может их остановить.

– А ведьмак – это добро?

– Ведьмак – это добро.

– Но ведь тогда получается, что добро погибает...

– Да, это так. Он уходит, он и Йеннифер. Но Цири после этого перестает быть Злом.

– И кем она становится?

– Она еще не знает. А я вам не скажу.

Интервью взял Дмитрий СКИРЮК
Подмосковье, ВГДБ «Боровое»
18.02.2001 «РосКон»

Слепой василиск. Сборник фантастики. — Харьков: «Второй блин», 2000. («Перекресток»)

Господа, у меня замечательная новость — «Перекресток» жив! Харьковская творческая мастерская «Второй блин», подарившая нам в свое время таких мастеров жанра, как Г. Л. Олди, А. Дашков, Ф. Чешко и других не только не исчезла, но и выпустила очередной сборник в мягкой обложке страниц на 300. Два десятка авторов нового поколения российской фантастики, в основном — молодых, но уже успевших поработать себе имя и известность. Среди них, как водится, есть пара мэтров и пара дебютантов. Все в целом представляет собой довольно цельный сбалансированный сборник и с трудом поддается разбиению на разделы.

Фантастику нового поколения отличает одна характерная черта: она несет на себе некую печать обреченности. Ее нельзя обвинить в пропаганде безысходности и «некрореализма», просто для нее важнее переживания героя, попавшего в странную, неправдоподобную ситуацию, чем сама ситуация. Герой может покориться ей, сопротивляться, игнорировать ее или отнестись к случившемуся с мрачным юмором, но в любом случае он до конца останется собой. Таковы, к примеру, рассказы «Сияние каменного цветка» В. Аренева, «Казнь» Яны Дубинянской, «Игры на песке» А. Корепанова и «Один к одному» Бориса Иванова, где в обыденных событиях читателя вдруг настигает неожиданная фантастическая развязка. И если рассказ Дубинянской откровенно беспомощен, то три другие вещи выглядят очень и очень достойно. Некоторым образом к ним примыкают «Бегство» С. Герасимова и «Черный «Ровер», я не твой» А. Дашкова — ужасно мрачные рассказы с дикими концовками, не оставляющими героям ни малейшего шанса хоть чуть-чуть вписаться в окружающий мир. И сюда же относится «Бала» Ольги Лебедевой — грустный рассказик с привкусом абсурдной горечи и нерастратенной любви.

Давший название всему сборнику рассказ Марины и Сергея Дяченко «Слепой василиск» — довольно необычное отступление известных авторов от городской фантастики в сторону, скажем так, «деревенской» или «загородной». Вопрос взаимопонимания людей и не-людей по-прежнему ставится авторами во главу угла, и кто из героев прав и почему, решать читателю. Помимо «Василиска» жанр фантастики представлен в сборнике еще тремя про-

изведениями. «Привкус древности» Константина Бояндина — красивая пасторальная фреска на стыке Востока и Запада. «Добрый рыцарь» К. Ситникова — вещь откровенно слабая, из тех, какие пишут на уроках скучающие старшеклассники. В некотором роде к жанру фантастики можно также отнести рассказ Евгении Блинчик «И боги ошибаются», забавно обыгрывающий случай из жизни Гомера в окружении греческих богов, чем-то по-хорошему напоминающий роман «Герой должен быть один» Г. Л. Олди. У автора получилось идеально выдержать баланс между грустным и веселым; исторические реалии и придуманные «фишки» ненавязчивы и очень уместны.

Рассказы «К саду дальнему» Владислава Былинского и «Транс» творческого тандема из Таганрога — В. Елентенко и А. Печенежского отмечены печатью экспериментаторства. Они вольны по форме и необычны по композиции, их отличает сложная работа с языком, интуитивное, почти «автоматическое» письмо на грани фола, скачкообразное развитие событий и открытый финал. Выдержать подобный стиль и не свалиться в бессмыслицу довольно сложно. Можно спорить по поводу «удалось — не удалось», «нравится — не нравится», но нельзя без уважения относиться к подобным попыткам объять необъятное.

Последний и, пожалуй, самый крупный пласт составляют произведения очень резкие, лихие, совершенно «шекспианские» по композиции и по сюжету. Таковы «Пелена» В. Васильева, «Жертва страсти» Д. Трускиновской, маленький анекдот от Федора Чешко («Шляются тут всякие»), «Как всегда» киевлянина Кайла Итorra, замечательные «Два желания» Максима Моторного и «Стрелки» Андрея Щупова. Эти вещи ненавязчивы, легки и склонны баловать читателя внезапным «вывихом» сюжета и хорошим юмором. К сожалению, у подобных рассказов есть один большой недостаток: вся их соль — в необычной концовке. Читать их забавно, но перечитывать уже неинтересно. В этом смысле приятно выделяется «Заслуженный отдых» Геннадия Молчанова, хотя он и не вписывается ни в одну из вышеприведенных категорий (впору придумывать для него что-то новое, скажем, «киберсовок»). Это весьма неожиданный взгляд на проблему всеобщей компьютеризации и виртуальной реальности в условиях отдельно разоренной страны. Озорной, со специфическим малороссийским колоритом, он как-то по-иному заставляет взглянуть на происходящие перемены и обойти слепые зеркала деше-

вого прагматизма и бездуховности, окружившие нас экранами телевизоров и мониторов.

В целом затея, несомненно, удалась. 70% хороших рассказов в сборнике — это очень много. Можно посетовать на редкую периодичность выпусков серии «Перекресток» и на трудности с их распространением, но те, кто успел приобрести «Слепую василиска», я думаю, не жалеют о потраченных деньгах.

Да, чуть не забыл: там есть еще моя «Копилка». Но себя я рецензировать не буду: я еще не настолько обнаглел, чтобы себя хвалить, и не настолько спятил, чтоб ругать.

Дмитрий СКИРЮК

Наша фантастика 2000. Альманах. — М.: Центрполиграф, 2000.

Если б альманаха «Наша фантастика» не было, его следовало бы выдумать. Ибо эта книга оказалась очень полезной, синьоры фантасты! Во-первых, она объясняет происхождение и суть тяготящего нас феномена, называемого «литературным гетто». Ибо числом и качеством представленных в ней авторов подталкивает к немудрящим арифметическим озарениям. Каков обычный тираж изданий, выходящих под грифом «SF&F»? 5 — 10 тыс. экз. Это вполне сопоставимо с количеством вырабатываемых фантастических текстов писателей, пишущих фэнов, нежных начинающих беллетристов и заскорузлых патентованных графоманов. Ведь даже число членов Союза писателей СССР в разные годы колебалось как раз внутри пределов этих 5 — 10 тыс., и оценивать наше с вами поголовье теми же цифрами будет вполне корректно.

А раз так, то вот вам и гетто: что вырабатываем, то внутри самих себя и потребляем. И печаль пенять на некалифицированных литкритиков и тенденциозное общественное мнение.

Альманах полезен еще и тем, что, по сути, представляет собой сборник своеобразных рецензий. Гораздо более убедительных и объективных, чем те рекламные аннотации, которые вытеснили рецензии действительно аналитические и непредвзятые. Ведь, дабы выяснить степень одаренности автора, экономнее и надежнее всего прочесть его рассказ и определиться: следует ли продолжать знакомство и покупать романы.

Кстати, альманах содержит и раздел рецензий, и это радует вдвойне, потому что среди рецензентов попадаются и авторы тут же опубликованных рассказов. Естественно, совсем немного времени требуется, чтобы вычитать неоспоримо грамотную фразу «Постепенно нарастающий драматизм романа приводит к кульминации», и понять, что вышепубликующийся рассказ этого

твердого хорошиста от словесности можно уже и не читать. Удобно, черт возьми!

В-третьих, по прочтении «Нашей фантастики» приходит огорчительная, но нужная мысль: форма рассказа нынешним российским нф-литераторам не по зубам. Рассказ они понимают в лучшем случае как некий этюд, исполненный на досуге между двумя эпопеями. Но будьте уверены – автор, неспособный к ювелирной отделке малой формы, монументалистом себя проявит тоже аляповатым. Просто в романе нетребовательная любовь гнетущего большинства авторов к самим себе в искусстве как-то не столь очевидна. А в рассказе предстает в концентрированном виде. И многое говорит тем, кто еще способен слышать.

В-четвертых, чисто художественные недуги нынешней российской фантастики диагностируются с помощью альманаха вполне адекватно. Продолжается вечный спор между киевским мещанином Треплевым и писателем Тригориным. У первого и «трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом аромате воздуха», а второй в живописании лунного вечера ограничивается блеском горлышка разбитой бутылки и чернеющей на пилотине тенью от мельничного колеса. Вот и мы сегодня чаще всего имеем «морское пениящее месиво смыкалось у горизонта с мутным небом» (Г. Л. Олди, «Nevermore»), редко – «боль металась в голове, как бойцовая рыбка в узком аквариуме» (А. Зорич «Клятвопреступники»), но вслед за ярким образом, стык в стык вновь лежат многословные банальности.

Приходим к вопросу, который бесит многих литераторов. А что они, собственно, хотят сказать своими произведениями? «Это неправомерный вопрос!» – ялятся литераторы и ссылаются на ответ Толстого по поводу «Анны Карениной». Увы, в их случае издевательская простота читательского любопытства правомерна. И встречающая авторская ярость закономерна вполне. Она выдает принципиальное отсутствие ответа.

Спасибо Зоричу за «бойцовую рыбку боли», но – о чем его изящно-пустые «Клятвопреступники»? Ась? Только не надо мне говорить, что для понимания намерений автора следует прочитать его предыдущие романы. Не обязан. Передо мной отдельно опубликованный рассказ, и он должен быть самодостаточным. Высренняя патетика и лобовые аллегории – пандемический бич нашего гетто (С. Дорофеев, Ю. Никитин, Г. Л. Олди, отчасти В. Васильев). Тривиальны и предсказуемы «Золотая лоза» А. Плеханова и «Сюр-

приз для небогатых людей» Д. Володихина. «Впереди – вечность» А. Бачило просто умиляет стремлением подробно разжевать немудрящую шуточную мыслишку до самой тюреобразно-усвояемой консистенции. Причем вышеупомянутые тексты не лишены некоторого внешнего литературного блеска, неупомянутые же достойны того, чтобы их милосердно не упоминать.

Однако из квартала нашего гетто, где обитают критики, с психотронным упорством эманулируются комплиментарные заклинания, будто бы соседствующие нф-беллетристы умеют выстраивать «многослойные и многоходовые комбинации с несколькими смысловыми уровнями». Ничем не обоснованной лезть, видимо, успешнее всего обманываются именно конгруэнтные рецензентам рецензируемые – те самые пишущие-читающие фэны («пишичитай»?), что производят и потребляют основные массивы «нашей фантастики»... Если же рецензенты осмеливаются кого-нибудь ругнуть, то тут же выдают в себе безапелляционных и скуднообразованных завсегдатаев задиристых подростковых форумов и чатов.

Интервью с А. Плехановым, вполне комплиментарное, предательски напоминает беседу с Э. Малышевым, опубликованную в предыдущем номере «Лавки». А. Буровский в статье «Феномен по имени Бушков» очень точно перечислил недостатки талантливого, но неровного красноярского писателя – их безжалостный список должен был бы остановить Буровского, когда тот влюбленно объявлял Бушкова классиком отечественной литературы. Если что и поднимает «Нашу фантастику 2000» над уровнем клубного фэнзина, то это статья К. Крылова «Место для шага вперед». Образностью она побивает большинство беллетристических публикаций альманаха, а дистанцированность от нф-текучки обеспечивает ей возможность делать интереснейшие обобщения. Одно нехорошо: едва разогнавшись, Крылов тут же и обламывает читателя кайф – «продолжение следует». И да. Есть подозрение, что придется покупать «Нашу фантастику 2001» – чтобы посмотреть, на что еще способен автор обманчиво юморной сентенции: «Не будет большим преувеличением сказать, что Союз развалили в значительной мере ради того, чтобы узнать, наконец, про приключения Фродо Торбинса и своими глазами увидеть Звездные Войны».

Впрочем, может быть, заманчивое «продолжение» отыщется на каком-нибудь сайте?

Игорь ЛЕГКОВ

Елена Долгова. Сфера Маальфаса. – М.: «Эксмо», 2001. («Знак Единорога»)

Замечательный дебютный роман молодой пермской писательницы, уже успевшей засветиться несколькими рассказами в периодике, по счастью, не имеет ничего общего с творениями Николая Перумова, хотя их начали сравнивать сразу же по выходе. «Сфера Маальфаса» в отличие от книг питерского мэтра, исповедующего непрерывный action, отличается некоей «размытостью форм», глубоким психологизмом в описании героев и очень достоверной напряженностью внутренних драм. Детальная проработка антуража, пристальное внимание к внутреннему миру героев, превосходный, выверенный, отточенный стиль изложения – вот далеко не полный перечень достоинств этого романа. Люди постунают здесь как люди, если кто и носит маску, очень скоро та слетает, обнажая душу и лицо. Долгову интересует все, что способно повлиять на характер человека, изменить его стиль жизни, убеждения и мировоззрение. В стороне не остается никто – любой, даже мельком упомянутый герой ее романа, будь то император, молодая баронесса, инквизитор или полуграмотный наемник, рано или поздно сталкивается с каким-то внутренним барьером, который он обязан одолеть. Свобода выбора всякий раз оказывается сведенной к дилемме «или – или», и это сближает книгу с трудами, скорее, других мастеров жанра – киевлян Марины и Сергея Дяченко.

К сожалению, после прочтения книги возникает больше вопросов, чем ответов. Почти сразу на поверхность всплывает один громадный недостаток романа: «Сфера Маальфаса» – это книга ни о чем. Это крепкое, добротное фэнтези в средневековом антураже, но и только. Не то, чтобы она уж совершенно бессюжетна, нет, но сюжет так мал и так слабо проработан, что следы его можно разглядеть лишь в электронный микроскоп. Так бывает с историческими романами – описываемые события бессвязны, герои схематичны, – нас просто ставят перед фактом: «было так». Мы кинаем и воспринимает текст, как он есть, поскольку знаем, что случилось до, и что случилось после, ибо сами живем в этом мире и рассказанная нам сказка – часть нашей Истории. Но не надо смешивать исторический роман и фэнтези! Что в первом случае выглядит цитатой из известного произведения, то в фэнтези является всего лишь вырванной страницей из большого манускрипта, который нам никогда и ни за что не прочитать. Да, в большинстве романов-фэнтези сюжет изрядно затаскан и

сводится к спасению очередного Мира от очередного Медного Таза, или, хотя бы, к банальному квесту. Елена Долгова попыталась избежать заезженных сюжетных ходов и штампов, и это ей удалось. Стоил результат такой цены, или же нет – решать читателю.

Роман полон изящных, но потерянных парадоксов, недоразвитых и попросту зачаточных сюжетных линий, могущих украсить любое произведение, но в итоге так и оставшихся нераскрытыми. Совершенно не получает развития идея «молящихся» – кучки избранных, насильно отданных храму; что с ними случилось после истребления подземного народа, так и остается непонятным, а какая была бы сцена! Фантастически красивая, достойная Умберто Эко история хрониста Адальберта, который своими книгами изменяет реальность, вообще изложена в одном абзаце и забыта. Остаются в стороне и «сатанисты» с их ночными бдениями, и вампириша Маргарита... По-видимому, в своем стремлении раздать всем сестрам по серьгам Долгова просто вынуждена была пренебречь любым развитием основного сюжета, как физики порой в своих расчетах пренебрегают трением или объемом.

А вот оборона городка Оводца (сцена, кстати, редкостная по накалу чувств и занимающая чуть не четверть книги), наоборот, выглядит самоцелью, этаким реверансом русскому читателю – знай, мол, наших! Трудно поверить, что на пути кочевников лежал всего один (!) славянский городок, с падением которого путь ордам степняков в Европу был сразу же расчищен и открыт. В итоге все сводится к бревенчатому «волкодавству», правда, напрочь лишенному слезливой Семеновской лирики и оттого намного более реалистичному. Хотя (и в этом я уверен) без этих душераздирающих батальных сцен роман Долговой только выиграл бы.

Закулисные интриги чиновников Империи, при помощи которых некий демон вознамерился вселиться в тело вождя варваров и завоевать весь Мир, тоже выглядят как-то неубедительно. И планы «демона», и замыслы предателей настолько не вписываются в ткань повествования, что выглядят надуманными, несерьезными и несколько не влияют на сюжет. Да и вряд ли после захвата демоном варварской души ход войны хоть сколько-нибудь, да изменился бы... Еще одна вопиющая нелепость: Сфера Маальфаса – могучий артефакт, способный уничтожать целые города, оказывается снабжена своеобразной «инструкцией по эксплуатации», которой являются листы из некоей книги. Ну сами посудите: книга эта существу-

ет в единственном экземпляре, и нормальный человек, искренне желая, чтобы Сферой больше никто не воспользовался, попросту бы вырвал их и уничтожил. Так зачем же таскать их с собой, прятать и перепрятывать, трясясь от мысли, что они могут попасть в руки врага? Непонятно.

В последнее время появляется немало книг, если можно так выразиться, «поколения политкорректности», где авторы делают все возможное, чтобы не дай Бог не затронуть ненароком церковь. Если в книге есть аллюзии на христианство, авторы всемерно стремятся «замаскировать» учение Христа каким-либо нейтральным символом («Святое Древо» у Уильямса, «Колесо» у Джордана). Но если раньше это поветрие касалось только Запада, то сейчас докатилось и до нас. Первой ласточкой был Лукьяненко с его пресловутым «Святым Столбом», теперь вот, у Елены – «Святой Треугольник». В круге. Если разобраться – типично масонская символика, но не в этом дело. А дело в том, что описания религии, всех таинств, обрядов и церковных ритуалов при этом грешат какой-то пародийностью, карикатурностью и как следствие – выглядят лишними. Отсюда, кстати, видимо, происходит еще один синдром – инквизиторы в описании Долговой выглядят совершенно беззубыми, их роль в этом мире сводится, в основном, к церковной бухгалтерии и паблюдению за исполнением «священных ритуалов», которые мало соотносятся как с церковным таинствами, так и с хитросплетениями государственной политики. Что мешает авторам взять за основу христианство в чистом виде, – слабость в знании теории, нежелание разобраться в хитросплетениях средневековой схоластики, или все боится участи Салмана Рушди? Я не знаю. Мне возразят, что в мире «Сферы...» не было личности, подобной Христу, но если разобраться, то господствующая в нем религия по сути все же несомненно христианство.

Есть и другие мелкие «проколы», но они не так существенны. Таксы, как порода, появились много позже – где-то в середине XVIII века. У верблюдов нет копыт. По-латыни не писали рунами. «Псами Господа» называли не инквизиторов, но монахов-доминиканцев (из-за игры слов: Dominicans – Domine Canes), а их в мире «Сферы...» не было и нет. Сторожевые посты на границе накануне войны никак не могут состоять всего из **трех** человек... ну, и так далее. Большинство эпиграфов весьма сомнительно стыкуются с содержанием глав, которые они предваряют. И хоть убей, я не могу понять,

какой был смысл стиха У. Блейка (правда, с оговоркой) выдавать за сочинения придуманного автора Якоба Виссерона. Чем Блейк-то ей не угодил? Вийон, вон, например, под собственной фамилией представлен, и ничего... Уже вначале настораживает «Замок Ништякштайн», но по счастью это первое и единственное проявление подобной беспардонности со стороны автора (если не считать «Парадамуса Нострацельса») – все остальные хулиганско-пародийные элементы были вычеркнуты из книги на подготовительной стадии безжалостной рукой редактора, и это один из немногих примеров, когда подобное вмешательство оказалось очень правильным и своевременным.

Как бы то ни было, все недостатки романа искупаются одним очень важным достоинством – книга Елены Долговой определенно хороша. Хороша уверенным и открытым слогом, хороша масштабностью и широтой повествования, открытыми и искренними чувствами героев, хороша раскованным, живым, литературным русским языком (иных страниц, я думаю, не постеснялся бы и Алексей Толстой – сравнение для Елены более чем лестное). Ну, и конечно хороша она тем прекрасным ощущением реальности пребывания в стране «нигде и никогда», которое уже почти утрачено в мире фэнтези и сводится к пустопорожним описаниям «баронов и драконов» или бесконечным дракам, из-за которых, кстати, жанр фэнтези так многими не любим. И не надо забывать, что «Сфера Маальфаса» прежде всего – дебютная книга, и как дебют она более чем удалась.

Выше гор могут быть только горы. Елена Долгова взяла свою первую вершину, взяла честно, с потом, кровью, снежной слепотой и обмороженными пальцами. И похоже, что она из тех, кто не станет почивать на лаврах после первой книги. Давайтеждем второй. Может, нам явят и другие листы из того «большого манускрипта»...

Дмитрий СКИРЮК

Елена Долгова. Сфера Маальфаса. - М.: Эксмо, 2001. («Знак Единорога»)

Чьим было это Средневековье? Земным или неземным? Переход от демонизма и язычества к «светлому будущему» лежит через тернии непонимания, колдовских пережитков темного прошлого. Что это было? Кто придумал эти странные обычаи, для чего? На эти вопросы уже не ответить. Многие разгадки прошлого в мире Империи, как и в нашем мире, уничтожены Средневековьем, сожжены бесовские книги, разогнаны еретики, жаждущие познания. Ради веры? Не только... Все они радеют о благе своей страны,

или своего народа, а это разные вещи... О благе своих близких. Каково сыну императора, усомнившемуся в своем отце? Неразделимы ли счастье Императора и Империи? Хотелось бы счастья для всех даром, но шар оказался темным. Геноцид — дело обычное для Империй. Всегда нужен враг, неважно, что внутренний, неважно, что родственники, неважно, что оправдают невинных только после смерти, если вообще оправдают... Темные времена, темные люди. Незнание — благо, как понимает Хайни Ладер, потому что, чем больше он узнает, тем больше понимает, что его опять обманули. А что новое знание, как не тот же обман? Не-ет, лучше уж совсем ничего не знать. Страшно жить тем простым, кто хочет творить добро, а совершает... К каким последствиям приведет тот или иной поступок? Не дано предугадать. Чем обернется впоследствии — несчастьем для тебя и твоих близких, несчастьем для твоих врагов, но вряд ли счастьем, ибо для всех страждущих — одна награда...

Так и остаются неизвестными тайны прошлого. А уж тайны будущего... Как повернется судьба героев после окончания книги, не угадать никому. Кто из героев положительный, а кто отрицательный, сказать трудно. Хотя, с долей уверенности, можно определить, кто является невинной жертвой. Баронесса Алиенора, похищенная из родного дома, несчастное создание, пытающееся творить добро в понимании обыкновенной женщины, а получающее, обычно, грубо говоря, по носу... Злые колдуны подземных жителей — этим не повезло вдвойне. Остальные в той или иной мере имеют свободу выбора. Император Газильгер, его сын Гаген, связанные по рукам и ногам политикой и лавированием между интересами народа, стран-соседей, знатных баронов. Дайгал, ищущий свое место в мире под солнцем. И множество народа, который верит в то, что ему скажут, в то, что можно свалить на кого-то свое несчастье, и во все, что не поддается объяснениям разума.

Многие ходы сюжета нельзя предугадать. Герои романа не похожи друг на друга, их не перепутаешь ни при каких обстоятельствах. Они по-разному думают, по-разному говорят, совершают поступки, соответственно своему внутреннему миру. Не понимают друг друга, как обычные живые люди, и понимают друг друга, потому что и такое в жизни случается. Оставим пока в стороне домыслы о художественных допущениях, так как вряд ли подобное «двойное» существование Империи продлилось столь долго, учитывая экономические предпо-

сылки. Полифонический роман и роман-странствие, нанизанные на одну временную нить, тем не менее, не являются двумя частями одного целого, это разные вещи, и по структуре, и по настроению. Страшные Средние века действительно страшные, но не окончательно темные. Автор утешает читателя тем, что кроме смерти, предательства, гонений и черной магии, в мире есть место любви, дружбе и белой магии. Хотя и ненадолго, да и автор только утешает...

Мария ЛУКАШИНА

Святослав Логинов. Картежник.
— М: Эксмо, 2000. («Абсолютное оружие»)

От Логинова никогда не знаешь, чего ожидать. То он пишет фэнтези (и фэнтези великодушное), то исследует забытые легенды степняков-монголов, то поведает нам о судьбе казака из войска Стеньки Разина, а то вдруг на пару с Перумовым возьмет, да и нагородит аркадный симулятор каменного века... А в этот раз из его кухни вышло и вовсе что-то несусветное. Судите сами, рецепт прилагаю: взять поровну из «Крестоносцев космоса», «Великого Гусляра», «Инспектора Бел Амора», «Путеводителя автостопом по галактике» и «Приключений капитана Врунгеля», смешать, разбавить песней «Бывали дни веселые», посолить, запечь как следует и подавать на стол под кинофильм «Не валяй дурака». Попробовали? Ну и как? На что похоже? Ага — молчите! Один мой друг сказал: «киберпанк». Так вот, не слушайте его — он просто с первого раза не распробовал.

Да и как тут разобраться, в таком сюжете! Угадать все составляющие — это только полдела. Все равно, как разузнать состав «Кока-колы» — вроде бы всем он известен, даже на этикетке написан, а подделывать не получается. Так и тут. Крановщик-мелиоратор Олег Казин, ободравший в карты до трусов заезжего пришельца, инопланетные приватизаторы, лишь чудом не успевшие пустить Землю в переработку вместе со всем населением, делегация землян, в которую подобралась одна амбициозные политики, и грядущий экспорт с Земли игровой индустрии... Думаете, это все? Как бы не так! Да я вам вообще ничего не сказал! Несмотря на сравнительно малый объем, роман вместил еще кучу всяческих событий. Один только заклад Луны в галактическом ломбарде чего стоит! А взрыв портативной «черной дыры»? Это тоже, доложу я вам, не фунт изюму.

«Картежник» полон всяческих приколов, спрятанных цитат и неистертых каламбуров. «Как презент президент

принял казинский брезент», — чувствуете? А уж история электрика Вохи из Николаева... Кого-то мне она напоминает? Стиль трудноопределим, но он прекрасно выдержан. Это роман запоминающийся, яркий, несмотря на некоторую легковесность. Да и «легковесность» эта дорогого стоит: надо очень хорошо уметь писать, чтобы ее добиться, чтобы сотворить из книги этакий лубок космической эпохи. Где там киберпанк! Откуда ему взяться в России, киберпанку? Не та земля, не та вода. Да и не было в Союзе панков никаких, а те, что были, больше игрались в это дело по столичным городам, чем в самом деле панковали. А в глубинке российской встречались все больше БОМ-Жи. Вот и получается у нас не киберпанк, а «кибербомж». Вместо юного анархиста hi-tech с розеткой в голове — небритый тип в ушанке и засаленной телогрейке поверх космического скафандра, с кувалдой в одной руке, ноутбуком в другой и початой чекушкой в кармане. Американский фильм «Армагеддон» смотрели? «Рашен космонавта» на земной орбите помните? Так вот, это он и есть. Ага. Почувствуйте разницу.

В конце XX века в русскую литературу вдруг явились новые герои, и приплыли они через фантастику. Странные это герои — люмпены-философы, вчерашние колхозники, спивающиеся поэты, заплутавшие в своих исканиях интеллигенты... Перемолотые властью и привыкшие жить сломанными, хитрые до простодушия, они порой забавны, порою обаятельны, а временами и отвратительны, но это люди. Просто — люди. Они несчастны, но по-своему горды своим несчастьем. Они — это мы: забытое наследие «совка», продукт балканизации некогда великой страны. Возможно, именно в них и отразилась наша эпоха. И когда рухнет в новых звездных войнах последняя хрущевская пятиэтажка, и рванет в «Звезде смерти» снаряд последнего джедая, крановщик Олег П. Казин выйдет из запоя, сдвинет кепку на затылок, выругается в сердцах и начнет все строить заново.

Сколько там шагов от великого до смешного?

Подведем итог. Расставим, так сказать, все точки над «е». «Картежник» Святослава Логинова — это еще одна протоптанная тропка в неизвестные края. Удивительное рядом, не пройди-те мимо! Много ли их, таких тропок? «Бел Амор» Бориса Штерна, «Евангелие от Тимофея» Брайера и Чадовича, «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина, «Нам здесь жить» Олди и Валентинова, совсем уж недавняя

«Алая аура протопарторга» Евгения Лукина... Произведения эти разные, неоднозначные, но чем-то схожие, наверное, тем особым настроением, тем смехом со слезами, кои составляют нашу нынешнюю жизнь. Пока их мало. И одна, как говорится, ласточка весны не делает.

А две?

Дмитрий СКИРЮК

Наталья Ипатова. Большое драконье приключение. — СПб.: Азбука, 1999. («Азбука fantasy»)

Изрядно запоздалая рецензия на книгу, изданную уже почти три года тому назад, объясняется довольно просто: вышедшая из печати летом 99-го, после памятного «Кириенковского» кризиса, повергнувшего в ступор всю страну, книга Ипатовой попала на прилавки в тот период, когда литература интересовала народ в последнюю очередь, плохо расходилась и не окулилась в положенные сроки. 2/3 тиража остались лежать на складах. Как следствие, опечатанную довольно крупным тиражом книгу Ипатовой до сих пор можно встретить на прилавках магазинов, причем цена у нее — обхохочешься. И сколько ни припоминаю, я нигде, — ни в периодике, ни в фэнзинах, ни в сети не встречал ни рецензий на нее, ни каких-либо вообще о ней упоминаний, что весьма прискорбно. И сейчас я попытаюсь заполнить сей досадный пробел.

Есть такое понятие — авторская песня. Такая, знаете ли, разнообразность туристского изустного «творчества» — песни про чайник над костром под три «блатных» аккорда. А если за гитару берутся ролевики, то чайник и костер сменяют эльфы и драконы. Судя по всему, Ипатова как раз из таких. В книге два романа — собственно «Большое драконье приключение» и второй — «Ангел по контракту». Оба как бы в стиле фэнтези. «Как бы» потому, что на самом деле текст представляет собой коллаж из самых затертых штампов фэнтези-литературы, тусовочных приколов и тривиального «женского» романа «про хорошую любовь», присыпанный сверху незамысловатой пикировкой диалогов. Но песни песням рознь. Юрий Визбор, например, был весьма посредственным поэтом, очень слабым мелодистом, никаким певцом, и на гитаре играл тоже не блестяще. Однако это не мешало ему добиваться эффекта, по своей силе поразительного, и сколько ни пытались поздние последователи перепеть для себя его песни, ничего не выходило — магия куда-то улетучивалась. Примерно то же самое представляет собой книга Ипатовой. Вроде бы простой, без всяческих изысков текст, тинейджерская торопливость изложения, совершенно разговор-

ный стиль — слова поставлены, какие первыми в голову пришли, а обилие современных фишек и словечек сильно выбивает из настроения; сами истории заезжены до тошноты, сюжетных поворотов здесь не больше, чем в каминной кочерге. А все вместе — совершенно очаровательная книга. Да, именно так.

Знаю, что сам себе противоречу, но ничего не могу с собой поделать. Да, это «авторская песня», да, это «три аккорда», но в ней есть та самая частичка магии, которой не хватает многим нашим профессионалам от пера. В этих двух романах есть какая-то неуловимая прозрачность и легкость, какой-то воздух, свет и радость бытия. Редкий случай, когда удовольствие, с каким писалась книга, непонятным образом захватывает и читателя. А то, что книга писалась с удовольствием, ощущается едва ли не на каждой странице. Юмор, хоть и прост, но совершенно ненапряжен, схематичные герои на поверку вдруг оказываются милыми и очень симпатичными людьми, мелкие приколы в большинстве своем оригинальны и весьма уместны, а легкий эротизм — здоровый и задорный, без малейших признаков пошлости и фальши — выглядит свежо и ненавязчиво. Во всяком разе, это не тот случай, когда книга напоминает описание плохой игры в стиле «вот тебе Предназначение Судьбы, пойдти туда-то, спаси мир, возьми с полки пирожок», чем, к сожалению, страдает большинство начинающих авторов. Иногда, правда, писательницу, что называется, «запосит», и тогда на свет всплывает вечная идея-фикс женской половины человечества во что бы то ни стало выставить вторую половину дураками. Мол, жил один дурак. Потом у него появился друг, и стало дураков уже двое. Потом к ним прибавился еще и дракон... А теперь скажите, дети, сколько стало дураков? Правильно, трое. И жили бы они так и дальше, три дурака, но тут появились две умные наблюдательные красивые женщины, и все сразу встало на свои места. Цитируя одну из героинь: «Главное — дать им понять, что они обязаны тебя слушаться, и в корне давить любой бунт». М-да... По счастью, такие закосы в творчестве Ипатовой редки и погоды не делают. Книга вызывает странные ассоциации. Напоминает девушку-подростка — юную голенастую хохотушку, неловкую, нескладную, еще не понявшую, кто и для чего она такая, с волосами по ветру, с порывистой походкой и глазами нараспашку. В нее просто нельзя не влюбиться.

По слухам, у Ипатовой в загашнике лежат еще два-три романа, но с момента выхода «...приключения» у нее

нигде больше ничего не издавалось. Видимо, как это ни прискорбно, вследствие досадной первой неудачи издатели поставили на авторе большой и жирный крест. Однако есть надежда, что на волне возобновившегося в последнее время интереса к жанру фэнтези мы вскоре вновь увидим на прилавках книги Натальи Ипатовой. Запомните это имя. Кто знает, вдруг моя запоздалая рецензия на самом деле опередила свое время?

Очень рекомендовал бы эти два романа всем взрослеющим девицам, кои в силах одолеть пятьсот страниц убогистого текста, а также представителям сильной половины человечества, способным разглядеть — за внешней простотой и недалекостью — кристальную незамутненность восприятия и первозданность чувств. Оказывается, мир вокруг еще очень даже можно открывать и получать от этого поистине неизъяснимую радость и удовольствие.

Кстати говоря, несмотря на все вышесказанное, сюжет у книг Ипатовой на самом деле оказывается не таким уж и простым. Такое бывает. Излом у кочерги, хоть и один, зато на девяносто градусов. И если вы дочитаете книгу до конца, то с удивлением обнаружите, что...

Все, все. Умолкаю.

Читайте.

Дмитрий СКИРЮК

Лев Вершинин. Сельва умеет ждать. — М.: ЭКСМО, 2000. («Абсолютное оружие»)

Изобрети слова.

Когда переполняют чувства, когда для описания событий не хватает знания даже двух родственных языков, изобретаются слова.

Когда для выражения словами не хватает событий, происходящих даже в двух родственных государствах, изобретаются события.

Первая «Сельва», которая «не любила чужих», вышла года два тому назад, однако забыться за это время не успела. Там все было довольно просто: «Туземцы, это земляне. Земляне, это туземцы. Унесите туземцев». «Бремя белых», «Запад есть Запад...» и все такое прочее. Вот разве что украинские первопоселенцы — унсы вызывали некое сомнение. Впрочем, и им на Земле несложно отыскать аналог — буры. Дебри буша, закулисные интриги монопольных корпораций, престарелый звездный диктатор и его неоперившийся сынок-наследник, все это было смешано и переварено в какой-то безумный компот. Вкус был необычный, но в основном приятный. Яркий был роман, хотя и чересчур «шутейный». Впрочем, хоть и было там над

чем посмеяться, было и над чем подумывать. Вот только мучила меня одна мыслишка: что-то это мне напоминало. Не стилем, не мастерством автора, закаруселенного собственной фантазией, а общим таким настроением. Напоминало, но вот что? И только когда я дочитал до середины вторую книгу, меня как ударило: ну конечно! – Гулливер! Как его там... «Путешествие в Лапуту, Бальнибари, Глаббдобдриб, Лаггнет и Японию».

Сейчас уже нельзя досконально выяснить, зачем это было сделано. Наверное, есть много обстоятельств, заставивших Льва Рэмовича обратиться к сложнейшему жанру политического памфлета, жанру, в котором в наше время не работает почти никто. И сразу все становится понятно. За неделями, абсурдными событиями на планете Валькирия прячется она, сегодняшняя жизнь, наполненная преступными разборками, финансовыми аферами, презрением к простому человеку, телесериалами, религиозными и политическими фетишами и бесконечными выборами очередного незнамо кого. Ведь и Свифт писал не о лилипутах и великанах, а об Англии, которую он всю свою сознательную жизнь любил и ненавидел. И соплеменники его, случилось, верили, что описывает он реально существующие страны, цокали языками, смеялись и показывали пальцем (да и как тут не поверить, ведь была же в этом списке и реально существующая Япония!). Так и мы обманулись и читали «Сельву», словно фантастический роман. И сейчас напоминаем их, тогдашних англичан, которые читают книгу о последнем путешествии Гулливера в страну разумных лошадей. И обнаруживаем с ужасом, что вместо забавных лилипутов или туповато-умных лапутян на нас из зеркала смотрит морда ненавистного грязного йеху: «Господа, господа, что ж он делает?! Это уже не смешно!»

Пересказывать вторую «Сельву» так же бесполезно, как и первую – сюжет укладывается в две строки на обороте книжки. Альянс политиков и мафии, с коего все началось, обернулся «одеялом», которое каждый тянет на себя, бурам (пардон, – унсам) выпала роль камешка меж двух жерновов, а туземцы оказались далеко не простыми ребятами и превратились из «потешных» в настоящие войска, способные вести серьезную герилью. Любовь туземной атаманши и «сына неба» Дмитрия Коршанского, вначале столь курьезная на фоне всяческих туземных мумбоямбо, оборачивается бесконечными супружескими скандалами. Спивающийся генерал-губернатор допивается

до суицида. Планета в блокаде. Ненависть накапливается как гной. Все меньше хохм, все больше крови, как оно обычно и бывает. И попробуй, разберись, кто прав – сын президента, ставший волею судеб вождем народа дгаа, или спятивший от просветления туземный генерал с инопланетной эктоплазмой в черепушке. В общем, «партизаны – хорошо, а душманы – плохо». Банановой экзотикой здесь уже не пахнет. А пахнет, судари мои, переворотом, и даже двумя – и у землян, и у аборигенов. Попранное человеческое достоинство берется за оружие и выясняется, что оружие стреляет. Пулями. А пули убивают. До смерти.

И каждый отвечает за козла.

«Я не претендую ни на что, мне не нужна власть. Я хочу одного – жить. Нет, вру. Жить как человек. И работать. Работать так, чтобы не стыдно было получать чины и награды. Я хочу видеть вокруг нормальных людей и самому быть нормальным. Вот только не знаю я, что это такое – норма. И никто не знает». Так говорит себе новоявленный диктатор Валькирии Христофор Руби, маленький человечек, урвавший шанс не только выбраться из нищеты, но и обрести смысл существования. Но мы-то прекрасно знаем, чем мостят дорогу в ад.

Жанр памфлета не признает ни логики, ни смысловых ограничений, ни связной последовательности событий. Изысканная речь сменяется туземным «beche de mer» или блатным жаргоном безо всяких переходов. Видимо, так надо, потому что впечатление это производит еще то. У Вершинина все идет в дело – карикатурный оборотень-спецназовец и пушкинский Петруша Гринев, доктор Борменталь и Фридрих Барбаросса, вместе со своими рыцарями служащими на побегушках у отставного мафиози. Ассоциаций и исторических параллелей в романе много, даже слишком, и это не всегда идет ему на пользу. Даже на самых безобидных строчках читателя мучает вопрос: а нет ли здесь какого-нибудь подвоха? События кружатся, сплетаются и обрываются на самом интересном месте, конца у книги нет. Что дальше? Как из этого выкрутится автор и его герои? Написанная превосходным языком, сложная для восприятия, переполненная событиями и слишком узнаваемыми героями, вторая «Сельва» не решила тех проблем, которые возникли в первой книге, а только их усугубила. И бесполезно ждать, что они решатся в третьей. Так не бывает, господа. В памфлете все кончается конмаром и кровавой баней или, как это случилось с досточтимым Гулливером, полным от-

вращением героя к окружающему обществу.

А в идеале – не только героя, но и читателя.

Сельва умеет ждать. Человек – не умеет. И судя по книгам Льва Вершинина, вряд ли когда-нибудь научится. Готовы ли мы к такой книге? Не знаю. Я был бы рад сказать, что она никого не оставит равнодушным, так ведь сохру – оставит. Возможно, наши потомки на далеких планетах будут запоем читать «Сельву», цокать языками, показывать пальцем и приговаривать: «Эк чего нагородил! Голова! Ну, голова!», потом подберут автоматы и двинутся дальше – оставлять кровавые следы на пыльных тропинках. А может, эти книги «в ту пору прекрасную» будут читать только дети, как сейчас лишь они читают повести «про Гулливера».

А сейчас эта книга слишком взрослая. Нам страшно видеть йеху в зеркале.

Изобрети слова. Изобрети события. Так надо, чтоб народ узнал себя.

А за козла я сам отвечу.

Дмитрий СКИРЮК

Александр Громов. Тысяча и один день. – М.: АСТ, 2001. («Звездный лабиринт»).

Начало XXII века, полдень человечества. Во главу прогресса поставлено достижение баланса между природой и цивилизацией. Смог исчез, электроэнергию вырабатывают экологически чистыми способами, продуктов хватает, чтобы прокормить абсолютно всех. Бытовая техника, автомобили, одежда выпускаются только высоконадежными и обязательно ремонтпригодными. Физическим трудом люди не занимаются. Вкалывают только мужчины, ибо после феминистской революции Анастасии Шмалько мужчинам отказано в праве причислять себя к роду человеческому.

Как же получился такой мир?

В начале XXI века у женщин обнаружили способность к телепортации. Единственное ограничение – полезный груз. С собой можно переносить не более двух десятков килограммов, да и это удается только особо натренированным. Сколько ни бились, по мужское население мгновенно перемещаться в пространстве не научилось. Крайне ценное качество для разведчиков, спецназовцев и милиционеров отныне безраздельно принадлежит исключительно женскому полу. Мало-помалу, к середине XXI столетия уже все силовые структуры оказались укомплектованы представительницами прекрасной половины человечества, к тому же неожиданно оказавшейся еще

и более сильной... Способные бойцы продвигались по служебной лестнице, используя оба природных дара — красоту и умение проходить сквозь стены. У кого в руках армия и госбезопасность — тот и на троне. Не удивительно, что уже к концу столетия даже в ортодоксальных мусульманских странах многие жизненно важные вопросы государственной политики решались только женщинами. Вот тогда-то и произошел взрыв феминистской активности. Новые проповедницы доказали, что мужчины — носители агрессии, что от них все беды в мире, что они виноваты во всем, в том числе и в загрязнении окружающей среды. После нескольких лет неистовых восстаний и бунтов женщины перешли к искусственному оплодотворению, а мужчин согнали в резервации почисте индейских. Как бы между прочим исчезла и мода, так как стремление красиво одеваться — это элементарное стремление привлечь полового партнера к себе. А такой атавизм, как разнородный секс, непременно жестоко карается. «Чтобы быть хомо надо быть гомо», как говаривал Энтони Берджесс.

Странно, однако, что после построения такого занятого, вывернутого наизнанку мира, автор бросил сочные задумки на полуслове и превратил книгу в банальнейшую космическую оперетку.

В этом феминистском рае, среди отверженного и загнанного в угол мужского населения существует легенда о парне, который способен телепортироваться. Что конкретно сможет противопоставить этот Тимофей Гаев сотням тысяч бойцов, не совсем понятно, но многие подпольные организации связывают грядущие перемены именно с этим уникалом.

Однако заговорам не суждено реализоваться: в мерный распорядок дел вмешивается внешний фактор.

Безоблачному блаженству феминисток грозит внешняя угроза инопланетного происхождения. Оказывается, вся папа Солнечная система движется прямоком на кордон, сооруженный древней и могущественной цивилизацией. Любой живой организм или материальное тело искусственного происхождения, приблизившись к чужим сторожевым кораблям, немедленно уничтожаются. Руководители операции по спасению Земли решают запустить к одному из инопланетных кораблей единственного мужчину, который умеет телепортироваться (и за которым, оказывается, уже давно наблюдали где надо). Вот тут-то и обнаруживается значительный сюжетный прокол: какой смысл посылать неблагонадежного мужика, если под рукой всегда есть патренированные,

вышколенные и всему обученные спецназовки? Им, в отличие от Тимофея Гаева, не придет в голову торговаться с начальством по поводу особых условий для своих родственников. Способности Тимофея ничем не превосходят способностей тренированного бойца. Вот если бы он мог телепортироваться с огромным грузом оружия на плечах, дабы, появившись на чужом корабле, пострелять экипаж или повредить оборудование — тогда иное дело, такого спеца надо холить и лелеять. А в активе Тимофея только 12 кг нагрузки, из которых львиную долю съедает скафандр.

Другой серьезный прокол в книге: это невозможность телепортироваться в то место, где находится что-либо твердое. То есть воздух они как-то вытесняют, а вот если пух распылить по помещению, то материализация тела уже невозможна. Вот как описывает герой воспоминания о первом своем переходе:

«Позднее меня мучили глупые сомнения: что со мной случилось бы, сделай я в Вязком мире те самые два-три шага? Остался бы навсегда вмурованным в стену? Взорвался бы с мощью ядерной боеголовки от реакции между атомами моего тела и силикатного кирпича? Вообще не смог бы покинуть Вязкий мир, поскольку место выхода было занято?» (с.50).

«Раздвинуть собой при выныривании молекулы воздуха — это тривиально, раздвинуть предметы — практически невозможно» (с.65).

Мне так и не понятно, чем же отличается кирпичная стена от воздуха, и кто там установил предел плотности? Почему телепортация так явно зависит от личностных факторов?

Фантастика, мнящая себя научной, все больше склоняется к идеализму.

Сергей СОБОЛЕВ

Хольм Ван Зайчик. Дело жадного варвара. - СПб: «Азбука», 2000.

Ну, что касается Ван Зайчика, то здесь диагноз ясен. Ни у кого не возникнет сомнения, что этот голландский китаец, «революционер, мыслитель и борец за коммунизм» суть мистификация и литературная игра с детально проработанной легендой. Другой вопрос, как к ней относиться. Мистификация — палка о двух концах: с одной стороны она позволяет автору отказаться от каких-либо серьезных обязательств перед читателем, с другой же автор рискует тем, что не будет принят всерьез. Но здесь налицо несомненная удача — Ван Зайчик уродился ловким и вполне жизнеспособным писателем. Его первый роман «Дело жадного варвара» — фантастический детектив с уклоном в параллельную историю с немалой долей юмора и пародии. Дей-

ствие происходит как бы в наши дни, но сюжет то и дело отсылает нас далеко в прошлое, во времена монгольского нашествия, когда Золотая Орда... побралась с Россией. Зачем это понадобилось монголам — один Бог ведает; они с Китаем-то не знали, что делать, когда его захватили. Объяснение приводится такое: старший сын Батия, Сартак, не погиб и унаследовал трон (или что там было вместо трона у монголов). Ну, а поскольку он был влюблен в Россию, то предложил ей союз на века, и все заверте... А на поле Куликовом монголы и русичи бились вместе, плечом к плечу, против немцев и поляков.

При внимательном рассмотрении в книге обнаруживаются и другие любопытные вещи. В сущности ведь слияние Руси и Золотой Орды и так состоялось — оглянитесь: рядом с нами живут и работают Ивановы и Якуповы, Медведевы и Хайрутдиновы, и никого это не удивляет. Интереснее другое: по версии Ван Зайчика чуть позже к этой государственной формации присоединились... Монголия и Китай. А это уже Империя с такими культурными вывертами — куда там Штатам с их демократией и космополитизмом. Вот в такой удивительной стране с названием Ордусь и работают детективы-напарники — чиновник тайной службы Богдан Оуянцев-Сю и следователь Багатур Лобо, которым помогает на правительственном уровне наследная китайская принцесса.

Ничего не скажешь, персонажи у Ван Зайчика получились колоритные. Зато сюжет достаточно прост, наверное, чтобы не заслонять общую картину. Чем-то он напоминает «Черный треугольник» (ну, «Бриллианты для диктатуры пролетариата») — то же ограбление Патриаршей ризницы. Впрочем, в ходе следствия возникают неожиданные параллели с громкими событиями последних лет — то с гибелью парома на Балтике, то с табачным скандалом в США... Не хочу пересказывать сюжет, чтобы не портить удовольствие читателю, ограничусь замечанием, что в целом книга производит странное впечатление. В первом чтении — вызывает некоторую аллергию и откровенное отторжение. При повторном перечитывании — стойкое привыкание. Признаюсь, это стало для меня загадкой, и потому я попытался разложить все по полочкам.

Итак, что хорошо. Проект забавный и необычный. Красиво задуман и исполнен. Великолечно издан. Узор повествования удивительно насыщен; иногда становится просто непонятно, как столько информации удалось втис-

нуть в такой малый объем. Прекрасный язык и пристальное внимание автора к мелочам вырисовывают очень подробную картину порой всего в двух-трех абзацах. Лаковый ноутбук Багатура, бляха-пайцца в качестве пропуска, форменные халаты милиционеров-вэйбинов, ложки с палочками на столе, — все это создает совершенно особую атмосферу. Одно упоминание «незалежных дервишей» чего стоит (видимо, турецкий султан таки завоевал Украину, и не помогли ей никакие письма запорожцев)... Лично я, когда читал, все время задавался разными вопросами. Например, была ли в этом мире Вторая Мировая война? На каком языке они пишут и как — буквами или иероглифами? И если Оуянцев — христианин, то почему он практикует многоженство? Ну, и так далее. Да и финал расследования, как ни крути, тоже производит впечатление.

Что плохо... Общая концепция плоха. Нет цельности. До самого конца нельзя определить, что перед тобой: откровенная насмешка и хохма, написанная с целью исключительно поржать, или альтернативная история и детектив, причем, не из последних — вдумчивый, не заумный и довольно увлекательный. Юмор — вещь такая, чуть передобавил и — привет, зовите неотложку. Некоторые вещи автору определенно удалось, как, например, церемониал подачи пива в гостях у принцессы или неувязки в супружеской жизни Богдана. Но большинство жеребчатых приколов, вроде ломания стульев путем «пускания под себя энергии ци», стукнутого кирпичом йога Алексея в харчевне, или карикатурной драки в буфете на пароме, портит всю картину. С юмором Ван Зайчик явно переборщил. И его не то чтобы слишком много, этого самого юмора, а просто он какой-то... несвоевременный, что ли. Не всегда уместный. Словно перец в торте. И это очень обидно — все время приходится закрывать глаза на эти глупости и неуместности. Проще говоря, текст получился слишком развеселый, чтобы воспринимать его всерьез, и слишком серьезный, чтоб читать и просто веселиться. Но и только.

Что же в целом? Начинание, безусловно, удачное, несмотря на оголтелую рекламу (редкий случай, когда ей в самом деле можно верить). Очень своевременная книга. Интеллектуалу в наши дни и без Ван Зайчика есть над чем поразмыслить, а вот поколение духовных бивисов, ушибленных Норманом, Фраем или Незнанским, прочитав Ван Зайчика, вдруг да призадумается: а не почитать ли что-нибудь еще? Скажем,

пару книг из списка той литературы, что рекомендуется в конце романа.

В общем, если не искать блох, то это очень красивая собака.

Проводя литературные аналогии, «Дело жадного варвара» — это «Знак четырех» Конан Дойля. То есть знакомство. Из достоверных источников я знаю, что можно ожидать второго тома, а в печать запущен уже и третий. Вы как хотите, а я пойду и куплю. Мне нравится, когда меня приятно удивляют.

Дмитрий СКИРЮК

Элеонора Раткевич. Рукоять меча (вторая книга цикла «Деревянный меч»). — М.: АСТ, 2000. («Заклятые Миры»)

Когда Элеонора Раткевич писала рассказы, это было хорошо, и хорошо весьма — она, по крайней мере, знала, где надо остановиться. Когда из-под пера писательницы вышел ее первый большой роман «Деревянный меч», это тоже было хорошо. Хотя он изобиловал длиннотами и житейскими историями, там был очень симпатичный главный герой — юный маг Кенет, красивый сюжет и довольно необычная система магического, скажем так, «самообразования». Приятно удивлял и выстроенный в книге мир — забавный синтез горского Запада и равнинного Востока, этакая помесь средневекового Китая с Грузией. Средневековые города, придворные интриги, воинственные горцы, признающие лишь власть своих живых мечей-богов и обряд разделения хлеба... Раткевич не утопала в кровавой рубке, как Санковский, не описывала страницами придворный церемониал и смутные пророчества, как Латынина или Джордан, и не городила вычурный словесный лес, подобно Г.Л. Олди. Это была даже не фантазия, а просто — красивая сказка, которую без всяких опасений можно дать почитать на ночь младшему брату или сестре. Все в ней развивалось, как положено: мальчишка становился магом, совершая по пути необходимые подвиги, достигая неимоверной крутизны, сражаясь и братаясь с горцами, вельможами, медведями, драконами, а на одном драконе (точнее — на одной из них) ухитрился даже жениться. А под конец, чтобы победить могущественного злого чародея, и вовсе устраивал форменный хроноклазм, изменяя настоящее в прошедшем.

Вторую книгу, честно говоря, не ждали: очень уж первая была хорошо закончена. Но таки отыскалась лазейка, ведь Кенет изменил реальность, чтобы победить врага, а стало быть, изменил и историю. И большинство людей, которые до этого ходили у него в друзьях, теперь его и помнить не помнят, и знать не знают; так, слышали краем уха, есть,

мол, такой маг Кенет Деревянный Меч, но и все. И Кенет отправляется... куда, как вы думаете? Правильно — завоевывать обратно врагов и друзей.

И сразу выясняется, что читать опять все с начала скучно. Даже не знаю, что тому причиной — книга цельная, слог ровный и приятный, да и сюжет весьма конкретный и нестандартный. Наверное, просто раздражает, когда тебе по десять раз разжевывают то, что и так давно понятно. Дворцовые интриги предстают навязчивыми и даже отчасти карикатурными, описываются долго и занудно, по два, по три раза, и уже на середине книгу хочется бросить. Роман мог бы вытянуть новый главный герой, и поначалу, вроде, так оно и происходит. Но когда заканчивается история портовой шайки побегайцев, все тут же скатывается в привычный мир дворцов, фальшивых колдунов и нравственных поучений. Появился и занудный церемониал, и смутные пророчества. Ладно, хоть не кровавая мясорубка...

А самое неловкое в том, что главный герой, который, казалось бы, достиг к финалу первой книги желанного просветления и понимания своей природы, никаких выводов для себя из этого не сделал: построил дом и в нем сидит. Совершенствуется в воинском искусстве. Качает пресс на турнике. Агент полевой, лекарственный... А ведь не раз и не два на протяжении романа автор описывает, как Кенет за просто так, походя, безо всякого напряжения и без вреда для себя исцеляет какого-нибудь больного, но даже не подумывает всерьез заняться целительством. Всю дорогу он обличает и разоблачает других, нехороших, магов, и опять же — даже не задумывается, что он мог бы им противопоставить. Вот разрушить их иллюзии, это — да, это всегда пожалуйста. И ладно бы Кенет сам не понимал, в чем суть, так ведь нет — он прекрасно знает, в чем секрет его магической силы, но даже не думает при этом передать кому-нибудь свое искусство! Вместо этого бахвалится, что, мол, зато он сам способен постирать свои штаны. Ну, прямо детская история про Володю Ульянова в гимназии, если кто помнит. Проще говоря, от магии Кенета ни миру, ни людям, ни ему самому нет никакой особой пользы (правда, справедливости ради надо сказать, что нет и вреда). Единственный же кандидат в ученики, недотепя Кюссин, ничему не учится, а если учится, то с неимоверным трудом. Ну что тут скажешь после этого? Зачем нам людей лечить, мы лучше штаны постираем. Зачем нам вообще какая-то магия при таких-то штанах?

Не знаю, как у других, но у меня к концу второй книги Кенет стал вызывать какое-то брезгливое отвращение.

Маг, который способен творить настоящие чудеса, но вместо этого за медяки пропалывает грядки и чинит заборы, ведет себя, простите, как самый настоящий дурак. Вряд ли писательница специально добивалась такого эффекта. Тем более обидно, что он возник там, где возникать не должен.

И все же, я бы посоветовал вам «Рукоть меча» прочесть. Сейчас скажу, почему. Я бы не стал здесь так распинаться, ругать и хвалить, если бы не одно обстоятельство. Помимо всех прочих достоинств и недостатков, книги Элеоноры Раткевич отличает еще одно странное свойство: читать их приятно не уму, но сердцу. Ее герои долго меряются силой, терпят бедствия, лишения, изгнание, сражаются и даже, бывает, пытаются друг друга, но это, как правило, ни к чему хорошему не приводит. И только когда кто-нибудь неглупый догадывается первым улыбнуться, все сразу становится на свои места, воцаряется тишь и благодение, все братаются и поют аллилуйя. Такая вот философия крошки-енота. Она, конечно, вряд ли сработает в жизни, но так хочется, чтобы работала! И что бы ни написала Элеонора Раткевич, я знаю, что ее книги никогда не научат плохому. И спасибо ей за эти характеры, за Кэссины, за принца Юкенну, за Гвоздя, и даже – за министра Тагино, за всех этих людей, из которых даже самый злобный способен на благородные поступки, а всех прочих я просто почел бы за радость иметь у себя в друзьях. Может быть, я просто слишком люблю тот, первый роман, и поэтому, несмотря на все неувязки и несуровности второго, мне было приятно снова окунуться в мир, где живет маг Кенет Деревянный Меч, который за две книги никого не изувечил, не убил и не предал.

Хоть так и не бывает.

А чего вы хотите? – сказка...

Дмитрий СКИРЮК

Наталья Сова. Там, на краю земли...

// Фантом, 2000. № 2.

Приходилось слышать мнение, что главным достижением журнала «Фантом», вообще оправдывавшим его существование, стала публикация повес-

ти пермячки Натальи Сова (прозрачный псевдоним, представляющий собой усеченную до кончика фамилию) «Здесь, на краю земли». Написанной, кстати, еще в 1996 году.

В повести можно разглядеть классический набор квеста: герой – изгнанный из родового владения отпрыск благородной семьи; наличествует и некий волшебный артефакт, в череду приключений/путешествий содействующий реституции законных прав и, одновременно, созреванию личности героя. По этому нехитрому рецепту у нас и за рубежом десятки авторов ежегодно выпекают сотни романов. Однако Наталья Сова переворачивает сказочный канон с ног на голову – или, наоборот, с головы на ноги, если рассматривать написанное ею с позиций литературного реализма. Юный князь Дан не бродит с мечом наголо по сказочной стране, а наоборот, безвылазно сидит в замке, де юре – комендантом, де факто – узником политической интриги. Благоволящий изгнаннику могучий маг заменен жалким подростком, вымаливающим у сильных мира сего возможность реализовать свой талант, скорее естественнонаучный, чем колдовской. Есть в повести и волшебный артефакт, но это не портативная вещичка – собственно, герой сидит *внутри* артефакта. Единственное сказочное допущение повести: существуют особые участки земной поверхности, будто предназначенные для строительства абсолютно неприступных твердынь. Нужно только расположить каждую архитектурную деталь в единственно уместной точке пространства. И тогда владелец замка становится непобедимым, неуязвимым и едва ли не всесильным. Но «ключевой камень» крепости, определяющий ее индивидуальный характер и предназначение – сам хозяин. Крепость и князь становятся как бы одним целым. Только вот в данном конкретном случае основой этой цельности, заложенным в фундамент кирпичом оказывается предательство.

Главный герой на протяжении повествования вроде бы совершает привычную для квеста духовную эволюцию:

в сравнении с другими властителями он не лишен зачатков милосердия, его аристократические жестокость и спесь мало-помалу оттаивают, и во все более человеческих чертах души проглядывают искренность чувств и мудрость опыта. Но вот твердыня власти отстроена, и князь совершает предательство, приносит ей в жертву мальчишку-зодчего, успевшего стать ему другом. А отмеченный божественным даром строитель крепостей предает самого себя. Он знает, что порождает чудовище, но ему так хочется реализовать собственный талант, построить первый и – мастер догадывается – единственный свой шедевр. Самого себя он факсимильным кирпичиком тоже заложил в постройку. И этот кирпичик тут же начал тикать бомбой замедленного действия. Абсолютная власть кратковременна, об этом нужно помнить строителям федеральных вертикалей, финансовых пирамид и политических схем.

Впрочем, повесть тем и хороша, что позволяет открывать в себе бесконечные слои для интерпретаций. Финал ее открыт – князек Дан, получивший неслыханное могущество, покидает, наконец, свое неприступное гнездо. Он может вернуть родовое поместье, откуда был изгнан братьями, наказать короля, превратившего его в разменную монету политических интриг, наконец, покорить окрестные земли и сделаться императором. А может и погибнуть в первой же стычке, поскольку от своего узилища, от источника силы, от самого себя удалиться, по-видимому, опасно.

Соблазнительная глубина смыслов повести заткана узорчатой тканью зрелой художественности: отчетливо индивидуальны характеры даже второстепенных персонажей-простолудинов, затейлива нюансировка вельможной психологии, в образном языке удачно сбалансирован стиль «исторической» реконструкции и манера современного письма, наконец, присутствует множество ценная романтика средневековых батальных сцен. Литературный дебют поразительно удачен.

Игорь ЛЕГКОВ

Почта

Уточнения читателей к репортажу Дм. Скирюка о «Звездом мосте» («Лавка фантастики» №3, 2000)

Е. Харитонов: «С удовольствием почитал путевые заметки Д. Скирюка, тем более, что сам на «Мост» не удосужился. Только автор усиленно почему-то Лешу Бессонова (Ену) называет там Сашей. Он – Алексей».

В. Ларионов: «Замечание Скирюку - на «Зв. Мост» не ездил Коля Романецкий (из Питера были четверо: я, Владимирский, Большаков и

Первушин). Одно из трех: или глюки (не удивительно на таком замечательном конвенте), или он меня принял за Романецкого, или есть еще один Коля Романецкий (не тот, что написал «Убить в себе Додолу»). Но это, конечно, ерунда, вот в астраханской газете для любителей фантастики «Гном» некий Криворотов сообщил, что в Харьков, к сожалению, не смог приехать Евгений Лукин – это Женя-то, который везде там засветился...».